

Библиотека Издательства «Новик»

Святитель
Григорий Богослов

Духовные
творения

поучающие основам
христианской жизни

Библиотека издательства «Ковчег»

Святитель
Григорий Богослов

Духовные творения

*поучающие основали
христианской жизни*

Трифонов Печенгский
монастырь
«Новая книга»
«Ковчег»

Содержание

ЖИТИЕ СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА	7
---	---

ПЕСНОПЕНИЯ ТАИНСТВЕННЫЕ	25
----------------------------------	----

Слово 1, о началах	25
--------------------------	----

Слово 2, о Сыне	28
-----------------------	----

Слово 3, о Святом Духе	35
------------------------------	----

Слово 4, о мире	42
-----------------------	----

Слово 5, о Промысле	50
---------------------------	----

Слово 6, об умных сущностях	56
-----------------------------------	----

Слово 7, о душе	63
-----------------------	----

Слово 8, о заветах и о Пришествии Христовом	74
--	----

Слово 9, о человеческой добродетели ...	81
---	----

Слово 10, о человеческой природе	93
--	----

Слово 11, о малоценности внешнего человека и о суете настоящего	103
--	-----

Слово 12 , о блаженстве и определении духовной жизни	118
Стихи о самом себе, в которых святитель Григорий Богослов скрытым образом поощряет и нас к жизни во Христе	125

ПЛАЧ О СТРАДАНИЯХ

ДУШИ СВОЕЙ	171
Жалобы на свои страдания	194
О суетности и неверности жизни и об общем всем конце	202
Плач о собственных своих бедствиях и молитва ко Христу о прекращении жизни	207
К себе самому в вопросах и ответах	209
Молитва ко Христу	212
На безмолвие во время поста	213
Песнь Христу после безмолвия в Пасху	228
Мысли, писанные двустихиями	231
Двустихия	237
Песнь Богу	247
Молитва ко Христу	251
Молитва утренняя	254

Молитва вечерняя	255
Молитва на другое утро	255
Молитва в болезни	256
Молитва шествующего в путь	257
Плач и моление ко Христу	262
Плач Григория о себе самом	
К самому себе	275
К душе своей	277
Плач о душе своей	280
Упреки неразумным	
стремлениям души	283
На плоть	286
На лукавого	290
О брани от бесов	296
Разговор с миром	299
О бренности естества человеческого	300
Жизнь человеческая	302
Покаянная песнь при конце жизни	304
На болезнь	306
О Промысле	314
О вочеловечении	322
Против Аполлинария	323
О подлинных книгах Богодухновенного	
Писания	328

НА ЛЮБОМУДРУЮ НИЩЕТУ 332

На терпение 333

Счастье и благоразумие 334

Пристрастие 334

Смерть любезных 335

Недобрые друзья 335

К душе своей 336

Мысли, писанные четверостишиями 343

Мысли, писанные одностишиями 361

На женщин, которые любят наряды 363

Советы Олимпиаде 389

Стихотворение, в котором святой

Григорий пересказывает жизнь свою 398

Определения, слегка начертанные 525

ЖИТИЕ СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА

Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский, вселенский отец и учитель Церкви, родился в христианской семье знатного рода, в 329 году, в Арианзе (недалеко от города Назианза Каппадокийского).

Отец его, также святитель Григорий, был епископом Назианским (память — 1 января). Мать, святая Нонна (умерла в 374 году, память — 5 августа), молила Бога о сыне, дав обет посвятить его Господу. Как ей было открыто в сновидении, она назвала первенца Григорием.

Когда сын выучился читать, мать подарила ему Священное Писание.

Святитель Григорий получил самое полное и разностороннее образование: после домашних занятий с дядей Амфилохием, опытным преподавателем риторики, он учился в школах Назианза, Кесарии Каппадокийской, Александрии.

Затем для завершения образования будущий святитель отправился в Афины.

На пути из Александрии в Элладу (352 год), во время страшного многодневного шторма, он боялся только того, что «убийственные воды лишат его вод очистительных». «Двадцать дней и ночей, — рассказывает святой Григорий, — лежал я на корме корабельной, моля Милосердного Бога о спасении, и в этой опасности я дал обет посвятить себя Богу и по обету спастись».

Шесть лет провел святитель в Афинах, изучая там риторику, поэзию, геометрию и астрономию. Его учителями были известные языческие риторы Гиморий и Проэресий.

Вместе со святителем Григорием учился святитель Василий, будущий архиепископ Кесарии Каппадокийской (память — 1 января). Дружба, заложенная еще в школе Кесарии, выросла в глубокие духовные узы.

Знакомство с Юлианом, будущим императором (361 — 363) — отступником от веры Христовой — обернулось вскоре непримиримой враждой.

По завершении образования святитель Григорий оставался некоторое время в Афинах и преподавал красноречие. Он прекрасно знал языческую дохристианскую философию и литературу.

В 358 году святитель Григорий тайно покинул Афины и вернулся к родителям в Назианз. Здесь он, почти в тридцатилетнем возрасте, принял от своего отца Святое Крещение. Теперь он, для которого «более значило быть последним у Бога, чем первым у царя», колебался только в том, какой путь «предпочесть: созерцательный или деятельный».

По приглашению святителя Василия он удалился в пустыню, чтобы подвизаться рядом с ним.

По требованию отца святитель Григорий в 361 году вернулся в Назианз и принял сан пресвитера. Однако, чувствуя, что для него неизмеримо ближе уединение и безмолвная молитва, чем пастырская деятельность, святитель Григорий снова поспешил в пустыню к святителю Василию. Там, в уединении, он укрепился духом, нашел силы вер-

нуться к пастве и с честью исполнять свой долг.

Вскоре святителю Григорию выпало трудное дело примирения епископа с паствой, которая осудила своего пастыря за подписание двусмысленного изложения догматов веры. Святитель Григорий дал пастве время на изъявление первых чувств, а затем убедил отца открыто признать свою ошибку. После этого он, произнеся проповедь о необходимости примирения, достиг желаемого. Святитель Василий Великий поставил святителя Григория епископом города Сасима, но, чтобы поддержать престарелого отца, святитель Григорий остался в Назианзе и после смерти отца некоторое время управлял паствой этого города.

По смерти Константинопольского Патриарха Валента в 378 году Анти-

охийский Собор пригласил святителя Григория помочь Константинопольской Церкви, которая в то время, более чем какая-либо другая, была опустошена еретиками. Получив согласие святителя Василия Великого, святитель Григорий прибыл в Константинополь на Патриарший престол. В 379 году он начал служить и проповедовать в небольшой домовой церкви своих родственников. Он назвал эту церковь «Анастасия» («Воскресение»), веря, что именно в этом небольшом храме и начнет воскресать Православие. Повсюду господствовали еретики — ариане и аполлинаристы. И чем громче звучала его проповедь, тем более увеличивалось собрание храма и тем сильнее росло сопротивление еретиков.

В ночь на Пасху 21 апреля 379 года, когда святитель Григорий совершал Крещение новообращенных, толпа воо-

руженных еретиков ворвалась в храм и обрушила на православных град камней, умертвив одного епископа и ранив святителя Григория. Но терпение и кротость святого были его лучшей броней, а слово собирало православных.

Сочинения святителя Григория — Слова, письма, стихи — показывают, что он стремился быть проповедником, достойным истины Христовой. Ему был ниспослан дар слова, и святитель хотел принести его в дар Богу-Слову: «Сей дар приношу я Богу моему, сей дар посвящаю Ему — это одно, что осталось у меня и чем богат я; от всего прочего отказался я по заповеди Духа; всё, что ни имел, променял за драгоценную жемчужину. Только словом владею я, как служитель Слова; никогда добровольно не хотел бы пренебрегать этим богатством, я уважаю его, дорожу им, уте-

шаюсь им более, чем другие утешаются всеми сокровищами мира. Оно — спутник всей моей жизни, добрый советник и собеседник; вождь на пути к Небу и усердный сподвижник».

Чтобы достойно проповедовать слово Божие, святитель тщательно готовил и обрабатывал свои творения.

В пяти проповедях — «Словах о Богословии», — обличая склонных к многословным рассуждениям последователей Евномия, святитель Григорий прежде всего дает точные определения, кто, с кем и когда может богословствовать. О Боге могут рассуждать только опытные, преуспевшие в созерцании и прежде всего чистые душой и телом или, по крайней мере, очищающие себя. Рассуждать о Боге можно только с тем, кто приступает к этому с усердием и благоговением. Объяснив, почему Бог

скрыл от человека Свою сущность, святитель Григорий указывает, что «облеченным плотию нельзя увидеть умственных предметов без примеси телесного». Богословствовать позволительно лишь тогда, когда мы бываем свободны от внешних впечатлений вещества и от возмущения, когда вождь наш — ум — не прирастает к нечистым преходящим образам. Отвечая евномианам, полагавшим с помощью логических умозаключений постичь Божественную сущность, святитель объяснял, что человек познает Бога, когда его богообразное и Божественное начало, то есть ум, соединяется с родственной Сущностью. Далее на примерах патриархов, пророков, апостолов показано, что для земного человека сущность Божия непостижима.

Приводил святитель Григорий и пример суетного лжемудрствования Евно-

мия: «Бог родил Сына или по Своей воле, или против воли. Если Он родил против воли, то Он потерпел принуждение. Если по Своей воле, то Сын есть Сын хотения».

Опровергая такое рассуждение, святитель показывает вред, наносимый им человеку: «Сам ты, который говоришь так необдуманно, по желанию или не по желанию своего отца произошел? Если не по желанию, то и отец твой потерпел насилие. От кого же это? На природу указать ты не можешь: она чтит целомудрие.

А если по желанию, то из-за нескольких слогов ты сам себя лишаешь отца; ибо становишься уже сыном хотения, а не отца». Затем святитель Григорий обращается к Священному Писанию, с особым вниманием разбирая места, где указывается на Божественную природу Сына Божия.

Многократные толкования святителя Григория на Священное Писание посвящены раскрытию мысли, что Божественная сила Спасителя действовала даже и тогда, когда ради спасения человека Он принял на себя немощное естество.

Особое место в проповедях святителя Григория занимает полемика против евномиан, хуливших Святого Духа.

Внимательно исследуя все, что говорится в Евангелии о Третьем Лице Пресвятой Троицы, святитель опровергает ересь евномиан, отвергавших Божество Святого Духа. Он приходит к двум основополагающим выводам. Во-первых, читая Священное Писание, надо отказаться от слепого буквализма и научиться понимать его духовный смысл. Во-вторых, в Ветхом Завете Дух Святой действовал прикровенно. В Новом Завете «Дух Святой обитает с

нами и яснейшим образом обнаруживает Себя пред нами. Пока не признавали Отца Богом, не безопасно было проповедовать о Сыне, и пока не приняли Сына, не безопасно было, выражусь несколько смело, обременять нас Духом Святым. Божество Духа Святого — предмет высокий. Вот пред тобою множество свидетельств. Христос рождается — Дух Святой предшествует; крещается Христос — Дух свидетельствует; Христос совершает чудеса — Дух сопутствует; Христос возносится — Дух приходит вместо Него. И что же есть великого и Божественного, чего Он не мог бы? Какое Имя, принадлежащее Божеству, не принадлежит Ему, кроме нерожденности и рожденности?.. Я изумляюсь, когда вижу такое богатство названий, — трепещу, когда подумаю, какие Имена хулят те, которые восстают на Духа!»

Содержание проповедей святителя Григория этим не исчерпывается. Им написаны: пять похвальных Слов, девять толкований на праздники, два обличительных Слова на Юлиана Отступника — «два столба, на которых неизгладимо записано нечестие Юлиана для потомства», и проповеди на другие темы. Всего сохранилось сорок пять проповедей святого Григория.

Письма святителя принадлежат к лучшим богословским творениям. Все они мастерски обработаны и в большинстве своем кратки. В своих гимнах святитель Григорий, как и во всем, жил для Христа. «Если у еретиков длинные слова — новые псалтири — разногласятся с Давидом и приятные стихи почитаются третьим Заветом, то и мы будем петь псалмы, и мы станем писать много, и мы будем составлять метры», — говорил святитель.

О своем поэтическом даре святитель писал так: «Я — Господень орган и сладостно сложенной песней Вышнего славлю Царя: в трепете все перед Ним».

Слава о православном проповеднике распространялась по Востоку и Западу. А святитель жил в столице империи, как если бы он жил в пустыне — «пища его была пища пустыни, одежда — одежда нужды; обхождение простое, близ двора — ничего не искал он у двора».

Во время болезни святителю был нанесен удар. Тот, кого он считал своим другом, философ Максим, был тайно посвящен на место святителя Григория в самом Константинополе. Пораженный неблагодарностью Максима, святитель решил оставить кафедру, но верная паства удержала его. Народ изгнал самозванца из города.

24 ноября 380 года в столицу прибыл святой царь Феодосий Великий и, подтвердив свой указ против еретиков, вернул православным главный храм, куда торжественно ввел святителя Григория. Вскоре на жизнь святителя было подготовлено покушение, но тот, кто должен был стать убийцей, сам явился к святому со слезами раскаяния.

В 381 году на Втором Вселенском Соборе святитель Григорий был утвержден в сане Константинопольского Патриарха. По кончине Антиохийского Патриарха Мелетия святитель председательствовал на Соборе. Надеясь примирить Запад с Востоком, он предлагал признать Антиохийским Патриархом Павлина. Когда же прибыли те, кто и ранее действовал против святителя Григория в пользу Максима, многие, особенно Египетский и Македонский епис-

копат, не захотели считать святителя Патриархом Константинопольским.

Святитель решил пожертвовать собою для мира Церкви: «Пусть буду я пророком Поною! Не виновен я в буре, но жертвую собою для спасения корабля. Возьмите и бросьте меня... Я не радовался, когда восходил на престол, и теперь охотно схожу с него».

Объявив императору о своем желании оставить столицу, святитель Григорий еще раз явился на Собор, в прощальном Слове попросив отпустить его с миром.

По возвращении на родину, заботясь о порабощенной аполлинаристами назианзской пастве, он назначил епископом благочестивого Евлалия и удалился в любезное своему сердцу уединение в Арианз.

Не оставляя пустыни, святитель с ревностью к истине Христовой утверж-

дал Православие своими письмами и стихами.

В 389 году, 25 января, преставился тот, кого Церковь почтила именем, усвоенным любимому ученику Христову — святому евангелисту Иоанну.

«Мужественно и сильно хочу я говорить, дабы соделались вы лучшими, дабы от плотского обратились вы к духовному, дабы правильным образом возвысились вы в вашем духе», — говорил святитель Григорий Богослов.

В своих творениях святитель Григорий, как и первый Богослов, весь обращен к Предвечному Слову. Преподобный Иоанн Дамаскин в первую очередь руководствуется святителем Григорием Богословом в своем «Изложении веры».

Тело святителя Григория было погребено в Назианзе. В 950 году святые

мощи были перенесены в Константинополь, в церковь Святых Апостолов. Позже часть мощей была перенесена в Рим.

Предание сохранило черты святого: «лице смиренно, бледно, брови возвышенные и густые, взор кроткий, брада не длинная, но густая и широкая».

Уже современники называли своего архипастыря святым. Православная Церковь, называя святителя Григория вторым Богословом и таинником, светлым прописателем Святой Троицы, в богослужебных песнопениях так обращается к нему:

«Богословским языком твоим сплетения риторская разрушивый, славне, Православия одеждою свыше истканною Церковь украсил еси: радуйся, отче, Богословия уме крайнейший».

День памяти святителя Григория Богослова — 25 января.

ПЕСНОПЕНИЯ ТАИНСТВЕННЫЕ

Слово 1, о началах

Знаю, что на непрочной ладье пускаюсь в дальнее плавание или на малых крыльях уношусь к звездному небу — я, в котором родилась мысль открыть Божество или определения великого Бога и ключ для всего; тогда как и небесным умам недостает сил возблагодарить пред Богом, сколько должно. Впрочем, поскольку Божеству часто бывает приятен дар не столько полной, сколько угодной Ему, хотя и скудной, руки, то смело изреку Слово.

Но кто злочестив, беги прочь! Мое Слово простирается или к очищенным, или к трудящимся над очищением себя. Оскверненные же? Как звери, прикасавшиеся к горе, когда с вершины ее воссиял Христос и писал на скрижалях Моисею закон (см.: Исх. 19, 13), немедленно были побиваемы отторгавшимися камнями; так будет и с ними. Так Слово от нашего лика гонит злых, которые имеют богоборное сердце.

А я положу на страницы предисловием как бы то же, что древле богомудрые мужи — Моисей и Исаия (говорю это знающим), когда один давал новописанный закон, а другой напоминал о законе нарушенном, чтобы привести в трепет жестокосердый народ, представили во свидетельство слова: *Вонми, небо... и да слышит земля*

глаголы уст моих (Втор. 32, 1; Ис. 1, 2)! Дух Божий! Ты возбуди во мне ум и язык, соделай их громозвучною трубою истины, чтобы усладились все прилепившиеся сердцем ко всецелому Божеству!

Един есть Бог безначальный, безвиновный, не ограниченный ничем или прежде бывшим, или после имеющим быть, и в прошедшем, и в будущем объемлющий вечность, беспредельный, благого, великого, Единородного Сына великий Отец, Который в рождении Сына не потерпел ничего свойственного телу, потому что Он — Ум.

Един есть Бог иной, но не иной по Божеству, — это Слово одного Бога, живая печать Отчая, единый Сын Безначального и Единственный Единственного, во всем равный Отцу (кроме того, что один всецело пребывает

Родителем, а другой — Сыном), Мироположник и Правитель, сила и мысль Отца.

Един Дух — Бог от благого Бога. Да погибнет всякий, кого не отпечатлел так Дух, чтобы являл Его Божество, у кого или в глубине сердца есть зло, или язык нечист, — эти люди полусветлые, завистливые, эти самоученые мудрецы, этот источник загрязжденный (см.: Притч. 25, 27), светильник, сокрытый в темной пазухе (см.: Лк. 11, 33).

Слово 2, о Сыне

Прежде всего прославим Сына, чья кровь — очищение наших немощей. Ибо, по причине восставшего на Бога зломудренного, самоубийственного языка, нужно, чтобы и смертный помог небесным.

Ничего не было прежде великого Отца; потому что Он все имеет в Себе. И Его знает неотлучный от Отца — Отцом рожденный, безлетный Сын, великого Бога Слово, Образ Первообраза, Естество, равное Родителю. Ибо слава Отца — великий Сын. А как явился он от Отца — знают единый Отец и Явившийся от Отца; потому что никто не был близ Божества.

Впрочем, то несомненно известно и всякому человеку, и мне, что Божеству нельзя приписывать моего рождения, то есть течения, бесславного сечения. Если я делаюсь родителем не без страдания, потому что составлен из частей, то не следует из этого, чтобы подлежал страданию кто вовсе несложен и бестелесен. Ибо что удивительного, если у тех, которые далеки между собою по естеству, и рождения различны? Если вре-

мя старее меня, то оно не прежде Слова, у Которого Родитель безлетен.

Как Отец ничего не оставляет для умопредставления выше безначального Божества, так и Сын Отчий имеет началом безлетного Отца, подобно тому как начало света есть великий и прекраснейший круг солнечный. Впрочем, всякое подобие ниже великого Бога, и опасно, чтобы, поставив нечто между присносущим Отцом и присносущным Сыном, не отторгнуть нам Царя-Сына от Царя-Отца. Ибо предполагать, что время, или хотение, прежде Бога, по моему мнению, значит рассекать Божество. Родитель велик как Бог, как родитель. Но если для Отца всего выше не иметь никакой причины досточтимого Божества, то и достопоклоняемому Рождению великого Отца не менее высоко иметь такое начало. Не отсекай Бога от Бога по-

тому что не знаешь такого сына, который бы далеко отстоял от Отца.

А слова: *нерожденный* и *рождение от Отца* не равнозначительны слову *Божество*. Иначе кто произвел эти два рода Божества? В отношении к Богу оба они не входят в понятие сущности; естество же, по моему разумению, нерассекаемо. Если Слову принадлежит рождение, то Отец, будучи бесплотен, не приемлет ничего свойственного плоти (человеческий ум никогда не дойдет до такого нечестия, чтобы помыслить это); и ты имеешь Сына-Бога, достойную славу Родителя.

Если же ты, суемудрый, желая возвеличить Божество великого Отца и напрасно вселяя в сердце пустой страх, отринул рождение и Христа низводишь в ряд тварей, то оскорбил ты Божество обоих. Отец лишен у тебя Сына, и

Христос не Бог, если только Он сотворен. Ибо все, чего когда-либо не было, принадлежит к тварям; а Рожденное по важным причинам пребывает и всегда будет равным Богу. Какое же основание тому, что ты, наилучший, чрез Христовы страдания, впоследствии, когда преселишься отселе, станешь богом, а Христос подобным тебе рабом, вместо Божеской чести припишется Ему только превосходство между рабами?

...Как ковач, намереваясь сделать колесницу, готовит молот, так и великий Бог впоследствии создал полезное орудие, чтобы первородною рукою приобрести меня; [тогда] тварь во многих отношениях будет превосходнее небесного Христа, если только Слово для твари, а не тварь для Христа. Но кто же бы стал утверждать это? Если же

Он принял плоть, чтобы помочь твоим немощам, а ты за это приводишь в меру преславное Божество, то погрешил Милосердствовавший о тебе. А для меня тем более Он чуден, что и Божества не умалил, и меня спас, как врач, приникнув на мои зловонные струпы.

Он был смертен, но Бог; род Давидов, но Адамов Создатель; плотоносец, но бестелесен; по Матери-Деве описан, но неизмерим. Ясли вместили Его, но звезда вела к Нему волхвов, и принесшие дары пришли и преклонили пред Ним колена. Как человек, был Он в борении, но, как неодолимый в троекратной борьбе, препобедил искусителя. Вкушал Он пищу, но напитал тысячи, и воду претворил в вино. Крестился; но очистил грехи; но Дух громогласно провозгласил Его Сыном

Безначального. Как смертный погружался Он в сон и как Бог укрощал море. Утомлялся Он в пути; но у изнемогших укреплял силы и колена. Молился; но Кто же внял умиленным мольбам погибающих? Он был Жертва, но и Архиерей; Жрец, но и Бог; принес в дар Богу кровь, но очистил весь мир; вознесен на крест, но к кресту пригвоздил грех. К чему же перечислять все подробно? Он приложился к мертвецам, но возбужден из мертвых, а прежде Сам воскрешал мертвых. Если одно показывало нищету смертного, то другое — богатство Бесплотного. По крайней мере, ты, видя в Нем свойственное смертным, не бесчести Божества. Оно соделало славным и перстный образ, который из любви к тебе образовал нетленный Сын.

Слово 3, о Святом Духе

Что медлишь, душа моя? Воспой и славу Духа; не отделяй в слове Того, Кто не исключен по естеству. С трепетом чтим великого Духа: Он мой Бог, Им познал я Бога, Он сам есть Бог и меня в той жизни творит богом. Он всемогущ; Он раздаятель даров, предмет песнопений чистого лика небесных и земных; Он Жизнеподатель, сидит на превознесенном Престоле, исходит от Отца. Он Божия сила, Самовластитель. Он не Сын (потому что един есть благой Сын единого Всеблагого), но Он и не вне невидимого Божества, а равночестен.

Кто же хочет Божество Небесного Духа найти на страницах богодухновенного закона, тот увидит многие частые и вместе сходящиеся стези, если только пожелает видеть, если сколько-

нибудь сердцем привлек чистого Духа и ум у него острозрителен. А если кто потребует открытых слов вселюбезного Божества, то пусть знает, что неблагоприятно его требование. Ибо доколе большей части смертных не было явлено Божество Христово, не надлежало возлагать невероятного бремени на сердца, до крайности немощные. Не для начинающих благовременно совершеннейшее слово. Кто станет слабым еще глазам показывать полный блеск огня или насыщать их непомерным светом? Лучше постепенно приучать их к яркому блеску, чтобы не повредить и самих источников сладостного света. Так и слово, открыв прежде всецелое Божество Царя-Отца, стало озарять светом великую славу Христову, являемую немногим разумным из людей, а потом, яснее открыв Божество

Сына, осияло нам и Божество светозарного Духа. И для тех проливало оно малый свет, бóльшую же часть предоставило нам, которым потом обильно и в огненных языках разделен Дух, показавший явные признаки Своего Божества, когда Спаситель вознесся от земли. Знаю же, что Бог есть огонь для злых и свет для добрых.

Так доказал я тебе Божество Духа. Если же ты приходишь в удивление, частию слыша о Сыне и не Сыне единого Божества, а частию убежденный противоположными, удобоизвращаемыми местами Писания; то и здесь Сам Бог снизойдет и подаст мне слово.

От одного первоизданного произшли жена и Сиф, и половина и порождение четы по законам брака, и нерожденная и рожденный, хотя тот и другая равно человек. Помня это, и ты

не унижай Божества, не предпочитай Одного, унижая Другого. Одно есть естество неизмеримое, несозданное, безлетное, благое, свободное и равночестное. Един есть Бог в трех Озарениях, управляющий миром. Ими и я возбуждаюсь в новой жизни, когда, погребая смерть в купели, возвращаюсь ко свету. Ибо Троичное Божество даровало мне силу воссиять светоносным. Нет, не обману тебя, любитель очищения. Если бы я, омытый Божеством, стал рассекать светлое Божество, то лучше бы... но боюсь докончить недоброе слово. Я входил в купель в надежде сподобиться Божия дара. Если всего меня очистил Бог, то весь он для меня досточтим. Но неравный Божий дар да получит тот злочестивый смертный, который сам рассекает свое Божество! Если в Божием слове и у бо-

гоносных мужей слышишь или о Сыне, или о благом Духе, будто бы Они имеют второе место по Боге-Отце, то советую тебе здесь, в словах глубокой мудрости, находить тот смысл, что она не Божество рассекает, но восходит к единому безначальному корню, дабы ты видел единство державы, а не разность досточтимости.

Из Единицы Троица, и из Троицы опять Единица — здесь не то же, что ключевая жила, ключ и большая река, и между тем единый ток, в трех видах стремящийся по земле; не то же, что свеща из пылающего костра, опять в него влагаемая; не то же, что слово, исходящее из ума и в нем пребывающее; не то же, что отблеск колеблющихся и освещенных солнцем вод, мелькающий на стене, ни на одно мгновение не останавливающийся, но прежде

приближения удаляющийся и прежде удаления приближающийся; не то же, — потому что естество Божие не есть что-либо непостоянное, или текучее, или опять сливающееся; напротив того, Богу свойственна неизменность.

А ты, мудрствуя так, приноси в сердце чистую жертву. В Трех Светах одно естество неподвижно. Единица не бесчисленна, потому что покоится в трех Добротах. Троица не в разной мере досточтима, потому что естество нерассекаемо. В Божестве Единица, но тричисленны Те, Которым принадлежит Божество. Каждый есть единый Бог, если именуешь одного. И опять, един Бог безначальный, из Которого богатство Божества, когда слово упоминает о Трех. В первом случае проповедуется смертным досточтимость Трех Светов; во втором мы славим

пресветлое единоедержавие и не вос-
хищаемся многоначальным собором
богов. Ибо, по моему рассуждению,
многоначалие есть то же, что и совер-
шенное безначалие, находящееся во
взаимной борьбе. А борьба предпо-
лагает раздор, а раздор быстро ведет к
разрушению. Поэтому многоначалие да
будет у меня как можно дальше от Бо-
жества!

Тремя богами можно было бы на-
звать тех, которые разделяли бы между
собою время, или мысль, или державу,
или хотение, — так что каждый ни-
когда бы не был тождествен с прочи-
ми, но всегда находился с ними в борь-
бе. Но у моей Троицы одна сила, одна
мысль, одна слава, одна держава; а чрез
это не нарушается и единичность, ко-
торой великая слава в единой гармо-
нии Божества.

Это только свету, который во мне, открыло Троичное сияние из-за воскрилий завесы внутрь Божия храма, за которыми сокрыто царственное естество Божие. А если нечто большее открыто ангельским ликам, то еще гораздо более ведомо Самой Троице.

Слово 4, о мире

Воспоем и творение великого Бога, опровергнув ложные мнения.

Един Бог; а что представляли еллинские мудрецы о материи и форме, будто они собезначальны, то ни на чем не основанная баснь. Как все эти почтенные формы, сделанные у них богами, не существовали от начала, но получили бытие по воле великого Бога, так видел ли кто когда-нибудь материю без формы? Или кто нашел форму без материи, хотя и очень много трудился в

сокровенных изгибах ума? А я не находил ни тела бесцветного, ни бестелесного цвета. Кто отделял друг от друга то, чего не отделила природа, но свела воедино? Не отделим форму от материи. Рассуди же: если бы они были вовсе несоединимы, то как бы сошлись вместе или как бы образовался мир, когда они совершенно отдельные? А если соединяемы, то как соединились? Кто кроме Бога слил их между собою? Но если Бог — соединитель, то Его же признай и Творцом всего. И горшечник на своем колесе дает форму глине, и плавильщик золота — золоту, и каменотесец — камням. Уступи же, любитель безначалия, уступи Богу нечто большее нашего смысла; и это большее пусть будет материя с движущимися формами. Помыслил много художный родитель всяческих — Бо-

жий Ум, и произошла материя, облеченная в формы; потому что Он не походит на живописца, в котором видимый перед очами образ возбудил нечто подобное этому образу, чего не мог бы начертать один ум.

И ты, злая тьма манихейская, не была от начала равнопрестольною высочайшему Свету! Если был Бог, то не было тьмы, потому что зло не могло спорить о равенстве с Богом. Если была тьма, то ты не даешь места Богу: Ему неприлично быть в согласии с тьмою. Если же представишь их в борьбе, преодолет сильнейшее. А если скажешь, что они равносильны, кто третий приводит их в единство своею мудростию и прекращает борьбу? И то весьма удивительно, что, возбудив ужасную вражду, тотчас забываешь о сей борьбе и представляешь враждующих согласными. Я

состою из души и тела. И душа есть струя бесконечного света — Божества; а тело производишь ты от темного начала. И столь далеких между собою ты сводишь воедино. Если я составляю одну общую природу, то вражда мною прекращена. А если жестокая вражда во мне непримирима, то я не составляю одной природы, сопряженной из души и тела. Ибо не враждебные, но дружественные начала дают общее произведение. Такой мрак облежит твое сердце!

А по моему учению, един есть Бог безначальный, ни с кем не борющийся, един благий Свет, сила высокошественных умов, простых и сопряженных, небесных и земных; а тьма привзошла впоследствии, и есть не какая-либо удобоописуемая самостоятельная природа, но наш собственно грех. Грех же есть

нарушение заповеди, подобно как ночь есть захождение солнца, немощная старость — минование юности и ужасная зима — следствие удаления солнечного вверх.

Первейший из небесных светов, по гордости своей утратив свет и славу, преследует всегдашнею ненавистью человеческий род. От него и первый человек вкусил убийственного греха и смерти, которая по его ухищрению возгнела во мне пламень. Такова природа высоко родившегося зла, которому он отцом! Ржа — пагуба твердому железу; а я — самоубийца — насадил в себе пагубу — грех, по своему умыслу последовав коварным внушениям завистника.

Если же и тогда был ты, мир, близок к славе безначальной Троицы, то почему поставили тебя в такой дали

христоносные Светы, сведущие в Божественном; и почему весьма не многое число лет считается после того, как водрузило тебя великое Божие Слово? Но если водружен ты впоследствии, то спрашиваю: поскольку Богу нельзя приписать недеятельности и несовершенства, то чем занята была Божия мысль прежде, нежели Всевышний, царствуя в пустоте веков, создал вселенную и украсил формами? Она созерцала вожденную светлость Своей доброты, равную и равно совершенную светозарность трисиянного Божества, как известно это единому Божеству, и кому открыл то Бог. Мирородный Ум рассматривал также в великих Своих умопредставлениях Им же составленные образы мира, который произведен впоследствии, но для Бога и тогда был настоящим. У Бога все

пред очами: и что будет, и что было, и что есть теперь. Для меня такой раздел положен временем — что одно впереди, другое позади; а для Бога все сливается в одно, и все держится в мышцах великого Божества. Посему внемлите, что изобрел мой ум.

Все породил в себе Ум, а рождение вовне совершилось впоследствии благовременно, когда открыло великое Божие Слово. Он восхотел создать умные природы, небесную и земную, — эти проницаемые светом зерцала первого Света, чтоб одна, сияя горé, пребывала великою светоносною служительницею Царя, другая же имела славу здесь. Он источает им Божество умов, чтобы царствовать в большем числе небесных умов, и для большего числа быть блаженнотворным светом. Ибо таково свойство Царя моего — сооб-

щать блаженство. Но чтобы тварь, приближаясь к Богу, не пожелала равной с Богом славы и не погналась за светом и славой, тогда как всего лучше соблюдать меру, а чрезмерность всего хуже; высокое Слово, благопромышляя о будущих тварях, отдалило как от Троицы все окружающее Престол Света, так от ангельских ликов смертную природу. Впрочем, не очень отдалило Оно служебную ангельскую природу, а гораздо более нашу природу; потому что мы произошли из персти, соединенной с Божеством; природа же простая совершеннее.

Из миров один сотворен прежде. Это — иное небо, обитель богоносцев, созерцаемая единым умом, пресветлая; в нее вступит впоследствии человек Божий, когда, очистив ум и плоть, совершится богом. А другой — тлен-

ный — мир создан для смертных, когда надлежало устроиться и лепоте светил, проповедующих о Боге красотою и величием, и царственному чертогу для Образа Божия. Но первый и последний мир созданы Словом великого Бога.

Слово 5, о Промысле

Так водружен широко основанный мир великим бесконечным Умом, Который все носит в Себе и Сам превышает всего. Но что за помысл объять необъятное? Бог, как скоро устроил мир, с первого же мгновения, по великим и непреложным законам, движет и водит его, как кубарь, ходящий кругами под ударом. Ибо не самослучайно естество этого обширного и прекрасного мира, которому нельзя и вообразить чего-либо подобного, и в продолжение толикого

времени предоставлен он не самослучайным законам. Видал ли кто дом, или корабль, или быструю колесницу, или щит и шлем, которые бы не были сделаны руками? Мир не простоял бы столько времени, если бы в нем было безначалие. И лик певцов расстроится, если никто им не правит. Вселенной же не свойственно иметь иного Правителя, кроме Того, Кто устроил ее.

Ты, который представляешь звезды вождями нашего рождения, нашей жизни и целого мира, скажи: какое еще иное небо прострешь над самими звездами, и над ним поставишь ли еще новое и новое, чтобы было кому водить водящих? Под одною звездою родится один царь и много других людей, из которых иной добр, а другой худ, один вития, другой купец, третий бродяга, иного же высокий престол делает над-

менным. Для многих родившихся под разными звездами равная участь и на море, и на войне. Кого связывали звезды, тех не связал между собою одинаковый конец. А других, хотя разделили звезды, одинаковая соединила кончина. Если для каждого есть своя какая-то первая необходимость, то это чистая баснь. А если и над нею господствует еще общая сильнейшая и есть звезды, противные звездам, то кто же смешал их? Ибо кто сочетал, тот, если захочет, и расторгнет союз. А если совершил это Бог, то как же стало первым то, что заменило у тебя моего Бога, если и самого Бога не подчинишь своим звездам? Если же нет господствующего, то как будет стоять мир? Я не вижу этой возможности, хотя бы кто и желал такими рассуждениями изгнать Бога. Ибо необходимо надобно кому-

нибудь управлять — или Богу, или звездам.

А я знаю следующее: Бог управляет вселенною. Божие Слово и здесь и там распределяет все, чему положено в Его совете быть на небесе и на земле; и одним тварям даны навсегда непреложно постоянная стройность и течение, а другим уделена жизнь, изменяющая и принимающая многие виды. О них иное явил нам Бог, а иное блюдет в таинницах Своей премудрости, чем хочет обличить пустое тщеславие смертного; одно поставил Он здесь, а другое явится в последние дни. И земледелец пожинает все зрелое; так и Христос, наилучший судия моей жизни.

Таково мое слово: оно независимо от звезд и идет своим путем. Говори ты мне о своих гороскопах, о мелких час-

тях зодиакального круга и о мерах пути; разорь у меня законы жизни — страх злочестивых и надежду добрых, борющуюся до конца! Если все дает звездный круг, то и я влекусь его же вращением. И самое хотение производится во мне тем же кругом; нет у меня никакой силы воли или ума, которые бы вели меня к добру; но и к этому влечет меня небо.

Не упоминай мне о великой славе Христовой, звезде-благовестнице, которая с востока путеводила волхвов в тот город, где воссиял Христос — безлетный сын смертного рода! Она не из числа тех, истолкователями которых астрологи, но необыкновенная и не являвшаяся прежде этого, а замеченная в еврейских книгах. Из них предузнав о звезде, посвятившие жизнь звездословию халдеи, когда с удивлением отли-

чили ее от множества наблюдаемых ими звезд и заметили, что с новым сиянием несется она с востока по воздуху в Еврейскую землю, заключили о рождении Царя. И в то именно время, как, вместе с небожителями, поклонились Царю астрологи, отпало у них попечение о своем искусстве.

Но пусть текут своим путем, какой указал им Царь Христос, эти огнистые, вечно движущиеся, несовратимые со своих путей звезды, как неподвижные, так и блуждающие, описывающие, как говорят, одни и те же круги; и мы оставим без исследования, возможна ли природа огня, поддерживаемая без питания, или есть некоторое так называемое пятое тело. Что же касается до нас, пойдем своим путем. Ибо мы, хотя узники земные, однако же поспешаем к разумному и небесному естеству.

Слово 6, об умных сущностях

Как солнечный луч из безоблачного неба, встретившись с видимыми еще отражающими его облаками, из которых идет дождь, распростирает многоцветную радугу и весь окружающий эфир блещет непрерывными и постепенно слабеющими кругами, так и природа светов поддерживается в бытии тем, что высочайший Свет лучами Своими непрестанно осиявает умы низшие. И источник светов — Свет неименуем, непостижим, убегает от быстроты приближающегося к Нему ума, всегда упреждает всякую мысль, чтобы мы в желаниях своих простирались непрестанно к новой высоте. А светы вторичные после Троицы, имеющей царственную славу, суть светозарные, невидимые Ангелы. Они свободно ходят окрест великого Престола; потому что

суть умы быстродвижные, пламень и Божественные духи, скоро переносящиеся по воздуху. Они усердно служат высоким велениям. Они просты, духовны, проникнуты светом, не от плотей ведут начало (потому что всякая плоть едва огустеет, как уже и разрушается), и не входят в плоти, но пребывают, какими созданы. Желал бы я сказать, что они вовсе неодолимы злом, но удержу слишком борзо несущегося коня, стянув браздами ума. Из них одни предстоят великому Богу, другие своим содействием поддерживают целый мир; и каждому дано особое начальство от Царя иметь под надзором людей, города и целые народы и даже распоряжаться словесными жертвами земно-родных.

Но на что решишься, дух мой? В трепет приходит ум, приступая к небес-

ным красотам; стало передо мною темное облако, и недоумеваю, простираться вперед или остановить мне слово? Вот путник пришел к крутоберегой реке и хочет ее перейти, но вдруг поколебалась мысль; он медлит своей переправой, долго борется в сердце, стоя на берегу; то необходимостью вложена в него смелость, то страх связал решимость; не раз заносил он ногу свою в воду и не раз отступал назад; однако же после всей борьбы нужда победила страх. Так и я, приближаясь к невидимому Божеству, с одной стороны, о тех, которые предстоят чистому Всецарю и преисполнены светом, боюсь сказать, что и они доступны греху, дабы чрез это и многим не проложить пути к пороку; а с другой стороны, опасаясь изобразить в песне моей неизменяемую доброту, так как вижу и совра-

тившегося князя злобы. Ибо Благому несвойственно было насаждать в нас злое свойство, и в тех, кого любит, возбуждать мятеж и ненависть. Нельзя также предположить, чтобы зло равномошно было добру и имело особенную природу, или впоследствии происшедшую, или безначальную, как Сам Царь. Но когда недоумевал я об этом, вложил мне Бог следующую мысль.

Первое чистое естество Божества всегда неизменно и никогда не бывает вместо единого многим. Ибо есть ли что-нибудь совершеннее Божества, во что могло бы Оно уклониться? А множественность есть уклонение существа от себя самого. Второе место занимают великие служители высочайшего Света, столько же близкие к первообразной Добrote, сколько эфир к солнцу. А в-третьих, следуем мы —

воздух. И одно Божие естество совершенно неизменно; ангельское же естество неудобопреклонно ко греху; а мы, третий род, удобопреклонны, и чем дальше от Бога, тем ближе ко греху.

Поэтому-то самый первый светоносец, превознесшись высоко, когда, отличенный преимущественною славой, возмечтал о царственной чести великого Бога, — погубил свою светозарность, с бесчестием ниспал сюда и, захотев быть богом, весь стал тьмою. Хотя и легок он по природе, однако же низринулся до низкой земли. С тех пор преследует он ненавистию тех, которые водятся благоразумием, и, раздраженный своею утратою, преграждает всем небесный путь, не хочет, чтобы Божия тварь приближалась к Божеству, от Которого он отпал, но пожелал, чтобы и люди участвовали с ним в грехе и

омрачении. И сей завистник изринул из рая вожделевших иметь равную Божией славу.

Так он за превозношение низринут со своего небесного круга; но ниспал не один. И поскольку погубила его дерзость, то увлек в падение многих, именно всех, кого научил греху, как злоумышленник, склонивший к измене царское воинство, увлек из зависти к богومудрому сонму Царяющего в горних и из желания царствовать над многими злыми. С тех пор явились во множестве надземные злобы, демоны, последователи злого царя-человекоубийцы, немощные, темные, зловещие призраки ночи, лжецы, дерзкие, наставники в грехах, бродяги, винопийцы, смехолобцы, смехотворы, прорицатели, двуречивые, любители ссор, кровопийцы, преисподние, скрывающиеся, бесстыд-

ные, учителя волшебства. Они приходят, манят к себе и ненавидят тех, кто им отдается. Они вместе и ночь и свет, чтобы уловлять то явно, то обманом. Таково это воинство, таков и вождь!

Но Христос не истребил его единым движением воли, которым создал целый мир и которым мог бы погубить и его, если бы захотел; потому что трудно укрыться от разгневанного Бога. Однако же не оставил он свободным врага моего, но попустил ему быть в одно время среди добрых и злых и воздвиг между ними жестокую взаимную брань, чтобы как враг подвергался и здесь ужасному позору, сражаясь с теми, которые немогущее его. Так подвижающиеся в добродетели всегда имели славу свою, очищаясь в жизни, как золото в горниле. Впоследствии же, может быть и скоро, когда вещество

сгорит и наступит огненное воздаяние, понесет наказание этот неукротимый, много наперед смиренный в мучимых служителях своих. Ибо такова казнь породившему зло!

Этому научил меня Дух о светозарности ангельской, как первой, так и последней. Но и здесь она нашла меру. И эта мера — Бог. Поскольку приближается кто к Царю, постольку делается он светом, а с просветлением приобретает и славу.

Слово 7, о душе

Душа есть Божие дыхание, и, будучи небесною, она терпит смешение с перстным. Это свет, заключенный в пещере, однако ж Божественный и неугасимый. Ибо образу великого Бога неприлично разрушиться бесславно, как разрушаются пресмыкающиеся и не-

разумные животные, — хотя грех и усиливался соделать его смертным.

Душа не естество истребительного огня; потому что пожирающему несвойственно одушевлять пожираемое. Она не естество воздуха, то выдыхаемого, то вдыхаемого, и никогда не остающегося в покое. Она не кровавый ток, пробегающий в теле, даже не гармония составных частей тела, приводимых в единство, потому что не одно и то же естество плоти и бессмертной формы. Да и какое преимущество имели бы добродетельные пред самыми порочными, если растворение стихий сделало их или добрыми, или худыми? Почему и у бессловесных нет разумной природы, так как и у бессловесных есть гармония формы и смертной плоти? По этому учению, тот и лучший, в ком есть благоустройство стихий. Но так

рассуждали в том предположении, что одушевляющим должно признать то, с удалением чего и душа оставляет тело. Почему же не назовешь одушевляющим и пищу, без которой вовсе невозможно жить смертному, так как одно питание укрепляет?

Знаю и другое учение, которого никак не приму, потому что у меня не какая-нибудь общая, всем разделенная и по воздуху блуждающая душа. В противном случае все бы и вдыхали и выдыхали одинаковую душу и все те, которые живут на свете, испустив дух, пребывали бы в других живущих: потому что и естество воздуха в разные времена бывает разлито в разных вещах. А если душа есть нечто пребывающее, что она имела сама в себе и что составляло мой зародыш — также живое существо в утробе рождающей,

если меня¹ привлекла она извне? Если предположишь, что рождающая есть мать многих детей, то должен вменить ей в честь то, что она издержала большее число душ.

И то не умных людей учение, а пустая книжная забава, будто бы душа постоянно меняет разные тела, каждое сообразно прежней жизни, доброй или худой, в награждение за добродетели или в некоторое наказание за грехи, они то облачают, то разоблачают неприличную душу, как человека в одежды; напрасно утруждая себя, вертя колесо злочестивого Иксиона, заставляют ее быть то зверем, то растением, то человеком, то птицею, то змеею, то псом, то рыбою, а иногда тем и другим по два раза, если так оборотится колесо.

¹ Душу.

Где же этому конец? А я никогда не видывал мудрого зверя, имеющего дар слова, или говорящего терна. Ворона всегда болтлива; безгласная рыба всегда плавает в соленой влаге. Если же, как говорят и сами изобретатели этого пустого учения, будет душе еще последнее воздаяние, то она потерпит наказание или без плоти, — и это весьма удивительно, — или с плотию, — тогда которую из многих предашь огню? Всего же непонятнее, каким образом после того, как ты соединял меня с многими телами и эта связь сделала меня знающим многое, одно только избегло от моего ума, а именно: какую кожу носил я наперед, какую потом и во скольких умирал; потому что мой узоналагатель не столько богат был душами, сколько — мешками. Или, и это было следствием долговременного

скитания, что я впал в забвение прежней жизни?

Теперь выслушай наше превосходнейшее учение о душе. А мы постараемся усладить несколько песнь, начав ее так:

Было время, когда высокое Слово Ума, следуя великому Уму Отца, водрузило не существовавший дотоле мир. Оно рекло, и совершилось все, что было Ему угодно. Но когда все это: земля, небо и море — составило мир, нужен стал зритель Премудрости — матери всего — и благоговейный царь земной. Тогда Слово рекло: «Пространное небо населяют уже чистые присноживущие служители, непорочные умы, добрые Ангелы, песнословцы, немолчно воспевающие Мою славу. Но земля украшается одними неразумными животными. Потому угодно Мне

создать такой род тварей, в котором бы заключалось то и другое, род тварей, средних между смертными и бессмертными, разумного человека, который бы увеселился Моими делами, был мудрым таинником небесного, великим владыкою земли, новым Ангелом из персти, песнопевцем Моего могущества и Моего ума». Так рекло Слово и, взяв часть новосозданной земли, бессмертными руками составило мой образ и уделило ему Своей жизни, потому что послало в него дух, который есть струя невидимого Божества. Так из персти и дыхания создан человек — образ Бессмертного, потому что в обоих царствует естество ума. Поэтому, как земля, привязан я к здешней жизни, как частица Божественного, ношу на груди любовь к жизни будущей.

Так сопряжен был первородный человек, а впоследствии тело берется

от плотей, душа же примешивается неведомым образом, привходя совне в перстный состав, как знает это Соединивший, Который и вначале вдохнул ее и сопряг образ Свой с землею. А иный, пришедши на помощь моей песне, смело и следуя многим, присовокупит и следующее рассуждение. Как тело, первоначально растворенное в нас из персти, соделалось впоследствии потоком человеческих тел и от первозданного корня не прекращается, в одном человеке заключая других, так и душа, вдохнутая Богом, с этого времени соприивходит в образуемый состав человека, рождаясь вновь, из первоначального семени уделяемая многим, и в смертных членах всегда сохраняя постоянный образ. Поэтому-то душа получает в удел умное господство. Но как в тонких трубах и сильное дыха-

ние, даже весьма искусного человека, производит звуки слабые и нестройные, и когда даны ему в руки трубы широкого размера, тогда изливают они совершеннейший звук, так и душа, оказывающаяся бессильною в немощем составе, проявляется в составе укрепившемся и обнаруживает тогда весь ум.

Но поскольку нетленный Сын создал Своего человека с тем, чтобы он приобрел новую славу и, изменив в себе земное в последние дни, как бог, шествовал отсюда к Богу, то и не предоставил его собственной свободе и не связал его совершенно, но, вложив закон в его природу и напечатлев в сердце добрые склонности, поставил среди вечноцветущего рая, хотя в таком равновесии между добром и злом, что он мог по собственному выбору скло-

ниться к тому или другому, однако же чистым от греха и чуждым всякой двуличности. А рай, по моему рассуждению, есть небесная жизнь. В нем-то поставил Бог человека, чтоб он был неослабным делателем Божиих словес. Запретил же ему употребление одного растения, которое было совершеннее других, заключая в себе силу к полному различению добра и зла. Ибо совершенное хорошо для преуспевших, а не для начинающих. Последним оно столько же обременительно, сколько совершенная пища младенцу.

Но когда, по ухищрению завистливого человекоубийцы, вняв убедительности женского слова, человек вкусил преждевременно сладкого плода и облекся в кожаные ризы — тяжелую плоть — и стал трупоносцем, потому что смертью Христос положил преде-

лы греху, — тогда исшел он из рая на землю, из которой был взят, и получил в удел многотрудную жизнь; а к драгоценному растению приставил Бог хранителем Свою пламенеющую ревность, чтобы какой Адам, подобно прежнему, не вошел внутрь преждевременно и прежде, нежели бежал пожирающий снеди сладкого дерева, находясь еще во зле, не приблизился к дереву жизни. Как увлеченный бурными волнами мореходец отнесен назад и потом, или отдав парус на волю легчайшему веянию, или с трудом на весах пускается снова в плавание, так и мы, далеко отплывшие от великого Бога, опять не без труда совершаем вожденное плавание. И этот новонасаженный грех к злочастным людям перешел от прародителя; отсюда прозяб колос.

Слово 8, о заветах и о Пришествии Христовом

Теперь вникни в значение двоякого закона, обнародованного под именем Ветхого и под именем Нового, и данного сперва евреям, потому что они первые познали царствующего в горних Бога, а потом и всем концам земли. Ибо Бог-Всеведец управляет человеком, изрекая ему повеления непротиворечащие, как делает какой-нибудь несведущий ум, и неизменяющиеся, что ставится в вину даже смертным. Таково мое понятие о помощи возлюбившего нас Бога.

Злобный враг, после того как изверг из рая первого Адама, обольстив его вредоносным плодом человекоубийственного дерева, подобно тому как поражают оружием воинство, в котором убит предводитель, старался и в детях

Адамовых насадить зло и смерть. Он с злохитренным умыслением, отвлекши человека от небесного Бога, обратил его взоры на звездное небо, сияющее светозарными красотами, и на изображения людей умерших, какие соорудила любовь и ввела в славу баснь, сперва принятая с верою незложелательными друзьями, потом никем не уличенная во лжи, с течением же лет непрестанно приобретающая новую силу. И священный еврейский род погубил ум, не покорялся пророкам, которые жаловались, умоляли и непрестанно угрожали гневом Царя, а в прежние времена даже убивал их. Сами цари не имели страха Божия, но большею частию оказались злонравными; и при них не вовсе были оставлены рощи, высоты гор и кровавые жертвы демонам. За это евреи навлекли на себя

ревнивый гнев великого Бога и погибли; а вместо них вступил на путь я, чтобы, возбудив в них соревнование, заставить и их возвратиться к благочестивой вере во Христа после позднего раскаяния, когда насытятся скорбью о предпочтении им нововведенного народа, заступившего их место.

Но это будет впоследствии. Поскольку же евреи презрели закон, то род человеческий удостоен наконец следующей чести, по мановению бессмертного Отца и действием Сына. Христос, когда увидел, что душепагубный грех истребил в человеческом теле все, что было вложено небесного, и хитрый змий царствует над людьми, тогда, для возвращения Себе Своего достоинства, не других помощников послал против болезни (потому что в великих страданиях слабое врачевство недостаточно),

но Сам, истощив славу, какую имел, как безматерний Сын бессмертного Бога-Отца, явился без отца необычайным для меня сыном, даже не необычайным, потому что произошел от меня, и Бессмертный, став смертным, пришел чрез Матерь-Деву, чтобы целому спасти целого человека. И поскольку чрез преступное вкушение пал целый Адам, то, по человеческим и вместе нечеловеческим законам, воплотившись в честной утробе жены, не познавшей брака (о чудо невероятное для немощнейших!), пришел Бог и вместе смертный, сочетавший воедино два естества: одно — сокровенное и другое, видимое для людей, и из которых одно было Бог, а другое родилось для нас в последок дней. В двух естествах единый есть Бог — мой Царь и Христос; потому что соединен с Божеством и из Боже-

ства стал человек, чтобы, явившись среди земнородных другим, новым Адамом, уврачевать прежнего Адама. Но Он явился, закрывшись отовсюду завесою, потому что иначе невозможно было бы приблизиться к моим немощам, и притом нужно было, чтобы змий, почитающий себя мудрым, приступив к Адаму, сверх чаяния встретил Бога и о крепость Его сокрушил свою злобу, как шумное море сокрушается о твердый утес. Когда же явился Христос, при Его рождении поколебались земля и небо. Небесный лик возгласил песнопения, а звезда с востока указывала путь волхвам — служителям новорожденного Царя, приносящим Ему дары.

Таково мое слово о новом рождении Христовом! Здесь нет ничего позорного; потому что позорен один грех. А во Христе не имеет места позор-

ное; потому что Его¹ создало Слово, а не от человеческого семени стал Он человеком. Но из плоти Пречистой невестной Матери, которую предварительно очистил Дух, исшел самосозданный человек; принял же очищение ради меня. Ибо и все законное исполнил, как думаю, для того, чтобы воздать Закону и награду, как воспитателю, и погребальную честь, как отменяемому.

Но когда явился Предреченный пресветлым светильником великого Света, предтечею в рождении, предтечею и в слове, вопиющим среди пустыни, что Христос мой есть Бог, тогда стал Он посредником двух народов, одного дальнего, другого ближнего (потому что был общим для них краеугольным камнем), и даровал смертным двоякое очищение: одно — вечного

¹ То есть человечество Иисуса Христа.

Духа (и им очистил во мне прежнее повреждение, рождаемое от плоти), другое — нашей крови (ибо своею называю ту кровь, которую истощил Христос Бог мой), искупление первородных немощей и избавление мира.

Если бы я был не человек, изменяемый, а не преодолимый, то была бы нужна мне только заповедь великого Бога и она бы меня украшала, спасала и вела к высокой славе. Но теперь не богом создал меня Бог, а поставил в равновесии удобопреклонном туда и сюда; потому и поддерживает меня многими опорами, из которых одною служит для людей благодать омовения. Как некогда еврейские дети спасались от погубления Христовою кровию и очищали праги дверей, между тем как в одну ночь погибли все первородные Египта; так и это для меня есть печать

избавляющего нас от зол Бога, и для младенцев только печать, а для взрослых врачевство и совершеннейшая Божественная печать Христа-Светодавца, чтобы, спасшись из глубины скорбей и облегчив несколько выю от бремени, обратил я стопы свои к жизни. Ибо и путник, отдохнув от утомления, воздвигает укрепленные в силах колена. Как общее всех достояние — воздух, земля, широкое небо и все, что влечет за собою круг годовых времен, так общим достоянием человеков соделалась и спасительная купель.

Слово 9, о человеческой добродетели

Люблю я добродетель; однако же это не научило меня тому, что такое добродетель и откуда она придет ко мне, который так много любит ее. А неудовлетворенное желание мучит.

Если добродетель есть чистый поток, не смешанный с водами, которые стекают со всякого места и от снегов, и от дождей, то спрашиваю: кто находил ее на земле? Ибо всякий или имел в себе сердечную нечистоту, или принял ее в себя, — между тем как влачит тяжелое тело и со-вне возмущается врагом нашей жизни, который омрачает и очерняет нас бездною. Да и несвойственно было бы мне, который сам не иное что, как отвердевший ток и непрестанно влекусь потоком жизни, — быть чем-то нетекучим. Если же добродетель не совершенно сребристый поток, но приемлет в себя и худшее и есть нестройная смесь, то скажи: как же она добродетель? По крайней мере, у меня немало трудится над этим быстрый ум. Снег по природе холоден и бел, а огонь — красноват и тепел. И они не-

соединимы между собою; а соединяемые насильно, скорее разрушаются, нежели входят в соединение. Как же к добродетели привзошло гнусное, унижающее во мне образ Божий; как к образу великого Бога прикоснулся злорадный грех, если я действительно бог и не напрасно хваюсь тем, что составляю Твое достояние, Боже? Слышу о прекрасной реке Алфее, что она протекает чрез горькое море, а сладкие воды ее (к удивлению!) не терпят вреда в продолжение этого течения. Но как для воздуха порча — туман и для телесных членов — болезнь, так для добродетели — наша греховная ночь.

Часто заносил я ногу, чтобы шествовать к небу, но тяжкие и снедающие сердце заботы низлагали меня на землю. Нередко также озарял меня пречистый свет Божества; но вдруг ста-

новилося предо мною облако, закрывало великое сияние и сокрушало дух мой тем, что свет убегал от приближавшегося к нему. Что значит эта несообщимость? Или смертному написан такой закон, чтобы я всегда томился желанием? Или это к моей же пользе, чтобы мне с трудом приобретать и с трудом сохранять? Ибо то и прочно, над чем работал ум? Как хитрый зверь закрывает одни следы другими, так часто враг затмевал во мне способность различать доброе и злое, чтобы этою хитростию ввести в заблуждение ловца добродетели. Одно предписывает мне плоть, другое — заповедь; одно — Бог, другое — завистник; одно — время, другое — вечность. А я делаю, что ненавижу, услаждаюсь злом и внутренне горьким, злорадным смехом смеюсь ужасной участи: для меня и гибель

приятна. То я низок, то опять превыс-
пен. Сегодня отвращаюсь презорства,
а наутро сам презритель. Как меня-
ются времена, так меняюсь и я, подобно
полипу, принимаю на себя цвет камней.
Горячие проливаю слезы; но не вып-
лакан с ними грех. Хотя иссяк их по-
ток, однако же новыми преступления-
ми готовлю в себе другой; а сред-
ства врачевания мною отринуты. По
плоти я девственник; но не знаю ясно,
девственник ли и в сердце. Стыд потуп-
ляет глаза, а ум бесстыдно подьемлет их
вверх. Зорок я на чужие грехи и бли-
зрук для своих. На словах я небе-
сен, а сердцем прилип к земле. Спо-
коен я и тих; но едва подует хотя
легкий ветер, вздымаюсь бурными вол-
нами, и волнение не прекратится, пока
не наступит тишина; а тогда не очень
удивительно утихнуть и гневу.

Нередко и того, кто шел добрым путем с благими намерениями и простирался уже выше посредственной добродетели, вдруг низвергал с высоты губительный враг; и как будто восходил он по песку, который под нетвердой ногою катится назад. Снова простираюсь вверх и снова возвращаюсь назад с бóльшим прежнего срамом. Всегда я в пути, всегда в великом страхе; и едва лишь сделаю несколько шагов вперед, тотчас следует падение. Долга моя жизнь, а не хотелось бы расстаться с жизнью. Желаю уврачевания; но уврачевание от меня далеко; потому что с продолжением дней собираю я больше грехов. Поэтому-то в нашем роде да будет непреложно известною следующая истина:

Первое, чистое естество — Троица, а потом ангельская природа; в-треть-

их же, я — человек, поставленный в равновесии между жизнью и болезненною смертию, я, которому предназначена величественная цель, но достигаемая с трудом, если только, хотя несколько, отверста мною дверь греховной жизни; ибо такой подвиг предназначен Богом моему уму. И тот из нас совершеннейший, кто среди многих зол носит в себе немногие кумиры греха, кто при помощи великого Бога, храня в сердце пламенную любовь к добродетели, поспешает на высоту, а грех гонит от себя прочь, подобно тому как ток реки, влившейся в другую быструю, мутную и неукротимую реку, хотя и смешивается с нею, однако же превосходством своей чистоты закрывает грязный ее ток. Такова добродетель существа сложного; большее же совершенство предоставлено существам небес-

ным. А ежели кто еще на земле увидел Бога или, восхитив отселе на небо тяжелую плоть, востек к Царю, то это — Божий дар. Смертным же да будет положена мера!

Но вот вложу тебе в мысль и о том слово, как взойти на верх великой добродетели, которая одна — Чистому чистая жертва. Не думаю, что это возможно здесь. Ибо здесь многослойный туман лежит на глазах. Вожде-ленно и то, если и вместе с этой жизнию оставляю многоплачевные грехи. Добродетель — не дар только великого Бога, почтившего Свой образ; потому что нужно и твое стремление. Она не произведение твоего только сердца; потому что потребна превосходнейшая сила. Хотя и очень острое зрение, однако же видит зримые предметы не само собою и не без ве-

ликого светила, которое освещает мои глаза и само видимо для глаз. И к преуспеянию моему нужны две доли от великого Бога, именно: первая и последняя, а также одна доля и от меня. Бог сотворил меня восприимчивым к добру, Бог подает мне и силу, а в середине я — текущий на поприще. Я не очень легок на ногу, но не без надежды на награду напрягаю свои мышцы в бегу; потому что Христос — мое дыхание, моя сила, мое чудное богатство. Он соделывает меня и зорким, и доброшественным. А без Него все мы — смертные игрища суеты, живые мертвецы, смердящие грехами. Ты не видывал, чтобы птица летала, где нет воздуха, чтобы дельфин плавал, где нет воды; так и человек без Христа не заносит вверх ноги.

Не думай о себе слишком высоко и не полагайся на свой ум, хотя ты и

очень велемудр. Если и видишь кого ниже себя, не превозносись как всех превзошедший и находящийся близко к цели. Тот не достиг еще цели, кто не увидел предела своего пути. Много надобно иметь страха, но не должно приходить и в излишнюю робость. Высота низлагает на землю, надежда возносит к небу; а на великую гордыню гневается Бог. За иное можешь взяться руками, иного касайся только надеждой, а от иного вовсе откажись. И то признак целомудрия — знать меру своей жизни. Равно для тебя худо — и отложить благую надежду, и возыметь слишком смелую мысль, что нетрудно быть совершенным. Всегда старайся, чтобы стрела твоя попадала в самую цель, смотри, чтобы не залететь тебе далее заповеди великого Христа, остерегайся и не вполне ис-

полнить заповедь; в обоих случаях цель достигнута. И излишество бывает часто бесполезно, когда, желая новой славы, напрягаешь стрелу сверх меры.

Если будешь много о себе думать, то напомним тебе, откуда пришел ты в жизнь, чем был прежде, чем — когда лежал в матерной утробе, и чем будешь впоследствии, а именно: прахом и снедию червей; потому что принесешь с собою к мертвецам не более, как и самый немощный. А если будешь низко о себе думать, то напомним тебе, что ты Христова тварь, Христово дыхание, Христова честная часть, а потому вместе небесный и земной, приснопамятное творение — созданный бог, чрез Христовы страдания шествующий в нетленную славу. Поэтому не угождай плоти, чтобы не полюбить до излишества настоящую жизнь. Но старайся

сооружать прекраснейший храм, потому что человек есть храм великого Бога. И тот сооружает себя в этот храм, кто отрешается от земли и непрестанно шествует к небу. И этот-то храм советую тебе охранять так, чтобы он благоухал от всех твоих дел и слов, чтобы всегда пребывал в нем Бог, чтобы он всегда был совершен, и притом существенно, а не наружно. Не раскрашенный, разноцветный и блещущий поддельными красотами корабль веди по морскому хребту, но крепко сколоченный гвоздями, удобный для плавания, искусно оснащенный руками художника и быстро движущийся по водам.

Пусть всякий простирается вперед, все же да держатся Бога; кто мудр, кто силен, кто богат или беден — все да емлются за эту необманчивую опору! Здесь должно привязать челн свой

всякому, особливо же мне, который сидит на высоком престоле и посредством жертв возводит людей к небу, — мне, которому, если в омраченном сердце обещаю Христа, в такой же мере угрожает скорбь, в какой предлежит добрая слава, если приближаюсь к Божеству. Ибо как по Божиим мерам отмеривается мера нашей жизни, так по мерам жизни отмеривается и Божия мера.

Так рассуждая, и здесь безбедно совершишь поприще жизни, и после в тот день, когда разрешится эта премрачная жизнь, в добром сопровождении самого Бога преселишься отсюда.

Слово 10, о человеческой природе

Вчера, сокрушенный своими скорбями, сидел я один вдали от людей, в тенистой роще, и снедался сердцем. В

страданиях люблю я такое врачевство и охотно беседую наедине со своим сердцем. Ветерки жужжали и, вместе с поющими птицами, с древесных ветвей ниспосылали добрый сон даже и слишком изнемогшему духом. А на деревьях, любимцы солнца, сладкозвучные кузнечики из музыкальных гортаней оглашали весь лес своим щебетанием. Неподалеку была прохладная вода и, тихо струясь по увлажненной ею роще, омывала мои ноги. Но мною так же сильно, как и прежде, владела скорбь. Ничто окружающее не развлекало меня; потому что мысль, когда обременена горестями, нигде не хочет встретить утешения. И я, увлекаемый кружением парящего ума, видел в себе такую борьбу противоположных помыслов.

Кто я был? Кто я теперь? И чем буду? Ни я не знаю этого, ни тот, кто

обильнее меня мудростию. Как покрытый облаком, блуждаю туда и сюда; даже и во сне не вижу, чего бы желал, потому что и низок, и погряз в заблуждениях всякий, на ком лежит земное облако дебелий плоти. Разве тот премудрее меня, кто больше других оболещен лживостию собственного сердца, готового дать ответ на все?

Я существую. Скажи: что это значит? Иная часть меня самого уже прошла, иное я теперь, а иным буду, если только буду. Я не что-либо неизменное, но ток мутной реки, который непрестанно притекает и ни минуту не стоит на месте. Чем же из этого¹ назовешь меня? Что наиболее, по-твоему, составляет мое «я»? Объясни мне это; и смотри, чтобы теперь этот самый «я», который стоит перед тобою, не ушел от

¹ Из того, чем я был, есмь и буду.

тебя. Никогда не перейдешь в другой раз по тому же току реки, по которому переходил ты прежде. Никогда не увидишь человека таким же, каким видел ты его прежде.

Сперва заключался я в теле отца, потом приняла меня мать, но как нечто общее обоим; а потом стал я какая-то сомнительная плоть, что-то не похожее на человека, срамное, не имеющее вида, не обладающее ни словом, ни разумом; и матерняя утроба служила мне гробом. И вот мы от гроба до гроба живем для тления! Ибо в этой жизни, которую прохожу, вижу одну трату лет, которая мне приносит гибельную старость. А если там, как говорит Писание, примет меня вечная и нетленная жизнь, то скажи: настоящая жизнь, вопреки обыкновенному твоему мнению, не есть ли смерть, а смерть не будет ли для тебя жизнью?

Еще не родился я в жизнь. Для чего же крушусь при виде бедствий, как нечто приведенное в свой состав? Это одно и непреложно для существ однодневных; это одно для меня сродно, непоколебимо, не стареется, после того как, вышед из недр матери, пролил я первую слезу, прежде нежели коснулся жизни, оплакав все те бедствия, с которыми должен встретиться. Говорят, что есть страна, подобная древнему Криту, в которой нет диких зверей, и также есть страна, где неизвестны холодные снега. Но из смертных никто еще не хвалился тем, что он, не испытав тяжелых бедствий жизни, преселился отселе. Бессилие, нищета, рождение, смерть, вражда, злые люди — эти звери моря и суши, все скорби — вот жизнь! И как много я видел напастей, и напастей ничем не услажденных, так

не видал ни одного блага, которое бы совершенно изъято было от скорби, с тех пор как пагубное вкушение и зависть противника заклеямили меня горькою опалой.

К тебе обращаюсь, плоть, к тебе, столько неисцельной, к тебе — льстивому моему врагу и противнику, никогда не прекращающему нападений. Ты злобно ласкающийся зверь, ты (что всего страннее) охлаждающий огонь. И великое было бы чудо, если бы напоследок и ты сделалась когда-нибудь ко мне благорасположенною!

И ты, душа моя (пусть и тебе сказано будет приличное слово), кто, откуда и что такое? Кто сделал тебя трупоносицею, кто твердыми узами привязал к жизни, кто заставил непрестанно тяготеть к земле? Как ты — дух — смесилась с дебелистью, ты —

ум — сопряглась с плотию, ты — легкая — сложилась с тяготою? Ибо все это противоположно и противоборствует одно другому. Если ты вступила в жизнь, будучи посеяна вместе с плотию, то сколь пагубно для меня такое сопряжение! Я образ Божий и родился сыном срама, со стыдом должен матерью своего достоинства наименовать похотение; потому что началом моего прозябания было истекшее семя, и оно сотлело, потом стало человеком, и вскоре будет не человеком, но прахом, — таковы последние мои надежды! А если ты, душа моя, — что-нибудь небесное, то желательно знать, откуда ведешь начало? И если ты Божие дыхание и Божий жребий, как сама думаешь, то отложи неправду, и тогда поверю тебе; потому что в чистом несвойственно быть и малой скверне. Тьма — не доля

солнца, и светлый дух никогда не был порождением духа лукавого. Как же ты возмущаешься столько от приращений губительного велиара, хотя и сопряжена с небесным духом? Если и при такой помощи клонишься ты к земле, то — увы! увы! сколь многомогущен твой губительный грех! А если ты во мне не от Бога, то какая твоя природа? Как страшно, не надмеваюсь ли напрасно славой?

Божие создание, рай, эдем, слава, надежда, заповедь, дождь — истребитель мира, дождь — огонь с небеси, а потом Закон — писаное врачевство, а потом Христос, соединивший Свой образ с нашим, чтобы и моим страданиям подал помощь страждущий Бог и соделал меня богом через свое человечество... Но мое сердце ничем не приводится в чувство. В самоубийствен-

ном исступлении, подобно вепрям, на-
пираем мы на меч. Какое же благо
жизни? Божий свет. Но и его пре-
граждает мне завистливая и ужасная
тьма. Ни в чем не имею преимуще-
ства, если только не преимуществуют
предо мною злые. О, если бы при боль-
ших трудах иметь мне равную с ними
долю! Я повержен в изнеможение, по-
ражен Божиим страхом, сокрушен днев-
ными и ночными заботами. Этот вы-
соковыйный и поползновенный гонит
меня сзади, наступил на меня пятою.
Говори ты мне о всех страхованиях, о
мрачном тартаре, о пламенеющих би-
чах, о демонах — истязателях ваших
душ; для злых все это баснь! Для них
всего лучше то, что под ногами. Их
нимало не приводит в разум угрожаю-
щее мучение. Лучше было бы безза-
конникам остаться впоследствии нена-

казанными, нежели мне ныне сокрушаться о бедствиях греха.

Но что говорить о людях? К чему так подробно описывать скорби нашего рода? Все имеет свои горести. И земля не непоколебима; и ее приводит в содрогание ветр. Времена года стремительно уступают место одно другому. Ночь гонит день, буря помрачает воздух; солнце затмевает красоту звезд, а облако — красоту солнца. Луна возрождается вновь. Звездное небо видимо только вполовину. И ты, денница, был некогда в ангельских ликах, а теперь, ненавистный, со стыдом спал с неба! Умилосердись надо мною, царственная, досточтимая Троица! И Ты не вовсе избегла от языка безрассудных однодневных тварей! Сперва Отец, потом великий Сын, а потом Дух великого Бога были предметом хулы!

К чему приведешь ты меня, зломудренный язык? Где прекратятся мои заботы? Остановись. Все ниже Бога. Покорствуй Слову. Не напрасно (возобновлю опять песнь) сотворил меня Бог. От нашего малодушия такая мысль. Теперь мрак, а потом дастся разум, и все уразумеешь, когда будешь или созерцать Бога, или гореть в огне.

Как скоро воспел мне это любезный ум, утолилась моя скорбь. Поздно пришел я домой из тенистой рощи, и иногда смеюсь над рассуждающими иначе, а иногда, если ум в борьбе с самим собою, томлю скорбию сердце.

Слово 11, о малоценности внешнего человека и о суете настоящего

Кто я был? Кто я теперь? И чем буду по прошествии недолгого времени? Куда приведешь и где поставишь,

Бессмертный, великую тварь, ежели есть великое между тварями? А по моему мнению, мы — ничего не значащие одnodневные твари и напрасно поднимаем высоко брови, ежели в нас то одно и есть, что видят люди, и ничего не имеем мы, кроме гибнущей жизни.

Телец, едва оставил недра рождающей, уже и скачет, и крепко сжимает сладкие сосцы, а на третьем году носит ярмо, влачит тяжелую колесницу и могучую выю влагает в крепкий навыйник. Пестровидный олень, едва из матерней утробы, и тотчас твердо становится на ноги подле своей матери, бежит от кровожадных псов и от быстрого коня, скрывается в чащах густого леса. Медведи, порода губительных вепрей, львы, равный в скорости ветру тигр и рыси, лишь в первый раз завидят железо, тотчас у них ошетичилась шерсть

и с яростию бросаются они на сильных звероловов. Недавно еще покрытый перьями птенец, едва оперился, и высоко над гнездом кружится по просторному воздуху. Золотая пчела оставила только пещеру, и вот строит себе противоположную обитель и дом наполняет сладким плодом; а все это — труд одной весны. У всех у них готовая пища, всем пир дает земля. Не рассекают они ярого моря, не пахут земли; нет у них хранилищ, нет виночерпцев. И быстролетную птицу питают крылья, а зверей-дебри. Если и трудятся, то у них небольшая однодневная работа. А огромный лев, как слышал я, растерзав зверя, им умерщвленного, гнушается остатками своего пира. Притом сказывают, что он, попеременно в один день вкушает пищу, а в другой одним питием прохлаждает жадную гортань, что-

бы приучить к воздержности чрево. Так жизнь их не обременена трудами. Под камнем или ветвями всегда готовый у них дом. Они здоровы, сильны, красивы. Когда же смирит болезнь, беспечально выпускают последнее дыхание, не сопровождают друг друга плачевными песнями, и друзья не рвут на себе волос. Скажу еще более: они бестрепетно теряют жизнь; и зверь, умирая, не боится никакого зла.

Посмотри же на жалкий человеческий род; тогда и сам скажешь со стихотворцем¹: «Нет ничего немощее человека». Я плод истекшего семени; с болезнями родила меня мать, и вскормлен я с великими и тяжкими трудами. Сперва мать носила меня в объятиях (сладостный труд!), а потом не без болезненных воплей сошел я на

¹ Гомер, в «Одиссее», 18, 130.

землю; потом стал ходить по земле, как четвероногий, пока не поднялся на колеблющиеся ступни, поддерживаемый чужими руками. Со временем в намеках немотствующего голоса проблеснул мой ум. А потом уже под руководством других я выплакал себе слово. В двадцать лет собрался я с силами, но прежде этого, как поднимавшийся на поприще, встретил много поражений. Иное остается при мне, другое для меня погибло, а над иным (да будет известно тебе, душа моя!) будешь еще трудиться, проходя жизнь, — это стремление, во всем тебе противное, этот дикий поток, это волнующееся море, то здесь, то там вскипающее от непрерывных порывов ветра. Часто обуреваюсь собственным своим безрассудством; а оно навел на меня противник нашей жизни — демон.

Если верно уставишь весы и взвесишь все, что в жизни приятного и что прискорбного, то одна чаша, до верха нагруженная злом, пойдет к земле, а другая, напротив, с благами жизни, побежит вверх. Война, море, воздѣлывание земли, труд, разбойники, приобретение имущества, описи имений, сборщики податей, ходатаи по делам, записи, судьи, неправдивый начальник — все это еще детские игрушки в многотрудной жизни. Посмотри и на приятность жизни: пресыщение, обременение, пение, смехи, гроб, всегда наполненный сотлевшими мертвецами; брачные дары, брак, брак второй, если расторгся прежний, прелюбодеи, поимка прелюбодеев; дети — тревожная скорбь; красота — неверная приманка; безобразие — невинное зло; заботы о добрых детях, печаль о худых; богатство и

нищета — сугубое зло, презорство, гордость — все это как шар, летающий из рук в руки у молодых людей.

Итак, смотря на это, снедаюсь сердцем, если почитают лучшим то, в чем больше зла, нежели добра. Не плачешь ли, слыша, сколько было скорбей у живших до нас? Впрочем, не знаю, будешь ли ты при этом плакать или смеяться. Мудрецы древности находили для себя приличным и то и другое; и у одного из них извлекало слезы, а в другом возбуждало смех, что Трояне и Ахеи, друг на друга бросаясь, бились и взаимно себя истребляли за прелюбодейную жену; что брань была у Куретов и у браннолюбивых Этолян за свиную голову и за щетину молодого кабана; что Иаковы сыны, при всей великой славе, умерли: один — среди врагов от неистовой руки, а другой — от женолюбия;

что именит был Амфитрионов сын, но и этот, всеразящий, погиб от ядоносной одежды. Не избежали злой участи и Киры и Крезы, а равно и наши, как будто вчерашние только, цари. И тебя, почитавшегося сыном змия, неудержимая сила — Александр, погубило вино, когда обошел ты целую землю! Какое преимущество между согнившими? Тот же прах, те же кости — и ирой Атрид, и нищий Ир, царь Константин и мой служитель; и кто злострадал, и кто благоденствовал — у всех нет ничего, кроме гроба.

Такова здешняя участь; но что же в другой жизни? Кто скажет, что приносит неправедным последний день? Там клокочущий пламень, ужасная тьма удалившимся от света, червь, всегдашнее памятование наших грехов. Лучше бы тебе, грешник, не вступать во врата

жизни, и если вступил, [то лучше] всему разрушиться наравне со зверями, чем, после того как терпишь здесь столько скорбей, понести еще наказание, которое тяжелее всего претерпеваемого тобою в здешней жизни! Где великая слава моего прародителя? Погублена снедию. Где премудрый Соломон? Покорен женами. Где этот Иуда, сопричисленный к двенадцати? За малую корысть объят тьмою.

Молю Тебя, Царь мой Христос: подай, Блаженный, Твоему служителю немедленное исцеление от зол, преселив его отселе! Для людей одно только благо, и благо прочное, — это небесные надежды. Ими дышу я несколько; а к прочим благам чувствую великое отвращение. И я готов предоставить существам однодневным все то, что влачится по земле, — отечество и

чужую сторону, престолы и сопряженные с ними почести, близких, чужих, благочестивых, порочных, откровенных, скрытных, смотрящих независтливым оком, снедаемых внутренно самоубийственным грехом. Другим уступаю приятности жизни, а сам охотно их избегну.

О, как продолжительною сделали жизнь эту бедствия! Долго ли мне сидеть у гноища? Как будто все блага нашей жизни заключены в одном утешении — изо дня в день то принимать в себя, то извергать отмеренное. Не многим пользуется гортань, а все прочее переходит в сток нечистот. Еще зима, еще лето; то весна, то осень попеременно; дни и ночи — двойные призраки жизни; небо, воздух, море — во всем этом, и что неподвижно, и что вращается, ничего для меня нет нового, всем я пресыщен. Другую даруй мне

жизнь и другой мир, для которого охотно понесу все тяжести трудов. Лучше бы мне умереть, когда заключил Ты меня в матернюю утробу, ибо как скоро начал я жизнь, моим уделом стали тьма и слезы.

Что это за жизнь? Воспрянув из гроба, иду к другому гробу, и, восстав из могилы, буду погребен в нещадном огне. Да и это время, пока дышу, есть быстрый поток бегущей реки, в который непрестанно одно уходит, другое приходит, и ничего нет постоянного. Здесь всё один прах, который закидывает мне глаза, и я дальше и дальше отпадаю от Божия света, ощупью, по стене, хватаясь за то и другое, брожу вне великой жизни. Отважусь на одно правдивое слово: человек есть Божия игра, подобная одной из тех, какие видим в городах. Сверху надета личина, которую

сделали руки; когда же она снята, каменею от стыда, явившись вдруг иным. Такова вся жизнь жалких смертных. У них на сердце лежит мечтательная надежда, но тешатся ею не долго.

А я, который емлюсь за Христа, никогда не отрешусь от Него, пока связан узами этой перстной жизни. Во мне двоякая природа. Тело сотворено из земли, потому и преклонно к собственной ей персти. А душа есть Божие дыхание, и всегда желает иметь лучшую участь пренебесных. Как поток течет из источника по ровному месту, а пламенеющий огонь знает один неизменный путь — возноситься вверх, так и человек велик; он даже ангел, когда, подобно змее, совлеки с себя пестровидную старость, восходит отселе. Торжествуйте, иереи, я умер! И вы, злые соседи, не придете уже от меня в трепет,

как прежде! Вы сами себе заграждаете великое милосердие присноживущего Царя. А я, оставив все, имею одно — крест, светлый столп моей жизни. Когда же я буду восхищен отселе и коснусь пренебесных жертв, к которым не приближается скрытное зло — зависть, тогда (если позволено сказать) и за завистливых буду беззавистно молиться¹.

Кто я? Откуда пришел в жизнь? И после того, как земля примет меня в свои недра, каким явлюсь из восставшего праха? Где поставит меня великий Бог? И, исхитив отселе, введет ли в покойную пристань? Много путей многобедственной жизни, и на каждом встречаются свои скорби; нет добра для людей, к которому бы не примешивалось зло; и хорошо еще, если бы горе-

¹ У Библия начинается отселе стихотворение 15-е, под заглавием «О путях жизни».

сти не составляли большей меры! Богатство неверно; престол — кичение сновидца; быть в подчинении тягостно; бедность — узы; красота — кратковременный блеск молнии; молодость — временное воскипение; седина — скорбный закат жизни; слова летучи; слава — воздух; благородство — старая кровь; сила — достоинство и дикого вепря; пресыщение нагло; супружество — иго; многочадие — необходимая забота; бесчадие — болезнь; народные собрания — училище пороков; недеятельность расслабляет; художества приличны пресмыкающимся по земле; чужой хлеб горек; возделывать землю трудно; большая часть мореплавателей погибли; отечество — собственная яма; чужая сторона — укоризна. Смертным все трудно; все здешнее — смех, пух, тень,

призрак, роса, дуновение, перо, пар, сон, волна, поток, след корабля, ветер, прах, круг, вечно кружащийся, возобновляющийся все, подобное прежнему, и неподвижный и вертящийся, и разрушающийся и неперенный — во времена года, днях, ночах, трудах, смертях, заботах, забавах, болезнях, падениях, успехах.

И это дело твоей премудрости, Родитель и Слово, что все непостоянно, чтобы мы сохраняли в себе любовь к постоянному! Все обтек я на крылах ума — и древнее, и новое; и ничего нет немошнее смертных. Одно только прекрасно и прочно для человека: взяв крест, преселяться отселе. Прекрасны слезы и воздыхания, ум, питающийся Божественными надеждами, и озарение пренебесной Троицы, вступающей в общение с очищенными. Прекрасны отрешение от неразумной персти, нера-

стление образа, прикрытого нами от Бога. Прекрасно жить жизнью чуждой жизни и, один мир променяв на другой, терпеливо переносить все горести.

Слово 12, о блаженстве и определении духовной жизни

Блажен, кто ведет пустынную жизнь, не имеет общения с привязанными к земле, но обожил свой ум.

Блажен, кто в общении со многими не развлекается многим, но преселил к Богу всецелое сердце.

Блажен, кто вместо всех стяжаний приобрел Христа, у кого одно стяжание — крест, который и несет он высоко.

Блажен, кто господин своих чистых от неправды стяжаний и подает нуждающимся Божескую руку.

Блаженна жизнь счастливых девственников, которые, отрясши плоть, близки к чистому Божеству.

Блажен, кто, уступив немного законам брака, приносит в дар Христу бóльшую часть любви.

Блажен, кто, воприав на себя власть над народом, чистыми и великими жертвами примиряет Христа с земнородными.

Блажен, кто, принадлежа к стаду, занимает место между пасомыми как совершеннейшая овца Христова.

Блажен, кто в высоких парениях очищенного ума видит светозарность небесных светов.

Блажен, кто многотрудными руками чтит царя и для многих служит законом жизни.

Все они наполняют собою небесные точила — эти влагалища для плода наших душ, хотя каждая добродетель ведет в особое место; потому что много обителей для многих родов жизни.

Блажен, кто показал великий дух, обнищавший страстями, кто проводит здешнюю жизнь в слезах, кто всегда алчет небесной снеди, кто чрез кротость делает себя наследником великих обетований, кто своею сострадательностью привлекает к себе великое Божие милосердие, кто друг мира и чист сердцем, кто терпит великие скорби ради Христа — великой славы, и сам идет во сретение великой славе.

Иди какою хочешь из этих стезей. Если пойдешь всеми, это всего лучше. Если пойдешь немногими, — второй тебе венец. А если пойдешь и одною, но превосходно, — и то приятно. Всем уготованы обители по достоинству — и совершеннейшим, и менее совершенным.

И Раав неблагочинную вела жизнь, но и ту соделала славною через свое превосходное страннолюбие. Мытарь за одно — за смиреномудрие полу-

чил преимущество пред фарисеем, который много превозносился. Лучше девственная жизнь; подлинно лучше! но если она предана миру и земному, то хуже супружества. Высока жизнь целомудренных нестяжателей, привитающих в горах; но гордость и их низлагала неоднократно; потому что они, не измеряя своей добродетели другими совершеннейшими образцами, иногда в сердце своем именуют высотой, что не высоко, а нередко, при пламенеющем уме, ноги, как горячие кони, несут их далее цели. Поэтому или на легких крылах несись все выше и выше, или, оставаясь внизу, совершай безопасное течение, не страшась, что какая-нибудь тяжесть преклонит крылья твои к земле и ты, вознесшись, падешь жалким падением.

Малый корабль, скрепленный частыми гвоздями, поднимает больше гру-

за, нежели большой корабль, худо связанный. Тесный путь устроен к Божиим вратам; но многие стези выводят на одну дорогу. Пусть одни идут тою, а другие — другою стезею, какую кому указывает природа, только бы всякий вступил на тесный путь. Не всем равно приятна одна снедь; и христианам приличен не один образ жизни.

Для всех превосходны слезы, бдения и труды. Для всех хорошо обуздывать ярость беспокойных страстей, преодолевать неводержимость, подклоняться под державную руку Христову и трепетать грядущего дня¹. Если же идешь совершенно горним путем, ты уже не смертный, но, по Григориеву слову, один из небожителей².

¹ Суда по всеобщем воскресении.

² У Библия начинается здесь стихотворение 17-е, под заглавием «Клятвы или клятвенные обеты». Впрочем, сам Библий в толковании своем замечает, что стихотворение это в рукописи соединено с предыдущим.

Поклялся я самим Словом, Которое для меня есть высочайший Бог, Начало от Начала — от бессмертного Отца, образ Первообраза, естество, равное Отчему, Бог, пришедший с небес и вступивший в человеческую жизнь, — поклялся я ни умом, замыслившим вражду, не унижать великий Ум, ни чуждым словом — Слово. А если бы, последовав внушениям богоборных времен, стал я рассекать Божество пресветлой Троицы; если бы мой ум обольстился высоким престолом или подал я руку искательству других; если бы предпочел я Богу смертного помощника, привязав корабль свой к хрупкому камню; если бы в счастьях возгордился я сердцем или опять, встретившись с напастями, уныл духом; если бы стал я судить суд, уклонившись сколько-

нибудь от закона; если бы человеческой гордости отдал я предпочтение пред преподобными, если бы, видя, как злые наслаждаются тишиною, а добрые разбиваются об утесы, уклонился я от правого пути; если бы зависть иссушила мое сердце, если бы посмеялся я падению других, хотя и не святых, как будто бы сам стою неподвижною ногою; если бы от умножившейся желчи пал мой ум; если бы язык побежал без узды и похотливое око увлекло за собою сердце; если бы возненавидел я кого напрасно; если бы коварно или явно стал я мстить своему врагу; если бы отпустил я от себя низшего с пустыми руками или с сердцем, жаждущим небесного слова, — то Христос да будет милосерд к другому, а не ко мне; мои же труды, до самой седины, да развеивает ветер!

Такими законами связал я жизнь свою. А если в желаемом достигну конца, то по Твоей благодати, Нетленный!

**Стихи о самом себе,
в которых святитель Григорий Богослов
скрытым образом поощряет и нас
к жизни во Христе**

Царь мой Христос! Ты чистыми дланями служителя Твоего Моисея, крестообразно воздетыми на горе, низложил некогда губительную силу Амалика. Ты простертыми руками Даниила связал во рве страшные пасти львов и ужасные острия их когтей. Через Тебя молящийся и в утробе зверя простирающий руки Иона исшел из великого кита; и в Ассирийском пламени трех мужественных юношей, как скоро воздвигли они длани, покрыло росоносное облако. Ты сам некогда ходил по ки-

пящему морю, умирал волны и силу ветров, извлекал из моря обуреваемых ветрами учеников; Ты разрешал от болезней и души, и телесные составы многих; как Бог, принявший на Себя естество человеческое, вступал в общение со смертными. И Богом был Ты от века, человеком же явился нам напоследок, чтобы после того, как Сам Ты стал человеком, меня соделать богом. Будь и ко мне милосердным Богом, Блаженный, и спаси меня! Будь и ко мне милосердным Богом и приди к зовущему! Приди, милосердый Боже, подай мне руку и спаси меня, который страждет от брани, от зверей, от пламени, от ветров и на небо только возводит взоры! Ибо для меня и зверями, и свирепую волною моря, и плачевною бранию, и стремлением палящего огня — всем бывают злые люди, губители моей

жизни, люди, которые всего более ненавидят любящих Бога, не боясь суда, угрожающего им впоследствии, не уважая и людей, отвращающихся злочестивца. От них огради меня, Христе, и милостиво соблюди, покрыв Своими крылами! Удали от служителя Твоего, Царь, обременительные бедствия; да не возмущают ума моего тяжкие заботы, какие мир и царствующий в мире возбуждает в жалких смертных, как ржа железо, истлевая в них боговидный образ и лучшую часть человека обращая в нечто сродное персти, чтобы не душа восторгала горé тяготеющую к земле персть, но персть низлагала на землю крылатую душу, оплодотворив злосчастную перстными делами!

Для смертных двое есть врат страшной смерти. Одни источают из сердца мутный поток греха; у них всегда на

уме дела вредоносные: плотоугодие, оскорбительная наглость, губительные замыслы; они, возлюбив свою участь и сами себя поощряя на всякое преступление, услаждаются грехом. Другие же чистыми очами ума видят Бога, отвращаются наглости — этого порождения бесстыдного мира, живут без скорбей под сению плоти, ускоренными стопами попирают землю, с легкостью следуя за зовущим Богом и Духом, и воссияют впоследствии как тайники сокровенной жизни Царя Христа, когда она явится во свете. Но и они, будучи данниками нужды, искушаются худыми терниями жизни, а злобный враг-демон для немощных смертных измыслил из этого тысячи жал смерти, часто под благовидною личиною скрывая жалкую пагубу, чтобы уловить противоборствующего; он так же готовит

гибельный конец людям, как уда в воде приносит смерть рыбам, которые, желая жизни, но поглощая только собственную свою пагубу, неожиданно привлекают уду в свою внутренность. И ко мне этот коварный, так как знал я, что он тьма, облекшись в прекрасную наружность, приступал в подобии света в надежде, что и я, возлюбивший добродетель, приближусь к пороку, когда и мой легкий ум увлечется в пагубу.

Меня не связало супружество — этот поток жизни, эти узы, тягчайшие из всех, какие налагает на людей вещество как начало трудов. Меня не пленили прекрасные волны шелковых одежд; не любил я продолжительных трапез, не любил пресыщать прожорливое чрево — эту погибельную мать плотоугодия; не любил я жить в огромных и великолепных домах; не рас-

слаблял я сердца музыкальными звуками, нежно потрясающими слух; меня не упоевало негою роскошное испарение благовонных мазей. И серебро, и золото предоставлял я другим, которые, сидя над несметным богатством, любят предаваться заботам и не много находят для себя услаждения, но много труда. Для меня приятен кусок хлеба, у меня сладкая приправа — соль; а стол приготовлен без трудов, и питье трезвенное — вода. Мое лучшее богатство — Христос, Который непрестанно возносит ум мой горé, а не поля, засеянные пшеницею, не прекрасные рощи, не стада волов или тучных овец, не дорогие служители — один со мною род, но отделенный от меня древним мучительством, которое на рожденных одною землею (землею или Богом) наложило двоякое именование — бла-

городства и рабства, что подтвердил и недобрый закон. Ни к чему не нужны мне — ничтожная честь, которая проходит скорее разливающегося дыхания, и скорогибнущая слава; не важно для меня получить от царя награды при дворе; никогда не обольщало меня желание судейского места, на котором, заседаая величаво, мог бы я высоко поднять вверх брови; не важно для меня иметь могущество в городах или между гражданами — увеселяться самыми лживыми и ничтожными грезами, которые как приходят одна за другою, так и улетают, или хватать руками мимотекущий поток как нечто твердое, ловить тень и сжимать ее руками, простираы длани к туману и осязать его. Таков человеческий род, таково и человеческое счастье: оно подобно самым неприметным следам корабля, которые

нарезываются спереди и исчезают сзади! Одна слава была для меня приятна — отличать познаниями, какие собрали Восток и Запад и краса Эллады — Афины; над этим я трудился много и долгое время. Но все эти познания, повергнув долу, положил я к стопам Христовым, чтобы они уступили Слову великого Бога, Которое затмевает Собою всякое извитие и многообразное слово ума человеческого.

Но, избежав иного, не избежал я невероятной вражды неприязненного, который с лицом дружелюбным строит мне козни. Откровенно поведаю все мое бедствие, чтобы другие могли спастись от ухищрений пресмыкающегося зверя.

Услуживая родителям, которые обременены были старостию и жестокою скорбию, потому что из детей ос-

тался у них я один — слабая надежда, небольшое мерцание уже несуществующего великого светила, — услуживая родителям, думал я исполнить угодное Тебе и законам Твоим, Царь мой Христос; потому что Ты, Блаженный, даруешь детей смертным, чтобы имели в них помощь и ими, как жезлом, подпирали дрожащие члены. А из всех, которые чтут Тебя, мои родители особенно заботятся о благочестии; избегнув опасности скорбной жизни, они привязали корабль свой к Твоим чистым заповедям. Ты для них — начало и конец. Мать моя, наследовав от отцов богоугодную Веру, и на детей своих наложила золотую эту цепь. В женском образе нося мужское сердце, она для того только касается земли и заботится о мире, чтобы всё, и самую здешнюю жизнь, преселить в жизнь

небесную и на легких крылах воспарить горé. А родитель, прежде служа идолам, был дикою маслиною, но привился к стеблю маслины доброй, и столько принял в себя соков благородного корня, что закрыл собою дерево и многих напитал медоточными плодами; он сед волосами и вместе сед умом, приветлив, сладкоречив; это новый Моисей или Аарон, посредник между людьми и небесным Богом; непорочный внутренно, чистыми тайноводствиями и нашими жертвами, какие закаляет ум, приводит он в общение смертных и великого бессмертного Бога. От такого родителя и от такой матери произошел я. Соревновать им невозможно; а что соревнуют они друг другу, это не тревожит меня. Заботясь о них и облегчая их труды, питал я ум свой надеждами, что делаю са-

мое полезное дело, исполняю долг природы.

Но несомненно, что путь нечестивых исполнен пагубы; потому что и из доброго произошло для меня злое. Непрестанные и тяжкие заботы, день и ночь снедая душу и тело, низводят меня с неба к матери моей — земле. Во-первых, управлять служителями — подлинная сеть пагубы. Жестоких владык они всегда ненавидят, а богобоязненных бесстыдно попирают; к злым неснисходительны, добрым неблагопокорны, но на тех и на других дышат неразумным гневом. А сверх того надобно заботиться об имуществе, всегда иметь на плечах Кесарево бремя, переносить сильные угрозы сборщика податей; потому что подать, возрастая с именем, унижает для людей цену самой свободы, а на устах лежат узы.

Надобно проводить время среди волнений многолюдного собрания, близ высоких седалищ, с которых решаются людские распри, надобно выслушивать громкие возражения противника или по закону терпеть скорби в запутанных сетях. Вот бремя, вот труд! А злые берут преимущество пред добрыми; блюстители законов могут быть куплены той и другой стороною. И если злой имеет у себя больше достатка, то он и лучший. Как же с такими людьми без помощи Божией избежать множества лжей и хитросплетений? Ибо необходимо или опрометью бежать и оставить все злым, или очернять свое сердце, подобно [тому,] как приближающийся к злему дыханию истребительного огня носит на себе печальные знаки или пламени, или дыма. Но это еще сносно. Моя рана болезненнее.

После того как единокровный мой брат оставил жизнь, сколько я терпел и сколько надеюсь еще терпеть! Кто встретил неожиданные потери, тот не ожидает лучшего. При жизни брата и я имел некоторую славу у людей; богатство же или могущество никогда не уловляло моего сердца. А как скоро он умер, один я терплю скорби и горести.

Из имения, каким владел брат, иное поглотила разверзшаяся земля, когда и сам он покрыт был развалинами Никей, а иное демон предал расхищению руками негодных людей; только сам, заваленный обломками, избежал он смерти, потому что небесный Бог простер руку Свою над домом, в котором он находился. О Кесарий мой — досточтимое имя! Как утренняя звезда блистал ты тогда при дворе царском, занимая первое место по мудрости и

кроткому нраву, имея у себя многих сильных друзей и товарищей; для многих изобретал ты врачевства от тяжких телесных недугов; многих своими благодеяниями избавлял от нищеты; но теперь ты умер и насытил многих псов, которые отовсюду обступили меня и лают; а из родных никто не подает мне помощи. Не многие меня любят, и те любят, как враги: уважают, пока еще ничего не получили, а получив, ненавидят. Так с высокого развесистого дуба, порываемого усилиями ветра, и здесь и там, отовсюду вокруг, похищаются ветви; так с обширного виноградника, у которого разрушена ограда, мимоходящие путники без милосердия собирают грозды, и единопасущийся в лесах вепрь наносит ему вред зубами. А мне — многослезный труд; нет сил в моей руке ни насытить, ни отогнать всех.

С тех пор как в первый раз, отрешившись от житейского, предал я душу светлым небесным помыслам и высокий ум, восхитив меня отсюда, поставил далеко от плоти, скрыл в таинницах небесной скинии, осиял мои взоры светом Троицы, светозарнее Которой ничего не представляла мне мысль, Троицы, которая с превознесенного Престола изливает на всех общее и неизреченное сияние, Которая есть начало всего, что отделяется от превыспренного временем, — с тех, говорю, пор я умер для мира, а мир умер для меня. Я дышащий мертвец; мое могущество — кончившаяся греза; моя жизнь в ином мире; я воздыхаю под дебелою плотию, которую мудрые прекрасно называют мраком ума. Отрешившись от здешней жизни, от омрачающего зренья, от всего, что, пресмыкаясь по земле,

блуждает и вводит в заблуждение, желаю чище приникнуть в постоянное, чтобы не в смеси (как обыкновенно доселе) с неясными образами, которыми зрение даже самого острого ума вводится в обман, но чистыми очами видеть самую истину. Впрочем, это возможно впоследствии; а здешнее — ничего не стоящий дым или прах для того, кто эту жизнь обменял на жизнь великую, жизнь земную — на жизнь превыспреннюю, жизнь скоропреходящую — на жизнь постоянную.

За это-то и напали на меня все, не хотят отойти от меня, спеша как на готовую добычу. Увы, увy, мой Кесарий! И ты — горсть праха, ты, который отражал от меня все беспокойства, давал мне возможность избегать всякого бремени, почитал брата, как не почитал никто другой, уважал меня, как иной уважает любимого отца!

Но я не столько сетую о потере имущества, которое желал сделать общим достоянием нуждающихся, потому что сам я здесь пресельник и скиталец и все предоставляю руке Всевышнего — подательнице благ; не столько сетую об обиде, ненавистной всякому смертному, хотя она и кроткого человека всего скорее может привести в гнев; не столько сетую об единокровных, которых скрывает от меня гроб, похитив преждевременно, когда они возбуждали удивление всех земнородных, — сколько плачу о душе своей, ибо вижу, что эта прекрасная и великая царица, дочь благородных Царей, изнемогает под тяжестью неразрешимых оков. Враги пленили ее силою оружия, подвергли трудному рабству, и она потупляет в землю печальные очи. Таково мое страдание; вот рана, которую ношу в сердце!

Есть древнее сказание, что если злая ехидна наложит зубы и нанесет губительную рану, уязвленный тому только охотно пересказывает об этом, в кого безжалостная ехидна со своим палящим ядом влила ту же пагубу, потому что такой только человек знает нестерпимость боли. Так и я поведаю о своем мучении только тем, у кого одинаковая со мною любовь, одинаковое страдание и подобная скорбь. Тот только примет рассказ мой с любовью, пожелает знать лучшие тайны слезящего сердца, кто, возжелав подъять на рамена бремя креста и имея свою часть в огороде великого Царя, предпочитает путь прямой и сострадален к падшим. Но я возбудил бы смех, рассказывая о своих горестях другим; особливо[тем,] в ком вера слегка напечатлелась на поверхности сердца, в чью внутренность

не проникла крепкая любовь к Царю, кто живет на земле, помышляя единственно о том, что однодневно. Но да погибнут такие люди, потому что на всех, и на добрых, и на злых, равно изощряют они язык — эту уготованную стрелу!

А я не прекращу сетования, пока не избег плачевного порабощения греху, пока ключом ума не замкнул безумных страстей, которым жестокий сатана отверз ныне все входы, хотя они не имели ко мне доступа прежде, когда покрывала меня Божия рука и грех не имел поблизости такого вещества, которое бы легко и скоро воспламенялось, как солома от приближения огня не только возгорается, но, раздуваемая ветром, образует высокий пламенный столп.

Мне надлежало бы прежде всего укрыть плоть свою в пропастях, горах

и утесах; там, бегая от всего, от самой этой жизни, от всех житейских и плотских забот, живя один вдали от людей, носил бы я в сердце всецелого Христа, к единому Богу вознося чистый ум, пока не облегчила бы меня смерть, наступив вместе с исполнением надежд. Так надлежало бы! Но меня удержала любовь к милым родителям; она, как груз, влекла меня к земле; даже не столько любовь, сколько жалость — эта приятнейшая из всех страстей, проникающая всю внутренность и все составы костей, жалость к богоподобной седине, жалость к скорби, жалость к бесчадию, жалость к заботливости о сыне, с какою, непрестанно предаваясь сладостным трудам, трепещут за него, как за глаз своей жизни и как за обремененного печалью. Предметом его занятий были прежде книги, которые Дух

начертал языком святых мужей, а также из доброго письмени просиявающая благодать Духа и сокровенная польза, открываемая одним очищенным. Ему приятны были молитвы, воздыхания, бессонные ночи, ангелоподобные лики, которые, стоя на ногах, призывают Бога в псалмах и в песнопениях возносят к Нему сердца, из многих уст воссылая общие славословия. Ему приятны были изнурение виновника зол — чрева, умерение смеха, неподвижность языка и очей, обуздание неистового гнева. А ум сдерживал блуждающую и всюду озирающуюся мысль, обращал же ее ко Христу небесными надеждами; ум стоял выше всего, возводя образ к Царю. И Богу угодно было такое стремление. Вместо богатства и несносного шума, который беспокоит меня в ночных сновидениях (потому

что призраки ночи подобны дневным заботам), — у меня пред очами были Божие сияние, пресветлое ликостояние и слава душ благочестивых. Но теперь в душе моей, которая прежде любила беседовать со всеми добродетельными, погибли все украшения, остались же внутреннее желание и безнадежная скорбь.

Об этом плачу и не знаю ясно, что даст завтрашний день. Приведет ли меня Бог обратно к прежним правилам жизни, освободив от горестей и сняв с меня все бремя; или, прежде нежели увижу ясное небо, прежде нежели приложен будет пластырь к ранам, изринет меня отсюда погруженным в скорби несчастливцем, который желает света после глубокой ночи? Тогда кто поможет сетующим напрасно? Здесь врачество для людей; а напоследок все будет заключено.

Седая голова и покрытое морщинами тело преклонились уже у меня к вечеру скорбной жизни. Но доселе не испивал я столь сильных и многочисленных горестей. Не страдал я столько и тогда, как, отправляясь в Ахаию из Фаросской земли, встретил я море, обуреваемое ярыми ветрами при восхождении осеннего тельца, которого особенно боятся пловцы, и не многие из них осмеливаются при нем отрешать корабельную вервь. Двадцать дней и ночей лежал я на корме корабельной, призывая в молитвах царяющего в горних Бога; пенистая волна, подобная горам и утесам, то с той, то с другой стороны ударяла в корабль и нередко низвергалась в него; от порывистого ветра, свистящего в канатах, потрясались все паруса; эфир в облаках почернел, озарялся молниями и повсюду

колебался от сильных ударов грома. Тогда предал я себя Богу и избавился от ярого моря, усмиренного святыми обетами. Не страдал я столько и тогда, как колебались основания обширной и трепещущей Эллады, не видно было пособия в бедствии, а я трепетал оттого, что душа моя не была еще освящена небесным даром, ибо благодать и озарение Духа привлекаются на людей купелию. Не страшился я столько и тогда, как болезнь пожирающим своим дуновением наполнила мои уста, стеснила проходы дыхания и пути жизни; и тогда, как, в потемнении ума вертя прутom, поранил и окровенил я себе изогнутый угол ресницы, как убийца, утратил для себя свет; великий плач последовал за жестокой ошибкою, и я не мог своими руками возносить духовной жертвы Богу до тех пор, пока

слезами не измыл повреждения; потому что для нечистого опасно прикасаться к чистому, равно как и слабое око устремлять на огнистое солнце. Много потерпел я бедствий. Кто перескажет все то, как призывал меня Бог, и отягощая на мне руку Свою, и благоволя ко мне? Но доселе не встречал я таких несчастий, какие напоследок приразились к моей злополучной душе.

Она желала бы увидеть когда-нибудь день свободы, совлекшись всего и обнажившись, избежать огня, уловления могущественным миром, чудовищной пасти змия, который готов уловляемого им поглотить своим зевом; а мой ум составляет сладкую снедь для велиара. Кто даст главе моей или веждам текущий источник, чтобы потоками слез очистить мне всякую скверну, сколько должно оплавав грехи? Ибо для смер-

тных и для душ очернившихся самое лучшее врачевство — слезы, обгоревший пепел и безопасное на земле вращение. Пусть всякий, взирая на меня, приходит в трепет, приобретает новые силы бежать от черной Египетской земли и горьких тамошних дел и царя Фараона, шествует же в Божественное отечество! Пусть не остается он пленником на бесплодных равнинах Вавилона, сидеть на берегах реки, отложив в сторону все песенные органы и заливаясь слезами, но спешит в пределы святой земли, избежав ассирийского рабского ига, которое обременяло его доселе, и положит своими руками основание великого храма! С тех пор как я, злосчастный, оставил эту священную землю, не прекращалось во мне желание возвратиться туда; мучительное страдание повергло меня в старость,

потуплены в землю мои глаза, скорбь растет в сердце, стыжусь смертных и бессмертного Царя; такова моя одежда, и таково мое сердце, что не смею ни возвести взоров, ни отверсть уст. Одною бедностию своею привлекаю к себе милосердие Царя, Который, благоволя ко всем земнородным, отвергает надменных.

Злые разбойники, как повествуется, поймав одного путника, который из святого града Иерусалима шел в известный городок Иерихон, причинили ему много оскорблений, всего изранили, нанеся бесславные удары, совлекли покрывавшие его одежды и по жестокосердию оставили едва дышащим. В скором времени нашли его другие путники, но Левит и иерей прошли мимо; не оказав милосердия; когда же подошел один Самарянин, он сжалился над

бедным, взяв его, обвязал струпы, оставил врачество для ран и плату попечителю. Весьма чудно, почему Самарянин, увидев его, сжалился, а не сжалились те, которые были лучше Самарянина? Не знаю ясно, что таится под этим образом и какие тайны сокрывает Бог в Своей премудрости. Но да помилует меня в этом! И я таким же подвергся бедствиям. Ненавистик душ, похититель жизни подобным образом истерзал и меня, когда выходил я из священного града; и меня лишил он благодати Христовой и оставил нагим, как прежде Адама — причину персти и падения, когда вкушение низложило его на землю, из которой он произошел. Но умиласердись ко мне, Царь; спаси от смерти меня, которого оставили иереи, как скоро увидели изнемогающим; введя в уготованный для всех

дом, обвяжи мои струпы и, когда восстановятся мои силы, пошли опять во святой град, где бы мог я опять быть в безопасности; охрани от злых грабителей, от трудного пути, от ран и от таких мимоходящих, которые имеют безжалостное сердце, хотя и хвалятся благочестием!

Два человека, как слышу, вошли в храм: высоко о себе думающий фари́сей, будто бы он всех угоднее Богу, и мытарь, у которого сердце сокрушено было внутренно раскаянием в неправедных прибытках. Один подробно перечислял посты, законные десятины, сравнивал себя с мужами древними и укорял словами мытаря; а другой, заливаясь слезами, ударяя руками в перси, не смея возвести даже очей к Престолу великого Бога, то есть к широкому небу, и ни на кого не взирая своими рабскими очами, но стоя вдалеке, мо-

лился и взывал: «Будь милостив, уми-
лосердись над рабом Твоим, обременен-
ным грехами! Меня не спасут ни закон,
ни десятины, ни добрые дела; и укоря-
ющий не лжет; я стыжусь и храма,
потому что касаюсь его преподобными
ногами. Но Твоя благодать, Твое ми-
лосердие да излиются на меня, осквер-
ненного; эту одну надежду, Царь, подай
жалким беззаконникам». Так говори-
ли они. Бог услышал обоих и помило-
вал того, кто оказался изнемогающим,
а велеречивого поставил ни во что. Как
видел, так и рассудил их Ты, Боже мой,
Который и мне подаешь смелость; по-
тому что и я перед Тобою — тот же
негоднейший мытарь, так же тяжело
воздыхаю и уповаю только на Твою
помощь...

Если отец мой и почтенная мать
воздали Тебе за меня слезами, возды-

ханиями и молитвами; если они уделяли Тебе хотя малую часть стяжаний, чувствовали Тебя чистыми и святыми жертвами (а я сам ничего такого не сделал, что было бы достойно Тебя); то умоляю, вспомяни о них и помоги мне. Удали от меня злые заботы, чтобы терния не подавили меня своими отраслями и не остановили в шествии Божественным путем. Ты, защита моя, проведи меня невредимым; ибо Твой я служитель, Твое я достояние, Ты для меня от начала единый Бог; Тебе посвятила меня мать, нося меня еще в утробе своей. Тогда еще, желая на коленях своих держать сына и подражая священной Анне, взывала она: «Царь мой Христос! Даруй мне увидеть сына, и юный плод чрева моего заключишь Ты в Своей ограде». Так вещала она, и Бог внял ее молению; в ниспослан-

ном от Бога сновидении наречено матери мое имя; а потом дал Ты ей и сына, и она во святилища Твои принесла меня — нового Самуила, если только был я когда-нибудь Самуилом. А теперь сопричтен я к мерзким и наглым сынам достославного служителя Твоего — Илии, которые с неразумным сердцем приступали к чистым жертвам, жадными руками касаясь священных котлов, за что и имели несчастный конец жизни.

Но мать моя с лучшими надеждами отделила Тебе часть рожденных ею. Она руки мои очистила Божественными книгами и, обнимая меня, сказала мне такое слово: «Приводил уже некто к алтарю возлюбленного, богодарованного сына, готового стать священной жертвою. Наилучший отец приводил доброго сына, плод поздно рож-

дающей Сарры, и корень потомства, какое начертывали надежда и Божие обетование. Авраам был жрец, и Исаак — славный агнец. А я, как обещала, приношу Богу тебя — дар живой: исполни же матернее желание. Ты рожден у меня по молитвам моим; о том теперь и молюсь, чтоб ты был совершен. Это доброе богатство даю тебе, сын мой, для этой и для будущей жизни, но последнее гораздо лучше». Таково желание матери; и я покорялся ее желаниям, будучи еще отроком; юная душа моя принимала в себя новый образ благочестия; печать соблюдалась по манию Христа, Который явно беседовал с рабом Своим, связал меня любовью к целомудрию, обуздал мою плоть, вдохнул в меня горячую любовь к Божественной мудрости и к жизни монашеской — начатку жизни будущей,

к жизни, не ищущей ребра, которое бы любило плоть свою, льстивыми же словами доводило до горького вкушения, к жизни, приносящей в дар Богу чистую любовь и не разделяющей рожденного всецело от Бога между женою и Христом, Который, стезею узкой и трудной, чрез тесные и не для многих проходимые врата в торжественном сопровождении приводит к Богу меня — бога, из земли сотворенного, а не рожденного, и из смертного ставшего бессмертным, — приводит, с великим Божиим образом привлекая и помощника моего — тело, подобно тому как камень магнит притягивает черное железо.

Увы! Какое тяжкое отмищение потерпела ты, душа моя! Тщеславные смертные, подлинно стали мы подобны легкому дуновению ветра; или, как туда и сюда стремящийся поток Еврипа,

надмеваясь пустотою, возвращаемся мы на земле. Ни худое, ни доброе — ничто не бывает у людей до конца одинаковым. Пути добрых и злых идут между собою весьма близко; и злой не знает, чем он кончит впоследствии, и добрый не твердо стоит в добродетели; но как порок ослабляется страхом, так добродетели — завистию. И Христу угодно, чтобы с тем и с другим боролся наш однодневный род, чтобы мы, взирая на Его могущество, устремляли взор горé. Тот у нас совершен, кто идет прямым путем, не озирается на пепельную пустыню Содома, погибельным огнемжигаемого за наглость, но стремительно бежит на гору и забывает об отечестве из страха, чтобы не стать притчею и соленым камнем.

Собственными своими страстями свидетельствую я о человеческой рас-

тленности. Когда был я отроком и несколько разумения имел в груди, тогда, следуя какому-то прикровенному разуму и похвальным обычаям, восходил я горé к светозарному Престолу и неблуждающими стопами шел по царскому пути. Но теперь, когда собрался я с разумом и касаюсь уже предела жизни, как бы от упоения нетверды стали стопы мои, и я, несчастный, иду излучинами; меня изнуряет брань с пресмыкающимся змием; она тайно и явно похищает у меня всякую хорошо придуманную мысль. То простираю ум к Богу, то опять увлекаюсь в худую слитность мира; и немалую часть души моей искажил смутный мир.

Но хотя покрыл меня собою черный грех, хотя враг мой, подобно каракатице, изрыгающей черноту свою на воды, явно излил на меня темный яд,

однако же я столько еще могу разобрать и рассмотреть, что наилучшим образом вижу: кто я, чего желаю достигнуть и где нахожусь, несчастный, сколько раз падал я на землю или в разверстые под землей бездны. Не обольщаюсь убеждениями, не пленяюсь словами, придуманными в защиту страстей; не утешаюсь измерением чужих пороков как совершеннейший в сравнении с другими. Больному, которого режут железом, приятно ли видеть, что режут и других и что они ощущают еще сильнейшую боль? Что за приобретение порочному от того, что другой и его порочнее? Кто отличается добротой, от того может получить пользу и добрый, и худой, потому что зрячий — приобретение для слепого. Но услаждаться тем, что видишь порочных, есть признак еще большей порочности.

Если кто почитает меня хорошим, когда я худ, — это тяжело для меня, и я внутренне проливаю тайные слезы. Лучше, будучи хорошим, во мнении других оставаться худым, нежели, будучи худым, иметь славу доброго и быть для людей обманчивым гробом, который внутри полон зловония от гниющих мертвецов, а снаружи блистает белизною и приятными для взоров красками. Убоимся великого Ока, которое видит и под землею, и в великих глубинах моря, видит все, что скрывается в человеческом уме. Пред ним ничего не разделяет время; для Бога всё — настоящее. Как же сокрыл бы от Него кто-нибудь свое беззаконие? Где же укроем самих себя в последний день? Кто поможет тогда? Где утаимся от Божия ока, когда дела всех различит очистительный огонь, по-

жирающий легкое и сухое естество греха?

Этого-то греха боюсь и трепещу день и ночь, видя, как душа ниспадает от Бога на землю, больше и больше сближается с перстию, которой желал я избежать. Так на берегах осенней реки гордящуюся сосну или вечнозеленый чинар, подрывшись под корни, погубил соседний ручей. Сначала поколебал он все опоры и на стремнине поставил высокое дерево, а потом наклонил к реке держащееся еще на тонких корнях и, сорвав со стремнины, бросил в средину водоворота, повлек с великим шумом и отдал камням, где бьет непрестанно дождь, и вот от сырости согнивший, ничего не стоящий пенек лежит у берегов. И на мою душу, цветущую для Христа-Царя, напал жадный, неукротимый враг, низложил ее на землю

и бóльшую часть погубил; а то немногое, что осталось еще, блуждает там и здесь. О, если бы опять воскресил ее Бог, Который создал не-сущих, а потом и разрушившихся воссоздаст и приведет в иную жизнь, чтобы встретили или огонь, или светоносного Бога! Но все ли впоследствии встретят Бога? Этот вопрос отложим до другого времени.

Царь мой Христос! Хотя неприязненные люди называют меня мертвым и бессильным, втайне издеваются надо мною, кивая головою, смеются моему бедствию, но Ты не оставь меня пасть под ударами противников.

И, во-первых, подкрепи снова в небесных надеждах, и мне, угасающему, мне, жаждущей светильне в светильнике, удели несколько влаги, несколько капель елея, чтобы, когда огонь возгорится, опять совокупился обновленный

во мне свет и я сподобился светлой жизни. А во-вторых, сними с меня всякое бремя и отдай его бурным ветрам, а мне даруй легкое дуновение.

Довольно смирял Ты сердце мое. Наказываешь ли Ты меня за горький грех или укрощаешь скорбями, как укрощают молодого коня, гоняя по непроходимым местам, или останавливаешь превозношение моего ума, так как оно весьма удобно рождается в тех из благочестивых, которые имеют легкий ум и самую благодать Божию обращают в повод к кичению, или моими бедствиями, Спаситель мой — Слово, хочешь Ты вразумить смертных, чтобы они возненавидели порочную жизнь, которая непостоянна, приводит к гибели всякого, и доброго и злого, поспешали же к иной жизни, к постоянной, неразвлекаемой, а для благочестивых и луч-

шей; о, в великих глубинах премудрости Твоей сокрыто это, что значат в продолжение превратной жизни преподаваемые смертным уроки, и благие и горестные, во всяком же случае самые полезные, хотя и скрывается это большею частию от дебелости нашего ума. Ты премудро движешь кормилом мира, куда ни обращаешь его; и им только спасаемся мы от опасных утесов, переплывая великое и наполненное подводными камнями море непостоянной жизни.

Но я, утружденный и сокрушенный всякого рода бедствиями, преклоняю пред Тобою колена. Пошли ко мне Лазаря, который бы увлажненным перстом прохладил скорее язык, иссохший в пламени; и меня, богатого страданиями, не удерживала бы долее бездна и не поставляла вдали от Авраамова лона.

Прости надо мною мощную руку Свою, подай врачевство от горестей, покажи на мне все прежние чудеса, всю силу знамений. Скажи, и иссякнет немедленно кровавый ток. Скажи, и дух легиона взойдет в стадо свиней, низринется в море и отступит от меня. Удали неносную проказу; пусть свет проникнет в невидящие очи; пусть уши услышат голос; распрости сухую мою руку; разреши узы языка; утверди немощные стопы ног; насыть от малого хлеба; укроти страшное море; облистай светлее солнца; укрепи отяготевшие силы; воскреси из мертвых смердящего; и видя меня доселе бесплодною смоковницею, не иссушай.

Другие полагаются на что-нибудь иное — на благородство крови, на прах и настоящую пышность; они ищут себе какого-нибудь ничтожного помощни-

ка. Я один оставлен Тебе единому, Царь царей, Тебе, державствующему над всеми! Ты моя величайшая сила! У меня нет попечительной супруги, которая бы избавила меня от неисцельных забот и своими ласками у врачевала сетующего. Не веселят меня милые дети, при которых ободряется старость и снова начинает ходить юношескими стопами. Не утешают меня ни единокровные, ни друзья: одних похитила жестокая смерть, другие, любя благоведрие, приходят в трепет при малом волнении, застигающем друга. Одно у меня было чудное утешение. Как жаждущий олень в прохладном источнике, так я находил его в сообществе мужей совершенных и христоносных, живущих на земле выше плоти, любителей вечного Духа и благого служения, не связанных узами супружества, презрителей мира. Но

и они, ратоборствуя за Тебя, разделились и стоят один за одно, другой за другое; ревность Божия незаконно расторгла закон и согласие любви, от которой осталось одно имя.

Как иной, спасаясь от льва, набегает на лютого медведя и, убежав от медведя, с радостью укрывается в доме и опирается рукою о стену, но там неожиданно поражает его змея, так и мне, избежавшему многих страданий, нет врачевства от бедствий. Что ни встречаю, все то болезненнее прежнего. Везде ищу помощи, и повсюду, от Тебя обременяемый, к Тебе опять обращаю взоры, Блаженный, к Тебе, моя помощь, к Тебе, Вседержитель, Нерожденный, Начало и Отец Начала — бессмертного Сына, великий Свет равного Света, Который, по неисследимым законам, из Единого исходит в Единое; к Тебе,

Сын Божий, Премудрость, Царь, Слово, Истина, Образ Первообраза, Естество, равное Родителю, Пастырь, Агнец, Жертва, Бог, Человек, Архиерей — к Тебе, Дух, исходящий от Отца, Свет нашего ума, приходящий к чистым и творящий человека богом! Умилосердись надо мною; даруй и мне, как здесь в преклонные лета, так и в будущей жизни, когда вступлю в общение со всецелым Божеством, радостно восхвалять Тебя немолчными песнопениями!

ПЛАЧ О СТРАДАНИЯХ ДУШИ СВОЕЙ

Что претерпел я, злосчастный? Какой плач будет соответствен моим страданиям? Где возьму достаточный источник слез? Какую составляю песнь? Оплакивал ли кто смерть детей, досточтимых родителей, милой супруги, или истребление любезной отчизны губительным огнем, или поражение членов лютою болезнию, — никто так не сетовал, как рыдаю я о жестокостраждающей душе своей, в которой (о я, злополучный!) гибнет небесный образ.

Несомненно то, что человек есть тварь и образ великого Бога. От Бога всякий исшел и к Богу идет, кто, устремля мысль горé и плоть оковав духом, вождем своей жизни имеет Милосердного Христа, а стяжание свое, язык и слух, самый ум и силу — всё посвящает грядущей жизни; кто, из все поглощающего мира исхищая все, чем возоблада́л похититель чужого достояния, богопротивный велиар, вносит это в сокровищницы, которые тверже земных, и расхищаемых и разрушаемых, чтобы узреть самого Царя, чтобы, совле́кшись плоти и противоборствующей дебелости, соделаться богом и духом, стать в чине светозарного ангельского лика, за великие труды стяжать еще бо́льшую награду, не как прежде, взирая на легкий образ скинии, на письменное и разрушаемое изображение

закона, но чистыми очами ума созерцающая самую Истину и устами воспевая празднственную песнь. Такова цель жизни; к этому обитателей земли возводит великость Христовых страданий. Ибо Христос, будучи Бог, начальник жизни, превысший века, всегда всецелый образ бессмертного Отца, приняв зрак раба, вкусил смерть, вторично встретил жизнь, чтоб от рабства и от уз смерти избавить меня, возвращающегося к лучшей жизни.

Но не соблюл я досточтимых Таинств Божиих, хотя душа моя и посвящена в тайны небесного восхождения. Грубая персть гнетет меня долу; не возмог я изникнуть из грязи и обратить око к свету. И обращал, правда; но между нами стало и очи мои закрыло облако — эта мятежная плоть и земной дух. Много на сердце суетных

попечений блуждающего ума; они обращаются то к тому, то к другому и отдаляют от меня Христа — Бога-Слово; потому что Жених не терпит общения с чуждою для Него душою. Много лежит на языке тлетворных зелий пагубы; потому что язык — половина всех человеческих пороков, изрыгает ли он явное зло — гнев, который, особенно сильный, в своих порывах отнимает у человека ум, или, затаив в груди коварный умысел, льет кроткие речи из мягких уст.

О, если бы приставлена была какая-нибудь дверь и к глазам, и к устам моим, не всегда отверзающимся на добро, чтобы я и видел и слухом принимал одно полезное, а для худого сами собою замыкались у меня и зрение, и слух! И для рук самое лучшее упражнение — чтобы они, чистые, непрестанно возде-

вались к небу и были покорны небесным законам; равно и для ног — чтобы они шли путем гладким, а не по тернам, не по утесам, не по стезе непреподобной. Но теперь, хотя каждый дарованный мне Богом член и сам в себе полезен, и для полезной дарован цели, однако же грех обратил его для меня в оружие смерти.

Какой же это правит мною закон? Отчего я на земле стал узником плоти? Как тело примешано к легкому духу? Не весь я чистая природа — ум, не весь и худшая — персть, но составлен из того и другого, и нечто иное с ними. А потому и терплю непрекращающуюся тревогу брани между враждующими взаимно плотию и душою. Я, образ Божий, вовлекаюсь в греховность; худшее во мне несправедливо противится лучшему, или убегаю гре-

хов и противлюсь им, но не без труда, после многих борений и при небесной только помощи.

Ибо два, точно два, во мне ума: один добрый, и он следует всему прекрасному; а другой худший, и он следует худому. Один ум идет ко свету и готов покоряться Христу; а другой — ум плоти и крови — влечется во мрак и согласен отдаваться в плен велиару. Или один увеселяется земным, ищет для себя полезного не в постоянном, но в преходящем, любит пиршества, ссоры, обременительное пресыщение, срамоту темных дел и обманы, идет широким путем и, покрытый непроницаемою мглою неразумия, забавляется собственной пагубою; а другой восхищается небесным и уповаемым как настоящим, в одном Боге полагает надежду жизни, здешнее же, подверженное различным

случайностям, почитает ничего не стоящим дымом, любит нищету, труды и благие заботы и идет тесным путем жизни.

Видя их борьбу, Дух великого Бога снисшел свыше и подал помощь уму, прекращая восстание беспокойной плоти или умиряя волнующиеся воды черных страстей. Но плоть и после этого имеет неистовую силу и не прекращает брани; борьба остается нерешительною. Иногда персть смиряется умом, а иногда и ум опять против воли последует превозмогающей плоти. Но хотя желает одного, именно лучшего, однако же, делая другое, именно — что ненавидит, оплакивает он тягостное рабство, заблуждение первородного отца, гибельное убеждение матери — эту мать нашей продерзости, преступную ложь пресыщающегося кровопийцы —

змия, который увеселяется человеческими грехами, оплакивает и древо, или вредный для человека плод древа, и пагубное вкушение, и врата смерти, и срамную наготу членов, и еще более бесчестное изгнание из рая, или от древа жизни. Об этом сетует болезнующий ум. Но плоть моя и ныне устремляет взор на прародителей и на человекоубийственное древо; она постоянно любит всякую сладкую снедь, какую только для обольщения ее показывает злой губитель — змий.

Поэтому и я плачу; и Царя, Который владычествует над всем и все взвешивает на весах Своих, слезно молю, чтобы милостиво рассудил душу и тело, прекратил брань и худшее (как и следует, потому что это гораздо полезнее и для души, и для тела) подчинил лучшему, чтобы обремененная перстию

душа не влачилась по земле и не погружалась, как свинец, в глубину, но чтобы персть уступала окриленному духу и образу и грех истаивал, как воск от огня.

Об этом умоляя, и сам прилагаю многие врачевства к грубой плоти, чтобы прекратить жестокий недуг, чтобы крепкими узами удержать силу плоти, как самого вероломного зверя; трепеща злой волны, ставлю преграды чреву, неудобоисцеляемую скорбию изнуряю сердце и проливаю токи слез; преклоняю пред Царем сокрушенные колена, провожу ночи без сна, ношу печальную одежду.

Иным приходят на мысль пиры, ликованья, смех, объядение — эти забавы цветущего возраста. Иные опять находят себе утешение в супругах, в сыновьях, в непрочной славе обладать

огромным богатством. Иных опять увеселяют народные собрания, рощи, бани, городская пышность, похвальные речи, шум сопровождающих, когда сами они быстро несутся на высоких колесницах. Ибо у смертных много утех в многообразной жизни, и к самым бедствиям примешивается веселие.

Но я умер для жизни, едва перевожу дыхание на земле, бегаю городов и людей, беседуя со зверями и с утесами, один вдали от других обитаю в мрачной и необделанной пещере, в одном хитоне, без обуви, без огня, питаюсь только надеждой и обратился в поношение всем земнородным. У меня ложе древесные ветви, постелею надежная власяница и пыль на полу, омоченная слезами.

Многие воздыхают под железными веригами; иные, сколько знаю, употребляют в пищу пепел, и питье у иных ра-

створено горькими слезами; иные, осы-
паемые зимними снегами, по сороку дней
и ночей стоят как древа, воспрянув сер-
дцем от земли и имея в мысли единого
Бога. Иной замкнул себе уста и на
язык свой наложил узду, которую, впро-
чем, не всегда стягивает, ослабляет же
ее для одних песнопений, чтобы уста
его были одушевленными гусями, в
которые ударяет Дух. А кто посвятил
Христу главу свою, ради благочестиво-
го обета блюдет ее от острижения.
Другой же смежил свои очи и к слуху
приставил двери, чтобы не уязвило его
откуда-нибудь неприметным образом
жало смерти.

Такие шесть способов врачевания и
я употреблял против неприязненной
плоти. Уже и седина служит пособием
против моих страстей. Много было и
непредвиденных бурь, которые против

воли вдавали меня в треволнения и сокрушали тяжкими скорбями. Но непреклонная плоть не повинуетя внушениям, не смиряется бедствиями, не укрощается временем, а всегда с закрытыми глазами спешит по стезе, противоположной жизни, и, подобно легиону¹, ищет стремнин. Если же иногда и уступает ненадолго Божию страху, или трудам, или Божественным глаголам, то как растение, спрямляемое руками вертоградара, опять сгибается в прежнюю кривизну.

О жалкие данники смерти! О род человеческий — мы, которые, будучи снедаемы грехами, утешаемся своим беснованием, не уважаем разума, какой вложил в нас Бог при рождении, когда даровал нам семя жизни; не страшимся закона, какой начертал Царь Хри-

¹ Легиону нечистых духов, которые Иисусом Христом изгнаны в стадо свиней и бросились в море.

стос сперва на каменных скрижалях, прикрыв истину письменами, а напоследок на наших сердцах — сиянием Святого Духа! Мы начинаниями своими противоборствуем Христовым страданиям, которыми Христос избавил нас от мучительных страстей, когда воспринял плоть и пригвожден был ко кресту, к которому пригвоздил вместе и черный грех твари, и державу велиара, чтобы мы, возродившись и воспрянув из гроба, с великим Христом восприяли горную славу.

Многочисленны дары Божии всем земнородным; наш язык не может изречь их величия. Бог привлекает меня к жизни или смиряя ударами, когда нечествую, или оскабляясь на меня, когда угождаю Ему. Ибо всем управляет Он с умом, исполненным благоволения к человеку, хотя и сокровенна глубина Его

премудрости, хотя между нашим родом и Божеством стоит глубокий мрак, сквозь который не многие проникают изощренным взором, именно же те одни, которых просветлила жизнь и которые, став чистыми, коснулись чистой мудрости.

Но меня сподобил Христос преимущественной славы. Сперва дал меня в дар матери, которая молилась из глубины сердца, и Сам принял меня в дар от родителей, у которых из всего, что они имели, не оказалось ничего дороже сына. А потом ночными видениями вселил в меня любовь к целомудренной жизни. Внимайте мне теперь, богомудрые; а оскверненные сердцем приложите двери к своему слуху!

Был я юным отроком или даже не совершенно отроком, в таких летах, когда ум принимает в себя начертание доб-

рого или худого, но, не имея еще в себе образца для твердых умопредставлений, прежде всего отпечатлевает в сердце чужие нравы. У меня же родители не худыми красками расцвелили ум, показав мне преимущества добродетели; потому что и сами, единодушно ревнуя о благочестии, и по своим седидам, и по достохвальным нравам составляли предмет удивления для всех земно-родных; наслаждаясь счастьем и телесным здоровьем, мерно протекали человеческую жизнь. Один из них стоял некогда далеко от великого стада, в котором теперь занимает высокое место; прежде не был он и овцою, а потом стал превосходнейшею из овец, из овцы соделался пастырем; а теперь уже он отец и пастырь пастырей. И хотя не рановременно приступил он к многоплодной жатве, однако же трудами сво-

ими много затмил начавших делание прежде него. А другая — святое насаждение священных родителей, по матери прозябшее от благочестивого корня благочестивых ветвей, — ничем не уступала женам, прежде бывшим, которые принимали у себя Царя Христа или видели Его, восставшего из гроба. Оба они не многим дышали на земле, и то по нужде плоти; бóльшая же часть жизни их сокрывалась горé. От них получило образование и мое нежное сердце, как недавно сседшийся творог, который скоро принимает вид сосуда.

И в одно время, среди глубокого сна, было мне такое видение, легко воспламенившее во мне любовь к девственности. Мне представлялось, что подле меня стоят две девы в белых одеждах, обе прекрасные и одинаковых лет; все убранство обеих состояло в том, что

они не имели на себе уборов, — в чем, собственно, и состоит красота жен. Ни золото, ни гиацинты не украшали их шеи, ни тонкие шелковые ткани, ни хитоны из нежного льна не покрывали их членов. Очи не осенялись подкрашенными ресницами. Ими не было употреблено ни одно из средств, какие изобретены мужчинами, заботившимися об искусственном украшении женской наружности для возбуждения сладострастия. У них не рассыпались по плечам златовидные кудри и не играли с легким дыханием ветерков. Поясом стягивалась прекрасная верхняя одежда, спускавшаяся на ноги до пят. Головным покрывалом закрывая и ланиты, стояли они, поникнув взорами к земле. Обоих украшал прекрасный румянец стыдливости, сколько можно было заметить это из-под покрывал,

плотно прилежавших к лицу. Уста их, заключенные молчанием, уподоблялись розе, лежащей в окропленных росой чашечках. Увидя их, я очень обрадовался, ибо рассуждал, что они должны быть много выше простых земнородных. И они полюбили меня за то, что я с удовольствием смотрел на них; как милого сына, целовали они меня своими устами; а на вопрос мой, что они за женщины и откуда, отвечали: «Одна из нас Чистота, а другая — Целомудрие. Мы предстоим Царю Христу и услаждаемся красотами небесных девственников. Но и ты, сын, соедини и ум свой с нашими сердцами, и светильник свой с нашими светильниками, чтобы тебя, просветленного, перенеся чрез эфирные высоты, могли мы поставить пред сиянием бессмертной Троицы». Сказав это, уносились

они по эфиру, и взор мой следовал за отлетающими.

Это был сон; но сердце долго улаждалось досточтимыми видениями ночи и обликами светлой девственности. Слова дев возобновлялись в мысли моей и тогда уже, когда понятие о добром и худом ясно напечатлевается в человеке, когда ум возобладал над любовью и красота восхитительного ночного видения стала представляться не ясно. Как сухую солому вдруг освещает питаемая внутри нее невидимая искра и сперва появляется малый пламень, а потом восстает обширный огненный столб, так и я, воспламеняемый видением, мгновенно озарялся любовью, и лучи ее, не укрываясь во глубине души, делались видимыми для всех.

Сперва сблизился я с людьми благочестивыми, которые, отрешась от пер-

стного мира, избегли брачных уз, чтобы, окрылясь, следовать за Царем Христом и с великою славою преселиться отселе. Их возлюбил я, объял всем сердцем и избрал для себя вождями небесной надежды. А потом и сам отринул тяжелое иго супружества, возлюбив высокий жребий вечно юных существ; потому что природы, населяющие обширное небо, не знают уз супружеских и выше беспокойных страстей. И таков, во-первых, пресветлый великий Бог, а по Нем таковы же и Божии служители, которые стоят близ высокого Престола, приемлют на себя первый луч чистого Бога и, просветленные им, преподают свет и смертным. А те, которые совокуплены воедино из души и тела, по природе двойственны, суть порождения противоборствующей персти, любят супружескую жизнь и

готовы сеять во плоть. Но Бог-Слово, принеся нам лучший жребий, поставил его вдали от плоти и отделил от обманчивого мира, приблизил же к безбрачной жизни бессмертных.

К Нему мое сердце стремилось любовью. Не на дольной земле утверждал я слабые стопы свои, но, вкусив тамошнего твердого ликостояния, как бы сладкого млека или меда, не захотел подступать ближе к горькой снеди, к рождающемуся от нее душепагубному греху. Для меня непривлекательны были пиршества, не имело приятности все то, о чем заботится юность: ни мягкая одежда, ни роскошные кудри, ни обольстительная прелесть срамных речей, ни смех невоздержный, ни воскипания неприязненной плоти. Другим уступил я стремнины, и горы, и ржущих коней, или своры гончих псов.

Отринув все земные утехы, подклонил я выю под иго строгого целомудрия. Оно меня питало, ласкало, возрастило в великую славу и заботливо положило на руки Христу.

Но Ты, Отец, и Отчее Слово, и пресветлый Дух, опора нашей шаткой жизни! Не попусти, чтобы враг, противник Твоей надежды, давил меня своими руками, чтобы и меня, как черный корабль, который по благополучном плавании приближается к берегу и почти уже касается близкой пристани, вдруг сильная буря, всесокрушающим дыханием ударив в спущенные ветрила, понесла назад и, возвратив на широкий хребет жизни, и здесь и там обуреваемая великими бедствиями, бросила наконец на скрытые подводные камни.

А таков умысел завистливого велиара. Он всегда преследует ненавис-

тию человеческий род и не терпит, чтобы земные делались небесными, потому что сам за свое злоумышление низвержен с неба на эту землю. Он, злощастный, возжелал иметь славу первой Красоты и великую царственную честь самого Бога, но вместо света облекся в ужасную тьму. Потому и увеселяется всегда темными делами, имеет здесь владычество над мрачным грехом. Этот превратный ум принимает на себя двойкий образ, распростирая то ту, то другую сеть. Он — или глубочайшая тьма, или, если откроешь его, тотчас превращается в светлого ангела и обольщает умы кроткою улыбкой. Почему и нужна особенная осторожность, чтобы вместо света не встретиться со смертью. Избегать порочной жизни могут и худые люди; потому что открытый порок для многих ненавистен. Хвалю же того,

кто изощренными очами духа обличает и коварного и невидимого врага.

Но Ты, Милосердый, соблюди мою старость и мою седую голову и пошли добрый конец жизни! Как прежде заботливо Ты любил меня и день ото дня вел к большему совершенству, приближая к благим надеждам, так и из неприязненных и мучительных забот введи в благодетельную пристань Твоего царства, чтобы, прославляя Тебя, Царь, с присноживущими Светами, сподобился я небесной славы.

Жалобы на свои страдания

Много раз я простирал ко Христу-Царю жалобное слово, изнемогая от великих напастей. Ибо и царь иной великодушно выслушивает от служителя скромное описание его рабских горестей, а добрый отец принимает часто

от неразумного своего сына и явно смелые речи. Поэтому и Ты, Боже мой, будь снисходителен к словам моим, которые вознесет к Тебе, о Прекроткий, болезнующее сердце. Если болезнь отрыгнула сердцем, это служит уже некоторым облегчением в страданиях.

Для чего, Ты, Царь мой Христос, поражал меня свыше столь многими бедствиями с того самого времени, как испал я из матерного чрева на мать-землю? Если Ты не связал меня в мрачной матерней утробе, то для чего я принял столько горестей на море и на суше, от врагов, от друзей, от злых начальников, от чужих и от соотечественников, и явно и тайно осыпавших меня и словами противоречия, и каменными тучами? Кто опишет все это подробно? Я один известен всякому не тем, что имею пред другими преимущество

в слове или в силе руки, но своими скорбями и сетованиями. Как льва, обступили вокруг и лают на меня злые псы. Какие жалкие песни с востока и с запада! А может быть, дойдет и до того, что кто-нибудь, разнеживший сердце на пиру, или какой-нибудь путник, или другой кто, касаясь перстами сладкозвучных гуслей и в неговорящих звуках пересказывая мои скорби, вспомнит о Григории, которого воспитал каппадокийцам небольшой диокесарийский город.

Но иным посылаешь Ты сверх ожидания многотрудное несметное богатство; иным же добрых детей; иной прекрасен, иной силен, иной красноречив. А моя слава в скорбях; на меня из сладостной руки Своей истощил Ты все горькие стрелы. Я — новый Иов; недостает только подобной причины

моих страданий, потому что выводишь меня не на ратоборство с жестоким противником, как доброго борца, в силе которого уверен Ты, Блаженный, и не для того, чтобы за добрый подвиг дать награду и славу. И я неспособен к этому, и скорби мои не так славны. Напротив того, я терплю наказание за грех. Какой же это грех? Во множестве прегрешений моих не знаю, которое оскорбляет Тебя более других. Всем открою, что заключено во глубине моего ума, хотя не ясно сказанное слово и закрыло бы, может быть, грех.

Я думал, что, как скоро Тебя одного соделал я своим вождленным жребием, а с тем вместе и все подонки жизни ввергнул в море, то, приближая к Твоему Божеству высокопарный свой ум, поставил уже его вдали от плоти. А слово вело меня к тому, чтобы всех

превзойти, чтобы выше всех на золотых крылах воспарить к небу. И это возбуждало против меня всегдашнюю зависть; это запутало меня в беды и неизбежные горести. Твоя слава восторгала меня в высоту, и Твоя же слава поставила меня на земле. Ты всегда гневаешься, Царь, на великую гордыню!

Да услышат это и да напишут будущим родам народы и правители, мои враги и доброжелатели! Я не отказывался от любезного мне престола великого моего родителя, нет — несправедливо было бы противиться Божиим уставам. Ему дан этот престол по законам, а моя юная рука служила опорой руке старческой; я уступил молениям отца, который не мною одним был почитаем, в котором и далекие даже от нашего двора уважали седину и рав-

ную ей светлость духа. Но когда Владыке нашей жизни угодно стало и то, чтобы явил я Слово и Духа на других, чуждых, необработанных и поросших тернием нивах; тогда я, малая капля, напоил великий народ. А потом опять угодно вдруг стало сюда обратно послать меня, рожденного для тяжелой болезни и мучительных забот; забота же — яд для человека. Но не на долгое время дал я успокоение своим членам, ибо должен был дать пастырскую свирель — доброго помощника моему стаду, которое оставалось без пастыря, чтобы какой-нибудь враг, взойдя в него, не наполнил брашном своего бесстыдного чрева. Поскольку же беспокоились правители, беспокоился и народ; их тревожило желание иметь пастыря; тревожили и губительные звери, которые, имея обезумленное сердце, и воп-

лотившегося в человеческой утробе Бога представляли себе не имеющим ума, то многие, не веря моим страданиям, возопияли (и говорили явно или держали в уме), что я по высокомерию презираю богобоязненный народ (но Богу известна моя скорбь); и многие также судили обо мне по ночным своим мечтаниям. Или любовь их, как живописец, представляла многое в прикрашенном виде; или Бог закрывал им глаза, приутоворяя мне добрый конец, чтобы не сокрушить меня горестными для меня ожиданиями, послав мне худшую кончину жизни. Поэтому преклоняю выю под крепкую Твою руку и иду узником. Пусть другие разбирают права; мне нет никакой пользы от того, что судят мою жизнь. Влеки меня теперь, Христос, куда Тебе угодно; я изнемог от скорбей, я сокрушен, как пророк в

китовом чреве. Тебе посвящаю остаток жизни.

Но умиლოსердись над человеком, который едва переводит дыхание. Для чего уязвляешь меня таким множеством скорбей? Не за одних добрых умер Ты, Боже! Не для них одних пришел Ты на землю — какое неизреченное чудо! — пришел Бог-Человек, окропляющий кровию наши души и тела. Не я один очень худ; Ты вводил в славу многих и худых. В Твоих книгах прославлены три мытаря: Матфей великий, другой — повергший свои слезы во храме, и третий — Закхей; сопричти к ним и меня четвертым! Трое также расслабленных: один — с одром (см.: Мф. 9, 1—8), другой при источнике (см.: Ин. 5, 5—8) и третья — связанная духом (см.: Лк. 13, 11); сопричти к ним и меня четвертым! Три

мертвеца снова увидели чрез Тебя свет, который Ты отверз им: дочь князя, сын вдовицы и полусогнивший во гробе Лазарь; сопричти к ним и меня четвертым! И теперь, о Благий, подай мне врачевства, утоляющие боли, и впоследствии даруй иметь вечную жизнь и хвалиться Твоею славою. Был я вождем богомудрой паствы, а когда разрешусь от этой жизни, тогда, о Преблаженный, да сподобится [народ] иметь лучшего пастыря. А если будет иметь и подобного мне, то, по крайней мере, да имеет менее страждущего, потому что неприлично бороться со злыми скорбями тому, кто должен быть целителем недугов в других.

**О суетности и неверности жизни
и об общем всем конце**

Желал бы я стать или легкокрылым голубем, или ласточкой, чтобы бежать из человеческой жизни или посе-

литься в какой-нибудь пустыне и жить в одном убежище со зверями, потому что они вернее людей. Там желал бы я провести свою однодневную жизнь без слез, без страха наказаний и без забот; иметь одно преимущество перед зверями — ум, который ведаёт Божество и небожествен. Там, среди спокойной жизни, собирал бы я свет ко свету или, взойдя на верх какого-нибудь высокого столба, громогласно стал бы взывать к живущим на земле:

«Смертные человеки, порождение истекшей влаги, ничтожные вы, которые, живя смертию, надмеваетесь суетным! Долго ли вам, оставаясь игрищем ложных и наяву представляющихся сновидений и играя ими, блуждать на земле без цели? Смотри, восшедши умом своим выше всех, как взошел и я, потому что в меня Бог вложил великое

ведение полезного и вредного; а выше всех парит ум. Тот был свеж и силен, составлял славу друзей, высоко носил голову и имел хорошо снабженные гибкие члены. Тот была прекрасная утренняя заря, весенний цвет между мужчинами и привлекал на себя взоры всех. Тот славен подвигами; тот по оружию Арей; тот превосходнейший борец со зверями на ристалище и на горах мерила с ними славу. Тот заботился о пирах и роскошных ужинах; суша, море и воздух приносили дань его чреву. Но теперь он покрыт морщинами и дряхл; все отцвело; пришла старость, а красота отлетела; чрево отказалось служить; небольшая часть человека остается еще в живых, а гораздо большая сошла уже в могилу. Тот надмевается ученостию всякого рода; тот высоко думает о пышных гробницах своего

благородства или о том, что и ему удалось вписать свою кровь в небольшие свитки; тот величается крепостию своих советов в городах, тем, что имя его у всякого в устах; тот собрал безмерное богатство и еще приращает его в уме; тот, сидя на высоком седалище, восхищается данными ему весами правосудия; тот, в багряной одежде и с увялым на челе, державствуя на земле, ни во что ставит самое небо, и хотя смертен, но напыщается бессмертными надеждами. Все это ныне, а чрез несколько времени — прах; рабы и скиптроносцы, наемники и гордящиеся богатством — все станут равны, для всех один мрак, одна обитель, и горделивым то одно преимущество, что громче над ними плач, пышнее их гробница и дольше хранится на жалком камне надгробная надпись. Рано или поздно, но вся-

кому смертному равный жребий. От всякого останутся наконец только хрупкие, полуистлевшие кости и голый череп. Кончилась пышность; но и бедность не беспокоит уже труп, неизвестная болезнь, ненависть, сумасбродство, желание большего, неукротимая наглость. Все умерло, все заключилось вместе с умершим до того времени, пока не пойдет отсюда вслед за воскресшими.

Видя все это, послушайтесь советов моих, дети (могу назвать вас детьми, потому что долее вас перевожу дыхание на земле)! Отринув весь мир, все мятущееся в мире, все, чем обольщает наземный царь — этот хищник чужой собственности, вредитель и человекоубийца, то есть богатство, славу, председательство, знатность рода, неверное счастье, — убежим как можно скорее

на небо, где окрест неизреченного Тройственного Света сияют многие красоты. А другие пусть падают там и здесь подобно шишкам и находят удовольствие в падении шишек или, густою тьмою покрыв свои очи и держась за стену, идут друг за другом!

**Плач о собственных своих бедствиях
и молитва ко Христу о прекращении
жизни**

Любезная земля, и море, и отечественная и чужая сторона, и юность и седина на западе жизни, и крылатые речи — напрасный труд, и те речи, которые породил светлый дух, и города, и убежище мое — утесы, какие только обошел я, стараясь приблизиться к Божеству Христову! Почему я один шел скорбным путем, и здесь и там меняя образ многотрудной жизни? Не однажды не мог твердо установить на земле

легкой стопы своей, но одни бедствия
непрестанно препровождают меня к
бóльшим бедствиям? Ты научи меня,
Премудрость, отчего на мне такое бре-
мя? Отчего благочестивые — в тру-
дах, а погибающие не знают трудов?
Наказание ли это за грех? Или угли,
которыми очищается жизнь, как золото
в горниле? Или меня, как Иова, вызывает
на борьбу с собою злобный и завистли-
вый враг, и Ты, как борца Своего, умастив
меня наперед обильно елеем, выводишь
обнаженным для великого подвига, что-
бы потом наградить и прославить под-
вижника? Все это известно Тебе одно-
му, Царь мой, Слово, потому что Ты уп-
равляешь целым миром по великим и
сокровенным законам, из которых раз-
ве малый некоторый отблеск вполне
доходит до нас, покрытых брением и
имеющих близорукие глаза.

Но я утружден жизнью; едва перевожу дыхание на земле, уязвляемый множеством бедствий от врагов и от друзей, что и огорчает меня чрезмерно. Потому плачу и припадаю к Твоим коленам. Подай мертвецу Твоему кончину жизни, подай утружденному отдохновение и возведи меня к легчайшей жизни, для которой терплю скорби и перенес тысячи горестей; восхитив в ангельские лики, приблизь путника к Небесному чертогу, где слава единого великого Бога, сияющего в трех Светах!

К себе самому в вопросах и ответах

Где крылатые речи? — В воздухе.
Где цвет моей юности? — Погиб.
Где слава? — Сокрылась в неизвестности.

Где крепость хорошо сложенных членов? — Сокрушена болезнью.

Где имение и богатство? — Иное взял Бог, а другое зависть передала в хищные руки злодеев.

А родители и священная двоица единокровных сошли в могилу. Оставалась у меня одна родина, но и оттуда изгнал злобный демон, воздвигнув против меня черные волны. Теперь я одинокий странник, скитаюсь на чужой стороне, влача скорбную жизнь и дряхлую старость; не имею у себя ни престола, ни града, ни чад, хотя обременен заботами о чадах, и, непрестанно скитаясь, день за днем провожу на ногах.

Где сброшу с себя это тело? Где встречу свой конец? Какая земля, какая страннолюбивая могила укроет меня в себе? Кто положит перст на мои померкающие очи? Благодетельный ли друг Христов или один из зловерных? Конечно, все это носит ветер, и

одного малодушного может озабочивать мысль: гробу ли предадут мою плоть — это бездыханное бремя, или останется она непогребенною в добычу хищным зверям, или бесстыдным псам, или птицам, или, если угодно Тебе, обращена будет в пепел, развеяна по воздуху, или без гроба брошена на высоких утесах, или сгниет даже в реках и под шумящими дождями. Ибо не останусь я один в безызвестности, не останется мой один прах несовокупимым, как должно; хотя для многих лучше было бы, чтобы прах их не совокуплялся. Напротив того, последний день, по Божью мановению, соберет всех вместе от концов земли, хотя бы кто обращен был в пепел и лишился членов в болезни.

Одно извлекает у меня слезы и приводит в страх — это и вознаграждение за все заботы!

Христе Царю! Ты — мое отечество, моя крепость, мое блаженство, мое все! О, если бы в Тебе обрести мне успокоение жизни и вознаграждение за все заботы!

Молитва ко Христу

Умер я для этой бедственной жизни, которая, наподобие Еврипа, носится туда и сюда, не имея ничего и на один даже день постоянного. Желаю же жить тою долгою жизнью, которая назначена в награду хорошо подвизавшимся. Кому любезна здешняя жизнь, те и увеселяйтесь ею, а я с радостию узрю Владыку. Осмелюсь сказать Тебе нечто, Блаженный! Это тело, Тобою данное, творение руки Твоей, повергаю пред Тобою как изнуренное, расслабленное, воссмердевшее. Вот оно распростерто — воззри! я изнемог. При-

ди ко мне ныне, простри мне руку, прекрати жизнь мою, пока не встретил меня какой-нибудь худший конец. Для чего еще нужны злострадания и очищения? Погиб, погиб я среди бедствий; но гибну ради Тебя. Ты — мой Бог; Ты рассеиваешь мрак злостраданий.

На безмолвие во время поста

Умолкни, любезный язык; и ты, перо мое, пиши слова безмолвия, рассказывай глазам вещания сердца!

Когда, принося таинственную жертву человеческим страданиям Бога, чтобы и самому мне умереть для жизни, связал я плоть на сорок дней, по законам Христа-Царя, так как исцеление дается телам очищенным, тогда, во-первых, привел в колебимость ум, живя один вдали от всех, обложившись облаком сетования, собравшись весь в себя

и неразвлекаемый мыслями, и потом, следуя правилам святых мужей, приложил дверь к устам. Причина этому та, чтобы, воздерживаясь от всякого слова, научиться соблюдать меру в словах.

Кто против многих подьемлет разящее копье, тот удобно усмиряет немногих. Кто издали бросает верно в цель крылатые стрелы, у того на близком расстоянии никогда не пролетит стрела мимо цели. И корабль мореходный, который переплывал обширные моря, смело можно посылать в плавание, не дальнее от пристани. Кто одержит верх в малом, о том еще сомнительно, преуспее ли и в великом, хотя и сильно желает. Но кто производит великое, о том нет сомнения, что, если захочет, легко превзойдет других и в малом. Поэтому-то и я совершенно связал у себя силу слова, ибо наде-

ялся, что после из уст моих уже не выльется лишнего слова.

Язык всего пагубнее для людей. Это конь, всегда убегающий вперед, это самое уготованное оружие. Иной все видит, но руки у него достают очень немного, именно то, что под ногами, ноги же его не обходили целой земли. И убийце нужно бороться с трудом; прелюбодей трепещет своей бешеной страсти; ворам всего страшнее день. И богатство обременительно; одним обладаю, а другое уже потерял; столько удерживаю у себя в руках, сколько можно удержать жидкости горстью. Корабль, дальний путь, разбойники, несытый человек, который простирает жадные взоры на чужое достояние, — вот сколько противников у всякого златолюбца! И худым не без труда, не без труда и добрым. Но ничто не удерж-

живало языка, скорого на слово, — ни человек, ни снег, ни поток, ни каменный утес. Стрелок уже близко; немилосердная стрела вложена уже в лук, и на раздвоенных ее концах в дугу изогнулась тетива; мысль спустила стрелу; она понеслась и все низлагает — небесных и земных, живых и еще не родившихся, остерегающихся и неосторожных, добрых и злых, неприятелей и друзей, дальних и близких. Для этой стрелы везде цель; и кто мечет ее, тому первое место между мудрецами.

Много срамного излагает язык похотливых. Достойный смеха, чтобы ему возбудить в людях неудержимый смех, позволяет в себя метать и сам мечет словами, бесчестит образ Божий, и много сокровенного извергает в уши других, и часто по всем направлениям рассыпает клубящуюся пену бурного гне-

ва; нередко же из злоумышляющего внутренно сердца выносит привет и одно имеет в душе, а другое на устах, именно — ложь, ласковые слова и убийства. Кто исчислит все те огорчения, какие причиняет язык? Если захочет, без всякого труда, в одну минуту, заставит враждовать дом с домом, город с городом, народ с властелином, царя с подданными, как искра, мгновенно воспламеняющая солому. Плывущих на одном корабле, сына, родителя, брата, друга, супругу, супруга — всех удобно вооружает он одного против другого. Злого делает добрым, а доброго, напротив того, погубит, и все это опять переиначит. Кто переможет слово? Язык мал; но ничто не имеет такого могущества. О если бы он тотчас омертвел у людей злых!

У всякого неразумного язык есть зло, но особенно может быть злом у

таинников небесной жертвы. Я орган Божий и в благозвучных песнопениях приношу славословие Царю, пред Которым все трепещет. Пою же не Трою, не счастливое плавание какого-нибудь корабля «Арго», не свиную голову, не могучего Иракла, не обширный круг земли, как он опоясан морями, не блеск камней, не пути небесных светил. Пою не неистовство страстей, не красоту юношей, в честь которых бряцала изнеженная лира древних. Нет, я воспеваю царствующего в горних великого Бога или же сияние пресветлой моей воедино сочетаемой Троицы. Воспеваю высокие громогласные песни ангельских ликов, какие они, предстоя Богу, возглашают попеременно. Воспеваю стройность мира, еще более совершенную, нежели какова настоящая, — стройность, которой я ожидаю, потому

что все поспешает к единому. Воспе-
вая нетленную славу Христовых стра-
даний, которыми Христос обожил меня,
срастворив человеческий образ с не-
бесным. Воспеваю смешение, усматри-
ваемое во мне; ибо я не какое-либо
легко изъяснимое произведение; я —
произведение, в котором смертный со-
пряжен с небесными. Воспеваю закон
Божий, данный человекам, и все дела
мира, также немерения и конец того и
другого, чтобы ты одно соблюдал в
сердце своем, а от другого бежал даль-
ше прочь и трепетал грядущего дня.
Для всего этого язык мой должен быть
как гусли.

Но остерегайтесь, иереи, чтобы он
не прозвучал чего-нибудь нестройно-
го. Буду хранить язык чистым и для
чистых жертв, посредством которых
великого Царя привожу в общение с

земнородными. И не чуждым языком, не оскверненным умом буду воссылать Чистому животворящую жертву. Один источник не дает сладкой и горькой струи. Порпуровой одежде всего неприличнее грязь. Необычайный огонь погубил древле сынов жреца, которые прикасались к жертве нечисто. О священном же кивоте великого Бога слышу, что он некогда и наклоненный к падению убил прикоснувшегося. Этого-то я сильно трепещу и боюсь, чтобы не потерпеть мне чего-нибудь, нечисто прикоснувшись к чистой Троице.

О если бы непотребный и непостоянный ум, который мечется туда и сюда во многих суетных порывах, мог я, хотя цепною уздою, привести ближе к цели и удержать в сердце совершенно свободным от обольщения! Лучше же сказать, если он ближе будет к велико-

славному Христу, то озарится лучами великого Света. Да и теперь, будучи заключен внутрь, менее делает зла, хотя бы и стал несколько блуждать вдали от Бога. Когда пламень или поток загражден твердыми камнями, хотя клочет внутри, но не губит частого кустарника или нивы и, скрываясь в камнях, живет полумертвый. Но слово, как скоро сорвется с многозвучного языка, неудержимо буйствует и не возвращается назад. Впрочем, если кривую ветвь, понемного разгибая руками, согнешь в противную сторону, то она, освободившись от насилия руки, делается прямою и не принимает на себя прежней кривизны. Так и я, заметив, что стремительность беглого слова не знает ни веса, ни меры (тогда только была для меня и жизнь, когда было слово), изобрел наилучшее врачевство: совершенно

удержал слово в высокоумном сердце, чтобы язык мой научился наблюдать, что́ ему можно говорить и чего нельзя. Усвоив себе совершенное молчание, он усвоит доброречие. Я лишил его всего, и он не будет презирать меры. Да обратится это во всегдашний закон для неумеренных!

И то великое приобретение, если сдерживаешь слово, готовое разразиться, когда совне ударяют в твое сердце. Укрощая слово, ты укрощаешь и волнение гнева; и хотя не без труда, однако укротишь его. Если не даешь свободы языку, когда он кичится и приходит в дикую ярость, но держишь его в узде, то отвратишь обиду. С покорением вождя покорится царь страстей, и ты отдохнешь от мучительного тревожнения.

Для всего этого нужно руководство великого Царя Христа, но потом нуж-

но и кормило нашего ума. Если не Христос у тебя правителем, то ни к чему не полезны и молчание твое, и даже еще большее терпение. Если узкий исток озера, зажав руками, откроем опять, оно тотчас потечет. Напротив того, пресветлое слово повелевает тебе, добрый мой, начав с этого, удерживать ток всех зол.

Таковы, любезнейший, поучения моего безмолвия; так говорит тебе моя рука, выражающая мысли. Это — мое плавание; а ты поспедай к другому плаванью. Всякий носится своим направлением ветра.

Но если кому или из врагов моих, или из доброжелателей угодно слышать другую причину моего молчания, — вот она.

Было время, когда имел я очень много твердости в нравах. Христос-Царь вел меня на противника, а в сер-

дце у меня была вера тверже адаман-
та; отовсюду ограждался я крепкими
стенами, неоскверненный ум свой на-
зидал Божиим словом, извлекая дух из
священной буквы; а с тем вместе из-
вергал из себя соленую горечь книг,
читанных мною и прежде; эту красоту,
блестящую накладными прикрасами,
кипучую же плоть свою, пока цвела она
юностию, изнурял многими и частыми
трудами. Отнял у чрева наглость пре-
сыщения и неразрывное с ним неис-
товство, утвердил око в веждах цело-
мудрием, пересилил гнев, связал члены,
заградил смех. Все тогда покорилося
Слову, все во мне умерло. Голая земля
была у меня ложем; боль в боках, жест-
кие одежды служили пособием к бде-
нию и извлекали у меня слезы; днем
сгибал я свой хребет и во всенощных
песнопениях стоял в прямом положе-

нии, не зная свойственной людям привязанности к удобствам жизни. Так было тогда, потому что кипела еще во мне плоть, которая обыкновенно усиливается остановить великий свет в небесном его восхождении. Сверг я с себя и тяжелое бремя земных стяжаний, чтобы, стряхнув всякую тяжесть, облегченному возноситься к Богу.

А теперь, когда постигла меня жестокая болезнь и изнурила старость, впал я в новое злострадание. У меня неукротимый и доброречивый язык; он-то всегда предавал меня множеству напастей руками завистника. Я не делал нашествий ни на чьи престолы, никого не изгонял из отечественной страны, не строил козней, не поражал злоречием, ничего не делал противного закону наших жертв (это известно Слову), не оскорблял ни епископа, ни кого-либо

другого; потому что негодую на всякого народного вождя, о котором идет подобная молва (а таких вождей, к сокрушению моего сердца, полны ныне море и широкие пределы земли). Но мне повредило недоброе слово. Я не думал этого прежде, однако ж оно повредило, ибо возбудило ко мне зависть во всех друзьях.

А для того чтобы попользоваться чем-нибудь от меня и тебе, зависть, умолкни, любезный язык, умолкни ненадолго. Я не свяжу тебя навсегда; этого не получит от меня ненавистник слова.

Сказывают об одном Самосском царе¹, который во всем имел успех, что он, в угождение зависти, сам себе причинил огорчение и любимое отцовское кольцо бросил в море. Но рыба, проглотившая его, попала в сеть; рыбо-

¹ Поликрат.

лов принес рыбу к царю, царь отдал служителю с кольцом, которое было в ее внутренности; и рыбу приняло в себя чрево, а кольцо получила рука. Удивительное дело! Царь хотел огорчения, но не нашел его.

Так и со мною. Зависть всегда смотрит на мое слово дикими глазами; потому избрал я для себя глубину молчания и доселе подражаю Самосцу. Но не знаю ясно, что́ будет завтра, худой или добрый встретит меня конец.

Ты, Врачевство человеков, останови зависть и, освободив меня от жестоких языков, введи во светлость Свою, где бы я, величая Тебя с присноживущими светами, мог возглашать устами стройную песнь.

Прими же эти безгласные вещания руки моей, чтобы был вещий памятник моего безмолвия.

Песнь Христу после безмолвия в Пасху

Царь мой Христос! Поскольку опять отдаю воздуху долго удерживаемое слово, то Тебя первого наизволю устами. Пред Тобой изливаю из ума своего это слово — это (если позволено сказать так) непорочное приношение чистейшей жертвы.

Отчий свет, Слово великого Ума; превосходнейший всякого слова, вышний Свет всевышнего Света, Единородный Образ бессмертного Отца и Печать Безначального, Озаряющий вместе с великим Духом Конец необъятного века, великославный, Податель блаженства, превознесенный, небесный, всемогущее Дыхание Ума, Правитель мира, Жизнеподатель, Зиждитель всего, что есть и будет, — Тебе все принадлежит, Ты связал мановением основания земли и все, что Тебе было угодно,

несешь неуклонной стезею. По Твоему манию, Царь, высокошественное солнце, востекши на огнистый круг, затмевает собою звезды, как Ты затмеваешь умы. По Твоему манию то живет, то исчезает попеременно и опять является в полном свете око ночи — луна. По Твоему манию зодиакальный круг и этот размеренно кружащийся хоровод определяют меру годовых времен, не приметно между собою растворяемых. И неподвижные, и подвижные, возвращающиеся на прежний свой путь звезды суть глагол Твоей Божественной мудрости. Твой свет — все те небесные умы, которые воспевают славу пренебесной Троицы. Твоя слава — человек, которого поставил Ты здесь ангелом, песнословцем сияния Твоего, о бессмертный Свет и вновь родившийся для смертного, бесплотная Высота,

напоследок же, чтобы избавить от гибели смертных, Плотоносец! Для Тебя живу, для Тебя говорю; я одушевленная пред Тобою жертва — единственное приношение, оставшееся у меня от всех моих стяжаний. Для Тебя связывал я свой язык; для Тебя разрешаю слово. Но, молюсь, соделай, чтобы то и другое было свято, чтобы я говорил, что прилично, а непозволительного и не помыслил; отринув грязь, источил маргарит, из песка извлек золото, из колючих тернов — розу, оставив солому, собрал с колосьев пшеницу.

Эти начатки ума моего принося Тебе, Христос, язык мой сложил первую песнь. В этот день великий Христос воззван от мертвецов, к которым приложился. В этот день отразил Он жало смерти, сокрушил мрачные затворы

унылого ада, даровал свободу душам. В этот день, воспрянув из гроба, явился Он людям, для которых родился, умер и вобужден из мертвых, чтобы мы, возрожденные и избежавшие смерти, восхищены были с Тобою, восходящим. В этот день светозарный и великий ангельский лик исполнился радости, воспевая победную песнь. В этот день и я, разрешив уста от молчания, вознес громкий глас, и вот стал я гуслими, чтобы славословить Тебя. Уму разверз я внутренность ума и Слову — слово; а потом, если угодно, разверзну и великому Духу.

Мысли, писанные двустиями

Все с себя сбрось и тогда отсекай житейское море; но не пускайся в плавание как грузный корабль, который готов тотчас потонуть.

Помни непрестанно страшную смерть, как будто она у тебя пред глазами; и встретишь ее менее грозною.

Непрестанно созидай ум свой в храм Богу, чтобы внутри своего сердца иметь невещественную опору — Царя.

Познай себя самого, из чего и каким сотворен ты, доблестный мой, — и чрез это удобно достигнешь красоты Первообраза.

Тебя один день ведет к другому; и тот постоянно влается, кто сам в себе легок; но в сердце человека благоустроенного есть некончаемый день.

Кто полагается на преходящее и приходящее, тот вверяется потоку, который не стоит на одном месте.

Для меня равно худы и негодная жизнь, и негодное слово. Если имеешь одно, будешь иметь и другое.

Нечистому приступать к жертвоприношению — значит оскорблять Бога. Но еще более оскорбляет Его тот, кто чтит всякие останки мертвых.

На пути к совершенству никогда не останавливайся. Худо сходить непрестанно в глубину. И ты, который только выходишь из бездны греха, еще стоишь.

Тот — зрячий слепец, кто не видит, сколь пагубен его грех. Уметь открывать следы зверя — признак острого зрения.

Если, имея и нужду во враче своих немощей, скрываешь болезнь, то не спасешься от неисцельной гнилости.

Твое слово — мое дело. Кто сделал недоброе дело, тому сомнительный помощник — красноречие.

Пресыщение делает наглым, а я тебе, доблестный мой, желаю позаботиться

о том, что вечно питаемую душу удерживает в должных пределах.

Желаю также, чтобы ты богател одним Богом, а целый мир почитал всегда наравне с паутиными тканями.

Блага настоящей жизни весьма чужды для человека; человеческая добродетель — вот что одно составляет жизнь.

Приступите, всем вопиет слово неживого Советодавца — Бога, приступите немедленно к познанию Пренебесной Троицы!

Вы, на кого в этой жизни наложил свои узы честный брак, приложите ума, как бы вам больше плодов внести в небесные точила!

А вы, невесты-девы, приявшие в объятия свои Слово великого Бога, старайтесь в дар Богу принести все!

Одинокaя жизнь — всеозаряющий свет; но надобно устранить сердце от мира и держать себя вдали от плотского.

Оскорбительно для веры — не в сердце ее иметь, но поставлять в каком-нибудь цвете. Краску нетрудно смыть; а я люблю то, что проникло в глубину.

Не надобно иметь ни справедливости неумолимой, ни благоразумия, избирающего кривые пути. Лучше всего — во всем мера.

Умеряй свою смелость, иначе будет она дерзостью, а не мужеством. К признакам целомудрия принадлежит и некоторая веселость.

Прекрасно иметь ум, отверстый всегда для Божия слова; чрез это приобретается ведение небесных законов.

Спеши стать совершенным; не угождай тем, кому всего лучше не угождать; тешить грех — самая бесславная слава.

Добродетельному стыдно быть защитником порочных; это почти то же, что собственной ногою стать на стезю порока.

Золото испытывается в горниле, а добродетельный — в скорбях. Часто скорбь бывает легче состояния невредимости.

Легко отречется и великого Бога, кто отрекся отца. И наставника в благочестии уважай, как отца.

Моль все поедает; и на гроб не оставляй своего достояния; лучшая погребальная почесть — доброе имя.

Щади своих ближних, особенно же мертвых, которые все оставили и не могут ничего тебе сделать.

Оставив весь мир и всякое здешнее бремя, направляй парус в небесную жизнь.

Непрестанно простирайся на дела более и более совершенные, умудряемый Богом; паче же всего предметом твоих попечений да будет Троица.

Двустигия

За хорошим началом следует и прекрасный конец; справедливость этого показывают самые последствия дел.

Вот начало, которое приносит людям хороший конец, — свято трудись над очищением жизни!

Окрыляемый учением, не летай без действительных крыльев, потому что без крыльев и птица не летает.

Человеку в жизни наибольшая слава — ведение, но и оно вредит употребляющему его во зло.

Смотри, чтобы не уловила тебя в обман суетная слава, — это западня для людей, недалеких умом.

Делая хорошее, старайся и стоять в этом, потому что к худому переход скор.

Обуздывай смех и гневу полагай предел, всеми же мерами гони от себя праздное слово.

Прежде всего бойся Бога, чти родителей, об иереях говори с похвалою и имей в уважении старцев.

Сыну никогда не входить в спор с отцом — повелевает закон, а прежде закона — природа.

Чего вовсе не хочешь терпеть от другого, того и сам не желай делать другому.

Для сделавшего тяжкий проступок гнев нетяжек, потому что суд воздаст только равным за равное.

Из мудрых уст каплют самые сладкие слова, а горькая гортань изрыгает брани.

Потоки сладости источаются с языка доброглаголивого, а в нескромных устах рождаются гнилые речи.

Друзья любят и любимое друзьями, а враги презирают и срамят друзей.

Для бедных друзей затворены двери богатых; богатым же всегда приятельны блистательные чертоги.

Вода — прекрасный напиток; она не нарушит ясности мыслей, а выпитая чаша вина мутит ум.

Вино, по природе своей, незнакомо с целомудрием; тем и производит оно удовольствие, что раздражает.

Ум легок и не терпит обремененного чрева, потому что у противоположного с противоположным всегда борьба.

Лучше слегка принять пищи, нежели быть за богатым ужином, но только во сне.

Глупец во сне делается богаче того, кто имеет у себя бездну денег.

Лучше быть бездетным, нежели иметь глупых детей; там один бездетен, а здесь многие худы.

Для всякого умершего человека целая земля есть гроб, потому что все, что из земли, — на земле и в землю обращается.

Пастух, когда захочет, доит и козлов, но вместо молока выжимает у них потоки крови.

Свинья, когда видит, что готовят ей корм, умеет сдержаться и не хватается прежде времени.

И бесчинных людей принуждай не нарушать приличного и установленного законами порядка.

Соблюдая закон, изгонишь вон страх, потому что всякий исполнитель законов — вне страха.

Сведущий кормчий избежит девятого вала; а ум, обогащенный мудрыми мыслями, спасется от всякой беды.

Не замышляй ничего противного добродетельной жизни, потому что заблуждение порока очевидно.

Большая наковальня не боится стука; и мудрый ум отражает от себя все вредное.

Зайца приводит в страх шум листьев, а человека робкого пугает и одна тень.

Ненавижу бедняка, делающего подарки богатому, как человеку, который сладко говорит, но забывает накормить.

Злонамеренный оратор извращает законы, а благонравный оратор — самая стройная гармония.

Богатые смеются укоризнам сирот; они смеются даже и Божию наказанию.

На собственную пагубу хвалится законами, кто незаконно требует соблюдения законов.

Обычное дело бедняку — не думать о себе высоко, потому что у одних богатых не бывает забот о средствах жизни.

Учи глупых, соображаясь, сколько можно, с их природой; тогда, может быть, сверх чаяния, сделаешь их благоразумными.

От удара железа воспаляются и камни; плотно свитый бич образует сердце.

Весьма худо и давать клятву, и требовать ее; в обоих случаях оскорбляешь правду.

Собирай сокровище для нескончаемого века, а настоящий век оскудевает даже прежде своего конца.

Не будь привязан к счастью, которое разрушается временем; а что время строит, время же и разрушает.

Неприлично женщинам выказывать в себе мужеский нрав; всякое другое правило, кроме стыдливости, чуждо благонравной женщине.

Удовольствие для наслаждающегося им кратковременно: едва наступит, как и улетает подобно камню.

Для больного никакое богатство не предпочтительнее здоровья; и природа поступает премудро в том, что всегда желает здоровья.

Слова неразумного человека — шумный плеск моря, которое бьет в берега, но не напояет береговых растений.

Подарок заставляет и мудрецов видя не видеть; золото — такая же ловушка для людей, как сеть для птиц.

Скорби преждевременно рождают седины; чего лишил нас образ жизни, того не восстановит время.

Богатство — самый проворный при-
спешник в худом, потому что при могу-
ществе всего сподручнее сделать зло.

Никакое приобретение не лучше
друга, но никогда не приобретай себе в
друзья худого человека.

Уважай порядок и предпочитай мо-
гуществу, потому что сам он есть могу-
щество и всегдашний охранитель мо-
гущества.

Ум озабоченный — это моль, кото-
рая точит кости; тело цветет, когда из-
бегает забот. Никакое пресыщение не
бывает целомудренно; потому что огню
свойственно сжигать вещество.

Вино — это поджога остывшей
страсти; а всякое подложенное в огонь
вещество усиливает пламень.

Кто боится тяжeb, тот избежит и
гнева, потому что тяжбы часто воспа-
меняют сердце гневом.

Ужасно прибавлять трудов изнемогающему в трудах; однако же труд нередко прекращал труды.

Иной боится тех трудов, какие несут другие; а посмотри, и сам он завален трудами своего рода.

Забиться всегда о вечной славе, потому что настоящая слава ежедневно обманывает.

Гнев — небезопасный для всякого советник; что предпринято в гневе, то никогда не бывает благоразумно.

Змея зла, аспид хитр; в этих животных видна порознь злоба, соединенная в одной женщине.

Смотря на голые кости, убедишься, что все здешнее не принадлежит нам существенно.

Если молодой рак ходит не прямо, то берет для этого пример с матерней походки.

Делая принуждение природе, и от худых учителей, без сомнения, произведешь хороших учеников.

Украшай себя добрыми отличиями жизни и не презирай бедного сироту.

Когда даст Бог, ничего не сделает зависть; а когда не даст, не поможет никакой труд.

Рождаешь, ехидна? Не избегай мук рождения; когда ты зачала, то испытаешь, что испытала твоя мать, рождая тебя¹.

За явную робость никого не признают храбрым; одни победы приобретают похвалу.

Сонливый человек — изобретатель грез; потому что сон знаком только с призраками, а не с действительными вещами.

¹ По сказанию древних естествоиспытателей, ехидна, рождаясь, прогрызает утробу своей матери. Смысл этой притчи есть следующий: кто делал зло другим, тот жди и себе зла от других; кто досаждал родителям, тот жди и себе досады от детей.

Принуждение убеждает и против воли; оно нередко связывает руки и исполнам.

Когда народная толпа в заблуждении, всякий начинает кричать, и все обращается в беспорядок.

Бездельного дела никогда не называй делом, ибо все бездельное достойно презрения.

И у собак, которые сбежались на пададь, уважается порядок.

Когда говорит золото, тогда все другие слова недействительны. Оно умеет убеждать, хотя и не имеет языка.

Могут и ныне наслаждаться миром преданные скоропреходящим благам этой жизни.

Песнь Богу

1

О Ты, Который превыше всего! Ибо что иное позволено мне изречь о Тебе?

как воспеснословить Тебя, Слово? Ибо Ты неизрекаем никаким словом. Как воззрит на Тебя ум? Ибо Ты непостижим никаким умом. Ты един неизглаголан, потому что произвел все изрекаемое словом! Ты един неведом, потому что произвел все объемлемое мыслию. Тебе воздает честь всё — и одаренное, и не одаренное разумом! К Тебе устремлены всех желания; о Тебе болезнуют все сердца; Тебе все воссылает моления; Тебе все, уразумевающее Твои манования, изрекает безмолвное песнопение. Тобою единым все пребывает. К Тебе все в совокупности стремится. Ты конец всего, Ты един и всё; Ты ни един, ни единое, ни всё. О Всеименуемый! Как наименую Тебя, единого наименуемого? Да и какой небесный ум проникнет сквозь заоблачные покровы? Будь милосер-

ден, о Ты, Который превыше всего!
Ибо что иное позволено мне изречь о
Тебе?

2

Дай воспеснословить, дай прославить
Тебя, нетленного Единодержца, Царя,
Владыку! Тобою песнь и хвала, и ан-
гельские лики, и нескончаемые веки;
Тобою сияет солнце, Тобою путь луны
и вся красота звезд; Тобою человек,
отличенный честью, как животное ра-
зумное, получил в удел мысль о Боже-
стве. Ты создал все, каждой вещи ука-
зываешь ее чин и все объемлешь Сво-
им Промыслом. Ты изрек слово, и
совершилось дело. Ибо слово Твое
есть Бог-Сын, единосущный и равно-
честный Родившему. Он привел все
в устройство, чтобы над всем цар-
ствовать. А всеобъемлющий — Свя-

тый Дух Бог хранит все Своим промыслением.

Воспеваю Тебя, Живая Троица, единая и единственно единоначальная, Естество неизменяемое, безначальное, Естество неизглаголанной сущности, Ум, непостижимый в мудрости, небесная Держава, непогрешимая, неподначальная, беспредельная, Сияние неудобозримое, но все обзирающее, от земли и до бездны ни в чем не знающее для Себя глубины!

Будь милостив ко мне, Отец! Даруй мне, чтобы всегда служил я сей святыне; а грехи мои отринь, очистив совесть от всякого худого помышления, чтобы я прославил Бога, воздевая преподобные руки; благословил Христа и коленопреклонно испросил у Него принять меня, раба Своего, когда придет Он во Царствие!

Будь милостив ко мне, Отец! Да обрету у Тебя милость и благодать; потому что Тебе слава и благодарение в безмерные веки!

Молитва ко Христу

1

О если бы и мне не забыть Тебя, и Ты не забыл меня, Царь, предмет искания мудрых и Тройственный Свет! О если бы не похитил меня неприязненный и не скрыл в таинницах ада, за ненавистными затворами тьмы! Он страшен и злокознен для друзей Твоих. Но знаю, что избегну его, если Ты обо мне памятуешь и непрестанно ограждаешь меня словом Своим и мыслю о Тебе.

2

Наставник! Меня, ученика Твоего, объемлет страшная волна; пробудись,

пока я не умер! Повели только, и буря умрет. Осмеливаюсь нечто сказать Тебе, Христос мой, не попусти, чтоб подавила и угасила меня тяжесть скорбей! Ибо многие у Тебя ниже меня и Ты помиловал их; не суди же и меня по заслуженному мною; но сними с меня бóльшую часть бремени! Кто понесет тяготу даже и одного только дня? Кому прибегну, обремененный злостраданиями?

3

Если бы расстроился у меня телесный состав, то поискал бы я врача. А если бы я был какой-нибудь бедняк, то пошел бы к богатому. Во время бури укрылся бы в пристанище. А если бы меня обидели, то прибегнул бы к законам и судилищам. Падающего со стремнины спасал иногда куст. Но если

запинает меня растлитель во мне Божия образа, то в ком найду я опору, кроме Тебя, Повелитель?

4

Новое, новое что-то, о Божие Слово! Новое что-то происходит со мною! Глубина сердца моего опустела; не стало в ней ни мудрого слова, ни мудрой мысли. Правда, что лукавый дух стремительно бежит от меня; однако же его место не занято во мне ничем лучшим. Наполни меня Ты Своими благами, чтобы опять не пришла ко мне зависть и не обратила меня в свою рабочую храмину, что будет хуже прежнего!

5

Опять пришел змий; за Тебя емлюсь, Христе! Да предстанет Давид и да бряцает в гусли! Отойди, отойди от меня, дух, который давишь зло!

Опять пришел ко мне змий. За тебя емлюсь, Боже; поддержи, поддержи меня, не предавай на поругание Твоего образа, да не похитит меня враг, как птицу из гнезда!

Увы! И суда боюсь, и желаю разрешения. Здесь я гоним, не имею минуты отдыха в жизни. А туда Ты меня зовешь, но не имею дерзновения. Твой я, Христе! Спаси меня, как Сам благоизволишь!

Молитва утренняя

Утро! Даю десницу мою Богу — не делать и не одобрять дел темных, но Тебе преимущественно принести в жертву этот день, пребывая непоколебимым и самовластителем страстей.

Если же проведу его худо, стыдно мне будет старости и этой Трапезы, которой предстою. Таково мое желание, Христе; успехом же увенчай его Ты!

Молитва вечерняя

Солгал я пред Тобою — Истиною, Слово, когда посвящал Тебе настоящий день. Не совершенно светлым застигла меня ночь, не каким обещался и надеялся быть. Но в ином преткнулись мои ноги; потому что наступил мрак, ненавистник спасения. Ты, Христе, воссияй свет Твой и снова явись мне!

Молитва на другое утро

Погиб для меня вчерашний день, Христе! Нашел и мгновенно овладел мною гнев. О если бы нынешний день стал для меня днем света!

Молитва в болезни

1

Стражду от болезни и изнемогаю телом. Иные высокомерные, может быть, смеются над моим страданием. Расслабили мои члены, и ноги ходят не твердо. Не знаю, следствие ли это воздержания, или следствие грехов, или какая-нибудь борьба? Впрочем, благодарение моему Правителю! Это, может быть, для меня же лучше. Но запрети болезни, запрети словом Твоим; Твое слово — для меня спасение! А если не запретишь, дай мне терпение все переносить. Пусть тля и достанется тле; соблюди образ: тогда будешь иметь и во мне совершенного раба.

2

Укрепи меня, Христе! Отчего расслаб я, Твой служитель? Бездействен

язык, Тебе песнословящий; и Ты допускаешь это? Восстанови меня и не отринь Твоего священника!

3

Снова желаю восстать, быть проповедником спасения и очищать народ. Умоляю Тебя, Крепость моя, не оставь меня! А если изменил я Тебе во время бури, то да обуреваюсь еще!

Молитва шествующего в путь

Царь мой, Христос! Ты, в Котором все блага для Твоих человеков; Ты, Который во всем для них путь прямой; Ты огнем и облаком вел войско; Ты возлюбленным Твоим открыл путь в рассеченном море, а Фараона в нем потопил; Ты посылал им с неба необычайный хлеб, из твердого камня источил реку; Ты (о великое чудо!)

остановил в пустыне стремительность людей неприязненных, когда Моисей распростирал руки, прознаменуя крест — мою помощь; Ты остановил течение луны и солнца, создавал, что река отступила пред поспевающими и открылся удобный путь в землю, которую сам Ты обещал и указал; Ты показал напоследок людям стезю в самое небо и к древнему пути присоединил новый, когда пришел на нашу землю. Ты — вместе Бог и человек и опять вознесся отсюда на небо, чтобы прийти к ожидающим светонеснее прежнего. Ты сам ходил по морям, Твоими стопами попирали волны, обуреваемые сильными ветрами. Приди же ныне, Блаженный, сопутствовать и мне, зовущему! Дай мне доброе шествие и благого Ангела, путеводителя, защитника, помощника, чтобы он и ночью и днем,

как можно дальше отводя меня от всякого зла и после трудов доставив мне желанный конец пути, как из дома извел невредимым, так и возвратил меня опять домой — к родным и к друзьям, возлюбившим подобный путь жизни, и я, свободный и ничем не возмущаемый, мог день и ночь возносить к Тебе молитвы, ведя жизнь, не оскверняемую грехами, и скрыленный ум непрестанно восторгая к Тебе, Свет моей жизни, пока не совершу последнего и общего всем пути и пока не достигну единого с благочестивыми конца трудов! Для Тебя живу я, Царь мой Христос, для Тебя и говорю, для Тебя сижу на одном месте, для Тебя заносу стопу моей ноги; потому что Ты покрываешь меня Твоею рукою. Но и теперь приведи меня к доброму пределу моего путешествия!

Без Тебя, Христе-Царю, невозможно поднять и стопу ноги; в Тебе все блага для Твоих человеков; Ты во всем для них путь прямой; на Тебя уповая, иду и по этой стезе. Препроводи же меня невредимым и даруй мне, чего надеется сердце! Приведи и обратно меня, Царь, в скудный мой дом, где бы я мог на свободе умиловать Тебя и день и ночь!

Ты, Который огнем и облаком вел воинство; Ты, Который открыл путь в море гонимым и волны сделал для них твердыми, хлеб же необычайный с неба дождил нечающим, из утесистого камня поток! Приди и ныне сопутствовать зовущему Тебя служителю, Христе, Свет человеков, Податель всякого успеха!

В Тебе, Божие Слово, упокоеваемся мы, находясь дома; Тебе посвящаем свой досуг; Ты — мое сидение; Ты — мое пробуждение и мое стояние; Ты также — мое шествие. И теперь по Твоему мановению шествую прямою стезею. Но пошли мне какого-нибудь Ангела, путеводителя, благоуспешного представителя, который бы вел меня столпом огненным и облачным, рассек море, остановил реки — словом, обильно препитал небесным и дольным хлебом, руками же изображая крест, обуздал дерзость врагов, не пожигал меня зноем в полудни, не причинял мне страха в ночи! А неровную и крутую стезю содей для меня, служителя Твоего, гладкою и удобопроходимую, как и прежде неоднократно, покрывая Твоею рукою, на суше и на море спа-

сал Ты меня от опасностей, от жестоких болезней и от всего неприязненного, чтобы, совершив все благоуспешно и согласно с надеждами, потом получив счастливый конец пути, опять возвратился я к друзьям и сродникам и с радостью встречен был дома радующимися, а по успокоении от труда поклонился Тебе, моля о том, чтобы и окончательный путь мой был спокоен и легок!

Плач и моление ко Христу

1

Увы мне! Спешу к небу, к Божией обители; но меня держит эта плоть: нет мне выхода из многоскитальческой жизни, из ненавистного греха, который привязал меня к дольному, отовсюду оглушая внезапными заботами, подающими красоту и дарования души. Но Ты, Царь, разреши, разреши меня от

земных уз и вчини в небесное ликостояние!

2

Мать моя, для чего ты родила меня, когда родила на труды? Для чего извела в эту жизнь, усеянную терниями? Если сама ты жила беспечно, как бесплотная, то это — великое чудо. А если и ты страдала, то не из любви ко мне родила меня. Всякий идет своею стезею жизни: иной — земледелец, а другой — мореплаватель; иной — какой-нибудь зверолов, а другой вооружил руку копьем; иной — искусный певец, другой — победитель на поприще. Но мой жребий — Бог; мой удел — терпеть множество скорбей, изнемогать здесь от мучительной болезни. Терзай, терзай меня, злодей, до времени! Скоро с радостию оставлю тебя, а с тобою все тяжкие бедствия.

Матерь моя, для чего ты родила меня, когда не могу ни мыслию постигнуть, ни изречь Бога, сколько желаю? Осияло, правда, очи ума моего малое какое-то озарение пренебесной, равносветлой Троицы; но бóльшая часть (к скорби моей) ускользнула от меня, пролетев быстро, как молния, прежде нежели насытился я светом. А если бы здесь мог я постигнуть Тебя, возлюбленная Троица, то не стал бы жаловаться на родившую меня утробу матери: это значило бы, что я родился в добрый час. Но спаси, спаси меня, Божие Слово, и, извлеки из горькой тины, веди в иную жизнь, где чистый ум, не покрываемый более примрачным облаком, ликует пред Тобою, о Пресветлый!

3

О я, несчастный! Что будет со мною? Могу ли как избежать пороков, укрыв

жизнь в глубинах или в облаках? Говорят, что есть страна, где нет ни зверей, ни болезней; о, если бы нашлось где место, свободное от греха, чтобы мне туда убежать! На сушу укрылся иной от тревожного моря, другой спасся под щитом от копья и под крышею дома — от хладного снега. А грех всесторонен — обширное и неизбежное царство. Илия на огненной колеснице возшел на небо. Моисей избежал некогда определения детоубийцы-мучителя. Невинный Иона спасся от безвестной смерти в китовом чреве. Даниил избавлен от зверей, а отроки — от пламени. Но мне как избыть от греха? Ты спаси меня, Царь мой Христос!

4

Увы мне, Христос мой! Опять пришел ко мне змий. Увы мне! Пришел

ко мне, весьма уstraшенному. Увы мне! Я вкусил с этого древа познания. Увы мне! Зависть уверила меня, что мне завидуют. Богом не стал я и изринут из места наслаждения. Угаси несколько, о меч, палящий твой пламень, и опять прими меня под сень райских дерев, как разбойника, который взoшел туда со Христом с крестного древа!

5

Увы! Тесно мне в этом мире; знаю, что бóльшая часть жизни протекла и от меня пахнет уже мертвецом; а пороки мои не хотят истребляться вместе с летами жизни. Или продли время мое, Дыхание человеков, или избавь меня от зол! Это — дело Твоей благости. А если не угодно это Тебе, то уже я мертв. Чего же еще больше? Разве ждет меня милосердный огонь?

Увы! Тесно мне и в жизни, и при конце жизни. Здесь грех, а там наказание. Стою в середине, боясь огненной реки. Надеюсь больше на Тебя, Христос, нежели на здешние подвиги. Если бы у меня была возможность хотя несколько очиститься, это было бы всего лучше. Но если непрестанно умножается во мне зло, то пора разрешиться, пока не постигла меня худшая участь.

Такое это принуждение! Вступил я в жизнь? — прекрасно! Но для чего же обуреваюсь треволнениями жизни? Скажу слово — оно смело, однако же скажу его. Если бы не Твой был я, Христе, мне стало бы это обидой. Мы родимся на свет, утомляемся, насыщаемся, спим, бодрствуем, ходим и бываем

больны и здоровы; есть у нас и удовольствия, и труды. Но временами года и солнцем наслаждается и все, что есть на земле. А умирают и согнивают телом и скоты, которые, правда, презренны, но не подлежат и ответственности. В чем же мое преимущество? Ни в чем, кроме Бога; и если бы не Твой был я, Христе, мне стало бы это обидой.

8

Обманулся я, Христе мой, и, чрез меру понадеявшись на Тебя, занесся высоко — и очень глубоко ниспал. Но опять подними меня вверх, ибо сознаю, что сам себя ввел я в обман. А если опять превознесусь, то пусть опять паду, и падение мое да будет сокрушительно! Если Ты меня примешь, я спасен; а если нет, то я погиб. Но ужели для меня одного исчерпана Твоя благодать?

Плач Григория о себе самом

1

Увы, увy! Какие страдания! В чем согрешил я? Или один касаюсь чистых жертв Твоих непреподобно? Меня ли Ты, Очиститель, пережигаеть страданиями, или сокращаешь кичливость других, или для того обнажаешь меня, чтобы вывести, Царь мой — Слово? Но я едва перевожу на земле последнее дыхание; выплакал все слезы; одно у меня занятие — плакать. Долго ли же оставаться мне в руках нечестивых? Но ты, Блаженный, восставь меня; пусть я худ, однако же священник; восставь, чтобы не соблазнился кто-нибудь моими бедствиями! Утрачилась моя похвала; да исчезнут и телесные скорби! Утрачена для меня Анастасия; да прекратится и грех! Увы! Увы! Слезы мои не пересыхают, серд-

це цепенеет в груди. Удержи, Царь, сугубую болезнь! Удержи болезнь, — я погибаю. Ужели милосердие заключено для одного служителя Твоего, Григория? Многими бедствиями и телесными скорбями сокрушен я. А у Тебя, Христе, есть благодать — у Тебя, Который пережигашь меня страданиями. Или останови бедствия и умилосердись над рабом Твоим, или дай силу переность все с твердым духом!

2

Христос, свет человеков, столп огненный душе Григориевой, блуждающей по пустыне горестной жизни, удержи зломышленного Фараона и бесстыдных приставников; избавь меня от невяжущегося брения и от тяжкого Египта, смирив позорными казнями моих неприятелей, и даруй мне гладкий путь!

Если же преследующий враг настигнет меня, рассеки для меня Чермное (Красное) море, чтобы перейти мне по отвердевшим водам, поспешая в чуждую землю, в мое достояние, как обещал Ты; останови широкие реки, отклони стремительное и стнящее копье иноплеменников! Если же взойду в святую землю, буду славословить Тебя немолчными песнопениями.

Царь мой Христос, для чего Ты опутал меня этими сетями плоти? Для чего вверг в жизнь — в этот холодный и тенистый ров, если, как слышу, действительно я — бог и Твое достояние? Утратилась во мне крепость членов, не слушаются колена; меня ослабило время, сокрушила болезнь, изнурили заботы и друзья, расположенные ко мне недружелюбно. А грехи не хотят покориться; но еще сильнее

наступают на меня, и, изнемогшего, как робкого зайца или серну, окружают эти псы, желая насытить свой голод. Или останови бедствия и умиლოსердись; или прими меня к Себе после долговременных подвигов и положи меру скорбям; или благое облако забвения да покроет мои мысли!

3

Увы мне! Изнемог я, Христе мой, Дыхание человеков! Какая у меня брань с супружницей-плотью! Сколько от нее бурь! Как долга жизнь, как долговременно пресельничество! Сколько борений и внутри и совне, в которых может повредиться красота Божия образа!

Какой дуб выдерживает такое насилие ветров? Какой корабль сражается со столькими волнами? Меня сокрушают труд или стечение дел. Не по своей охоте при-

нял я на себя попечение о родительском доме. Но когда вступил в него, вышел расхищенным. Меня привели в изнеможение друзья, изнурила болезнь. Других встречают с цветами, а меня встретили камнями. У меня отняли народ, над которым поставил меня Дух. Одних чад я оставил, с другими разлучен, а иные не воздали мне чести. Подлинно, жалкий я отец! Те, которые со мною приносили жертвы, стали ко мне неприязненнее самих врагов: они не уважили таинственной Трапезы, не уважили (не говорю о чем другом) понесенных мною дотоле трудов (а их обыкли нередко уважать и порочные); они нимало не думают заглушить молву о нанесенных мне оскорблениях, но домогаются одного — моего бесславия.

Весьма много потерпел я бедствий, и, что составляет верх бедствий, потерпел, от кого всего менее думал терпеть. Однако же я не потерпел ничего такого, что потерпят сделавшие мне зло. Мои страдания проходят, а их злые дела, сколько знаю, Правосудие записало в железные книги.

Друзья, сограждане, недруги, враги, начальники! Много испытал я от вас тяжких ударов. Знаю, вы скажете: нет. Но это записано в книгах; не утайтесь от меня.

Моими страданиями и скорбями да не утешается порочный и да не смущает слабого ума добрый! Кто без бо-

лезней соделал хорошего лучшим? А страждущий знает, что она или врачество для оскверненных, или борьба и слава для очищенных. Другому, Царь, дай славу без трудов; а для меня возжеленно — приобрести Тебя страданиями и скорбями.

К самому себе

Помни сам себя, чтобы не забыться тебе, взирая на Бога; ты дал клятву, помни о своем спасении! Увы! Увы! Обаятель обманывает тебя своими лжеумствованиями, обманывает тебя неприязненный. Обратись скорее к Слову, чтобы не пасть глубже. Обними крест — и остановишь вред.

2

Истощается во мне образ Божий; какое рассуждение поможет мне? Ис-

тощается образ — дар пречистого Бога и предается поруганию. О зависть, зависть! Меня воспаменяют чуждые мне учения и умствования.

3

Не струись, источник зла, не источник суетного, мысль! О если бы язык не осквернялся нечистотою! О если бы руки не касались худого! Тогда бы образ Божий пребывал во мне нетленным.

4

Посредством настоящего приобретай мир великий, без труда презирая все здешнее как одно подражание высшему зрелищу! Покорись Слову, Которое ради тебя стало плотию. Что ж говорит Слово? *идем отсюда* (Ин. 14, 31)! Для того пришел Я сюда, чтобы пресе-

лить в горнее тебя, низринутого грехом. Так повелевает Бог; поспешим как окрыленные. Уготовь себя как можно скорее для неба, окрылив Словом драгоценную душу. Не оставляй при себе ничего лишнего, но сбрось с себя всякую тяготу суетной жизни и здешних бедствий!

5

Я жив и мертв. Кто мудрец, тот согласи это. Душою я мертв, а плоть хочет быть у меня сильною. Пусть лучше живет душа, а плоть моя умрет!

К душе своей

1

Есть тебе дело, душа моя, и, если угодно, дело немаловажное. Исследуй сама себя, что ты такое, куда тебе стремиться, откуда ты произошла и где должно остановиться; действительно ли то

жизнь, какою теперь живешь, или есть и другая кроме нее?

Есть тебе дело, душа моя! Очищай жизнь следующим способом: размышляй о Боге и о Божиих тайнах; размышляй, что было прежде вселенной и что для тебя значит эта вселенная; откуда она произошла и до чего дойдет?

Есть тебе дело, душа моя! Очищай жизнь такими размышлениями: как Бог правит кормилом вселенной и обращает ее; отчего иное постоянно, а иное скоротечно, особенно же наша жизнь подлежит изворотам?

Есть тебе дело, душа моя! Обращай взор к единому Богу. Какую славу имел я прежде и в каком поругании теперь? Что это за сопряжение во мне, и какой конец моей жизни? Размышляй обо всем этом и остановишь шатания ума.

Есть у тебя дело, душа моя! Что ни терпишь, не изнемогай!

2

Душа, взирай горé, а земное все забудь, чтобы тело не покорило тебя греху! Коротка жизнь эта; счастливец наслаждается как бы во сне. Всякому выпадает разная судьба. Одна чистая жизнь всегда постоянна и многолетна, и всего лучше — жить такою жизнью. Иные уважают или золото, или серебро, или продолжительную трапезу — эти детские забавы в настоящей жизни; а другим дороги или прекрасные шелковые ткани, или поля, засеянные пшеницею, или стада четвероногих. Но для меня великое богатство — Христос. О если бы мне когда-нибудь увидеть Его чистым, неприкровенным умом! Прочим же пусть владеет мир!

Куда идешь, дух мой? Остановись! Куда рвешься, несчастный? Увы, увy! Обаятель обманывает тебя своими лжеумствованиями. Подойдет он несколько — и опять отступит назад, и снова подойдет ближе, как волк к тельцу, ласкаясь, заманивая дикими своими прыжками, пока не отвлечет тебя от Божиих законов и не уловит в снeдь губительным зубам.

Плач о душе своей

1

Часто юная новобрачная, сидя еще на девственном ложе, оплакивает смерть возлюбленного супруга и в брачном уборе начинает свою жалобную песнь; а рабыни и подружки, стоя здесь и там, плачут попеременно в облегчение ее грусти. И мать оплакивает любезного сына, еще не достигшего юношес-

ких лет, и после мук рождения терпит новые муки. А иной сетует о своем отечестве, которое опустошено стремительным Ареем. Иной скорбит о доме, который истреблен небесным огнем. Какой же плач приличен тебе, душа, которую умертвил губительный змий, в которой Божий образ запечатлен горькою смертию? Плачь, плачь, ока-
янная, это одно для тебя полезно. Покину дружеские и веселые пиры; покину великую славу красноречия и благородство крови; покину дома с высокими кровлями и все земное счастье; покину даже сладостный солнечный свет, самое небо и блистательные звезды, которыми оно увенчано. Все это оставляю тем, которые будут после меня; а сам, с повязкой на голове, как мертвец и бездыханный, возлягу на одре, последним сетованием утешу сетующих, получу не-

надолго похвалу и беспрекословную любовь, потом камень и под ним — неумирающее тление. Впрочем, не от этого смущается мое сердце; трепещу единственно правдивых Божиих весов.

2

Как мог демон отдалить тебя настолько от Христа, уловить твой язык, и слух, и зрение, о несчастная душа? Где ты блуждаешь вне кроткого Света, волнуемая желаниями и беспокойными заботами, трепеща одной тени страха, служа обольщениям, иссыхая и истаявая в порывах кипящего гнева? Не предавайся, душа, кружениям парящего ума, но и не забывай своей жизни, когда приближаешься к плоти, к прикровенным и явным плотским недостаткам! Пусть в дольном мире возмущается все жестокими житейскими буря-

ми; пусть здесь время, как шашками, играет всем: и красотою, и доброю славою, и богатством, и могуществом, и неверным счастьем! А я, крепко держась за Христа, никогда не покину надежды, что увижу сияние воедино сочетаемой Троицы, когда достояние великого Бога, теперь смесившееся с плотию, а прежде образ Божий, вступит в единение с небесным.

Упреки неразумным стремлениям души

Ночное привидение, менада — бедное сердце мое! Ночное привидение, менада, долго ли будешь ты гоняться за удовольствиями, заглядываясь на все тебя окружающее? Ужели не уцеломудришься? Ужели не угасишь огня, который воспламеняет в тебе незаконные пожелания? Ужели не возгнетешь в себе прирожденной тебе разумной

силы, приняв в поборники раздражительную силу? Что случилось с тобою, душа моя? Для чего помышляешь о том, что не соответственно твоему достоинству? Или не знаешь, что тебе одной даны бразды и что ты должна управлять как бы колесницей, в которую впряжены три коня несходных свойств? Один конь благороден, другой бесчинен, третий кроток. А если ослабишь бразды буйному, он встает на дыбы, упрямится, приводит тебя в затруднение во время пути, кидаясь, сам не зная куда; он присоединяет к себе и среднего коня, убеждает его быть с ним заодно, а коня благородного, как пленника, порабощает и увлекает против воли, хотя он и скорбит о совращении с пути. Но буйный конь, бесчинно, с самым бессмысленным стремлением, неудержимо несясь вниз, как с крутизны, ни-

мало не смотрит вперед, не останавливает своего бега, пока не вринется во врата адовы, погубив и себя, и тебя, несчастная душа! А если бы ты рассуждала сообразно со своею природою, то с радостию бы предоставила весь путь благородному коню, который хорошо знает стезю, ведущую в горнее; ты и среднему коню строго бы внушила, чтобы он показывал свою рьяность, где только должно, и бежал заодно с конем умным; а коня бесчинного стала бы усмирять сильными бодцами, ни на минуту не послабляя узды. Тогда путь твой был бы радостен, добропорядочен, спокоен, беспечален, исполнен надежды. Ибо рассудок, как благородный конь, которому от природы дана сила брать верх, препобеждает и, непрестанно простираясь вперед, бестрепетно устремляя взор горé, минуя все здеш-

ние затруднения, не убавляет скорости своего бега, пока не достигает назначенного Богом жребия, спасая и себя, и тебя, блаженная душа!

На плоть

1

Гибельная плоть — черная волна зломудренного велиара! Гибельная плоть — корень многовидных страстей! Гибельная плоть — подруга дольного скоротечного мира! Гибельная плоть — противница небесной жизни! Плоть — мой враг и друг, приятная война, неверное благо, плоть, непрестанно вкушающая плод человекоубийственного древа, брение, грязная цепь, тяжелый свинец, неукротимый зверь, порождение воющего со мною вещества, негодная кипучесть, гроб и узы царя твоего — небесного образа, который по-

лучил я от Бога! Еще ли не положишь конца бесстыдным порокам, не покоришься духу и седине, о окаянная злоумышленница? Тебя одну Христос, когда неблагообразие вещества приводил в благолепие словом, тебя одну образовал собственными руками и напоследок сочетал с Божеством, чтобы возлюбленную тварь, наследницу великой жизни, но которую одуряющий велиар обременил страданиями, спасти и Своею смертию избавить от лютой смерти. Поэтому окажи мне уважение, перестань безумствовать и питать непримиримую вражду к душе моей!

Рукою бессмертного Бога и тем бедственным днем, который наконец соберет воедино все дела смертных, свидетельствую тебе, что, изнулив и низложив тебя скорбями всякого рода, сделаю бессильнее самих мертвецов,

если не остановишь в себе безумия и тока кровей прикосновением к краю чистых риз Христовых.

Посетите же меня наконец, очистительный источник слез и многотрудное бдение тела и ума, чтобы остудился во мне пламень, омылась зловонная гнилость мучительных страстей! Откажись от пресыщения, чрево; иссохните, преклоненные к земле колена; пепел да будет мне хлебом, жесткое вретище да покрывает изнеженные члены, служа ограждением обуреваемой душе! Приди ко мне, не смеющая возвести взоров забота, смирительница персти, и непрестанно напоминай мне о грядущих бичах!

Таковы мои врачевства от неразумия! Но Твой, Христе, дар — и чистая жизнь, и жизнь из мертвых. Кто милостиво принял прародителя нашего греха

и нашей крови, когда он стал оплакивать свое вкушение и обольщение? Кто слезами очистил развращенного царя Манассию? Кто разрешил Давида от великого греха? Кто спас смиренную Ниневию, видя ее в слезах? Кто проливал слезы о сыне юнейшем? Кто, с радостью приемля чистых по жизни, не извергал вон и мытарей? Кто возложил на рамена свои заблудшую овцу? Кто очищал прокаженность, изгонял жестокие болезни, подавая блага телу и душе? Твои это дары, о Блаженный, о Свет человеков! Взойди же на волнующееся море нашей жизни, и буря тотчас утихнет!

2

Блажен, кто ведет жизнь бесплотную и великого образа не обложил примесью тины! Не многое, и то по принуждению, следует за небесными

помыслами, а гораздо большее им противится и служит омрачением ума. Я — порождение скоротечного; для чего делаешь меня подобным бессмертным? Если во мне Божие дыхание, то для чего, Христе, связываешь меня брением? Наступила старость, ослабели члены. Но если восставшая плоть, явно или тайно, приходит еще в бешенство и, что всего прискорбнее, таинника небесных жертв делает нечистым, то заклинаю тебя, плоть, великою державою Бога или черным для нечестивцев днем: удержишь от наглости!

На лукавого

1

Пришел ты, злодей (знаю твои замыслы!), пришел ты, неуступчивый, лишить меня вожделенного и вечного света. Как же, будучи тьмою, явился

ты мне светом? Не обманешь такую лживостию. И за что ты всегда воздвигаешь на меня такую жестокую брань, и явно и тайно? В чем завидуешь благочестивым после того, как изверг ты из рая первого Адама — Божию тварь, грехом перехитрил мудрую заповедь и сладостной жизни предложил горькую снесь? Как мне убежать от тебя? Какое средство изобрести против страданий своих? Сперва неважными грехами, как ручей, впадаешь ты в сердце, потом открываешь себе широкую дорогу, а там уже входишь большою и мутною рекою, пока не поглотит меня твоя пасть, или бездна.

Но отступи от меня дальше и налагай свои руки на те народы и города, которые не уразумели Бога; я — Христово достояние; я стал храмом и

жертвой, потом буду богом, когда душа вступит в единение с Божеством. Ты покорись Богу и Божией твари, убоявшись Божия гнева, сонма душ благочестивых и гласа их немолчных песнопений!

2

Беги от моего сердца, злокозненный! беги скорее, беги от моих членов, беги от моей жизни, тать, змий, огонь, велиар, грех, смерть, пучина, дракон, зверь, ночь, засада, бешенство, смешение, завистник, человекоубийца! Ты, губитель, и прародителям моим на пагубу насладил вкушение греха и смерти. Христос-Царь повелевает тебе бежать на широту морскую, или на утесы, или в стадо свиней, как прежде негодному легиону. Удались же или низложу тебя крестом, которым все трепещет. Я ношу крест в своих членах. Крест в моем шествии;

крест в моем сердце; крест — моя слава. Ужели не перестанешь, злотворный, строить мне козни? Будешь устремлять взор не на стремнины, не на Содом, не на толпы безбожных, которые рассекли великое Божество, а на мою седину, на мое сердце? Непрестанно очерняешь ты меня мрачными мыслями, ни Бога, ни Жертвы не трепещущий враг! Этот ум был громким проповедником Троицы, а теперь видит пред собою конец. Не оскверняй же меня, ты, нечистота, чтобы мне чистому встретить чистые небесные Светы, когда озарения их падут на мою жизнь! К вам простираю руки, примите меня! Прощай мир, прощай, многотрудный, и пощади тех, которые будут после меня!

3

Беги всякий, кто лукав: во мне пишется Христос; да не рассевается

же собранная мною воедино мысль!
Отступите от меня все, кого Христос
не отводит вдаль от земного!

4

И это — твоё приращение, злобный; это ты, хитрыми изворотами закравшись ко мне в ум, убеждаешь меня ловить негу удовольствий. Но нет, не убедишь меня. Не верить тебе внушил мне Адам. Пресмыкайся же по земле; я буду попирать твою голову. А если у тебя достанет ещё сил угрызать мою ногу, то повешу тебя, изваяв из меди, чтобы, взирая, спастись от вреда.

5

К Богу взываю. Что это? Беги меня скорее, беги, злобный зверь, человекоубийца! Для чего тревожишь меня, не потерпев никакой обиды? Иди в сво-

их свиней и наполняя глубины; они готовы принять тебя, низринувшегося в бездну. Но не прикасайся ко мне, иначе низложу тебя крестом: перед его державой все ужасается и трепещет от страха.

6

Отойди, отойди от меня, неприязненный человекоубийца! Отойди, страшное привидение, неистовая злоба! Отойди! У меня в сердце Христос; Ему принес я в дар свою душу. Откажись от меня и беги скорее прочь! Ах! Помогите мне, Ангелы-предстатели! Ах! Ко мне приступает мучитель; умоляю вас, друзья, избавьте меня от него!

7

Приходил, приходил ты ко мне, злобный, но остановлен. Как скоро заметил я дым, догадался, что будет и огонь.

Сильное зловоние — явный признак змия. А я поднимаю крест. Он страж моей жизни; он связует собою весь мир и приносит его Богу. Убойся креста, отойди, не являйся вторично. Меня благодать именует нескверным предстоятелем.

8

Долго ли тебе, долго ли подавлять меня бедствиями? За меня умер Бог и потом воскрес. Уважь купель, отойди, человекоубийца! Как прежде уловил ты меня горьким сластолюбием, так теперь хочешь злобно умертвить. Отойди, отойди; я чувствую твое нападение. Пусть одолеешь мое тело, но ничего не потерпит ум.

О брани от бесов

Если бы не связал я молчанием горливого языка и уст, когда собирал

воедино ум для общения с Богом, чтобы самыми чистыми помышлениями почтить чисто Царя (ибо одна умная жертва прекрасна), — то никак не постиг бы ухищрений пресмыкающегося зверя или, конечно, не огласил и не признал бы их ухищрениями. Часто и прежде приходил он ко мне, то уподобляясь ночи, то опять под обманчивою личиною света; ибо, чем ни захочешь, всем делается измыслитель смерти, этот в похищении чужих образов настоящий Протей, только бы, тайно или явно, осилить человека; потому что грехопадения людей — для него наслаждение. Но доселе никогда еще не видал я его таким, каким пришел он ко мне ныне, во время моих подвигов. Видя больше благоговения в душе моей, он вспылал сильнейшим пламенем гнева. Как тайная болезнь, скрываю-

щаяся внутри неисцельной плоти, остановленная на время не вполне благопотребными врачевствами и питаемая в невидимых полостях тела, не прекратившись еще в одном месте, прорывается в другом и снова угрожает больному опасностью, или как поток, в одном месте прегражденный твердыми плотинами, напирает и вдруг проторгается в другом месте, — так жестока и брань завистника. Если не страдал у меня от него язык, то вред приливал к чему-нибудь другому. Однако же не овладел он мною, потому что пришел Христос — моя помощь, Который спасал учеников от бури; Который многих, даровав благодать их хотению, освобождал от страстей и от демонских уз. Между тем искушал меня завистник, как и прежде, человекоубийственною хитростию уловил родона-

чальника нашего. Но ты, Блаженный, удержи брань и повели мне, по утишении бури, всегда приносить Тебе бескровные жертвы!

Разговор с миром

Вопрос. Хочу судиться с тобою, мир. Отвечай мне прежде всего: кто и откуда ты и куда стремишься? Как же ты водишь меня, кругом вертя, как муравья?

Ответ. Не знаю, откуда произошел я, но, без сомнения, от Бога. Стремлюсь же к лучшему. Не я тебя вожу, но сам ты беспорядочен, сам оскорбляешь меня.

Вопрос. Итак, отчего ты стоишь твердо, а я непостоянен?

Ответ. Я не от себя таков; и что же в этом за превосходство? А ты одарен волею; если хочешь, приобретешь еще больше.

Вопрос. Хорошо! А что во мне от-
вне, кто тем движет?

Ответ. Что же в этом худого? Со-
вершенным доставляет это случай ко
спасению.

Вопрос. Или лучше винить себя са-
мого?

Ответ. Совершенная правда!

О бренности естества человеческого

1

Мир дружелюбный, но дружелюб-
ный не во всем! Для чего ты, как вер-
тящийся кубарь, когда желал бы я идти
противной дорогой, стремительно ув-
лекаешь меня, как мелкого муравья,
сколько ни жалуясь на жестокое на-
силие, — увлекаешь ты, столь величе-
ственный, меня — существо немало-
важное? Знаю, что ты от Бога и Бо-
жия слава; но и я сам создан Христо-

вой рукою и составлен из того и другого, из земного и небесного. Хотя тело у меня из земли, но душа есть дыхание великого Ума. Но каким множеством бедствий влаюсь я туда и сюда, бедствий, происшедших то от меня самого, то от неприязненного! Как привыкший к морю дельфин, на суше от воздуха умираю я. Моя жизнь миновалась, о мир; веда невредимым народ!

2

Как птицы или как на море корабли, перегоняем друг друга — и я, и время, ничего не имея в себе постоянного. Но в чем я согрешил, то не проходит, а пребывает; и это всего бедственнее в жизни. Не знаю, чего желать себе: продолжения ли жизни или смерти, — в обоих случаях объемлет меня страх. Рассуди об этом сам. Жизнь моя обременена

грехами; а если умру — увы! увы! — там нет уже врачевства от прежних немощей. Если же это обещает жизнь, в которой столько скорбей, то значит, что и смерть не избавляет от бедствий. С обеих сторон пропасть; что же будем делать? Не лучше ли обратить взоры к Тебе, Единому, и к Твоему милосердию?

Жизнь человеческая

1

Эта краткая и многообразная жизнь есть какое-то колесо, вертящееся на неподвижной оси: то идет вверх, то склоняется вниз, и хотя представляется чем-то неподвижным, однако же не стоит на месте; убегая, держится на одном месте, и держась, убегает; стремительно скачет и не может сдвинуться с места; силится движением своим переменить положение, и от того же движе-

ния приходит в прежнее положение. Поэтому ни с чем лучше нельзя сравнить жизнь, как с дымом, или со сновидением, или с полевым цветком.

2

Персть, брение, кружащийся прах! Земля опять соединяется с землею, повивается земными пеленами и снова делается перстию, как прах, который сильным круговоротом ветров поднят в высоту и потом брошен вниз. Ибо так и нашу кружащуюся жизнь бури лукавых духов поднимают в высоту — к лживой славе; но персть тотчас падает вниз и остается долу, пока слово Сотворившего не совокупит того, что было соединено и разрушилось по нужде. А теперь эта персть, в которую вложен дух с Божиим образом, как бы возникнув из какой-то глубины, возгла-

шает земные печальные песни и оплакивает жизнь, по-видимому, улыбающуюся.

Покаянная песнь при конце жизни

1

Последний подвиг жизни близок; худое плавание кончено; уже вижу и казнь за ненавистный грех, вижу мрачный тартар, пламень огненный, глубокую ночь и позор обличенных дел, которые теперь сокрыты. Но умиლოსердись, Блаженный, и даруй мне хотя вечер добрый, взирая милостиво на остаток моей жизни! Много страдал я, и мысль объемлется страхом, не начали ли уже преследовать меня страшные весы правосудия Твоего, Царь?

Пусть сам я понесу свой жребий, преселившись отсюда и охотно уступив снедающим сердце напастям; но

вам, которые будете жить после меня, даю заповедь: нет пользы в настоящей жизни потому что жизнь эта имеет конец.

2

Цвет опал, приблизилось время жатвы. Побелели у меня волосы; гумно призывает к себе колос; уже нет незрелости в ягоде; близко собирание гроздов. Точило моих злостраданий уже истаптывается. О мой злой день! Как избегну его? Что со мною будет? Как страшен мне грех; как страшно оказаться полным терний и гроздов гоморрских, когда Христос станет судить богов, чтобы каждому воздать по его достоинству и назначить страну, сколько взор вынесет света! Одна мне надежда, что под Твоим руководством, Блаженный, в эти краткие дни обращусь еще к Тебе.

На болезнь

Опять пришел ты ко мне, коварный; и, сколько понятно, пришел для того, чтобы истерзать во мне глубину моего сердца. Тебе хочется, чтобы от сильных и многократных потрясений этой жизни пал во мне священный образ. Ты напал на крепкую плоть и расслабил меня от головы до ног, разрешив узы тех соков, которыми Бог увлажил во мне сухое вещество, подобно тому как, по Своей мирозидательной мудрости, срастворил теплоту с холодом, чтобы чрез равновесие сохранялась неразрывная связь тела и я научился из этого убегать раздоров в жизни. Пришел ты с убийственными замыслами и излил на меня, бедного, весь яд горькой своей злобы. Не довольно было того, что влачил я обременительную старость и скорби — эту тяжесть Тринакрских

утесов. Меня изнуряет еще мучительная и пожирающая болезнь, которая год за годом точит мои члены. Об этом я плачу и стенаю, как могучий лев, запутавшийся в сетях зверолова.

Не люблю я ни игривых речей, ни приятных для всякого бесед, даже самых веселых, ни городских торжищ, ни рош, ни бань, ни всех цветов этой обманчивой жизни. Это не было для меня привлекательно и прежде, с тех пор как удалился я от земного и объял Христа. Плачу же о том, что отвортилось от меня животворное око великого Христа, Который некогда взирает на меня заботливо, предназначал меня к славе еще в утробе непорочной родительницы, избавлял от холодного моря и от страстей. Плачу о том, что поверг я бразды богомудрого народа; не сам, правда, отверг их, однако же не держу

в руках. А народ этот восхищался прежде моими речами, когда из уст моих озаряло его Тройственное сияние. Как отучаемый от груди младенец в объятиях родившей жадными губами сжимает сухой сосец, и мать не удовлетворяет его желание, так и этот народ прильнул теперь слухом к устам моим и жаждет источника, который прежде струился для многих, а ныне не дает ему и малой капли. Хотя другие источают сладкие воды, однако слушатели скорбят, потому что умолкло для них слово их отца. Где мои всеночные песнопения, при которых я, как одушевленный камень, незыблемо утверждал свои ноги, или один беседуя со Христом, или купно с народом услаждаясь священными, попеременно возглавляемыми песнями? Где приятное утомление преклоненных колен, при

котором проливал я горячие слезы и собирал воедино омраченные мысли? Где руки, кормившие бедных и служившие больным? До чего доходит истощение обессилевших членов! Уже не воздеваю рук пред чистыми жертвами, чтобы приобщаться великим Христовым страданиям; уже не составляю ликов, угодных добропобедным мученикам, и драгоценную их кровь не чествую похвальными словами. Плесень лежит на моих книгах, не dokonчены мои речи; кто будет столько расположен ко мне, чтобы довести их до конца? Все умерло еще у живого; изнемогла моя жизнь и стала слабее корабля, в котором нет связей.

Но, впрочем, как ни преследуешь ты меня, докучливый демон, никогда не преклоню пред тобою колен моего сердца. Не уявленный, не низложенный

тобою отойду в мать мою — землю. Пусть червь точит добычу змия. Поражай кожу, человекоубийца, но душа неуязвима. Христу возвращу полученный мною от Него Божий образ. Ты наложил некогда узы свои на великого Иова: но сам был посрамлен, а его увенчал великий Подвигоположник, победу его соделал славною чрез Свое провозглашение и в двойной мере возвратил ему все, что ты у него расхитил. Таков закон милосердия Христова!

Но повели мне, Христе, стать наконец здоровым! Твое слово — для меня врачевство. Я новый Лазарь между мертвецами; но скажи: восстань! — и по слову Твоему оживет мертвец. Я новый расслабленный, недвижимый на одре; но скажи: укрепись! — и я пойду и понесу на себе одр. Хочу из воскрилий Твоих похитить руками своими целебную силу;

останови же в увядшей плоти быстрый поток крови! Я, достояние Твое, преклоняюсь пред Тобою, как согбенная телом Хананеянка; восстанови же меня, Царь! Море волнуется, а Ты покоишься сладким сном; но пробудись немедленно, и по слову Твоему утихнет волнение.

Я сетую; болезнь обдержит мои члены. Ибо никто не изъят вовсе из общей участи смертных, и я так же, как всякий другой. Так повелевает Бог, чтобы никто из нас не поднимал бровей высоко и не считал себя небожителем, но чтобы всякий, взирая на помощь великого Бога, чувствовал нужду в сильнейшем побуждении к благочестию. Впрочем, не столько сетую по причине болезни: она и для духовной моей части служит некоторым очищением, а в очищении всякий имеет нужду, как бы ни был он крепок; потому

что самые эти узы сообщают смертным какую-то черноту. Но гораздо более в скорбях моих озабочивают меня малодушные; боюсь, чтобы из них кто-нибудь не наткнулся, видя мои бедствия. Не многие из людей крепкодушны, с любовью приемлют всякое Божие посещение, приятно ли оно или скорбно для них, и знают, что всему есть причина, хотя и сокрыта она во глубине Божией премудрости. Напротив того, многие посмеиваются над благочестивыми, когда они изнемогают, и говорят, что их служение Богу остается без всякой награды; или даже укореняют в уме совершенно недостойную мысль, будто бы все в мире устроилось случайно, и не Бог, царствующий в горних, управляет человеческими делами; иначе, говорят они, у нас господствовал бы другой порядок.

Вспомни это, Великий, и помоги Твоему служителю; не доведи меня до позорного конца жизни! Твой я слуга, возлагаю руки на Твои Дары и на главы тех, которые сами подклоняются и именуют меня помощником в болезнях. Умилосердись, Христе! Если не угодно Тебе исцелить меня, дай силу к перенесению подвигов! Не лишай меня всей чести, Слово, но и не обременяй; не оставь без узды, но и не подвергай великим страданиям! Бодцами коли меня, Блаженный, а не копьем! Пусть корабль мой не вовсе без груза, но и не чрезмеру нагруженный несется по морю жизни. Пресыщение делает наглым, а скорби погружают в ночную тьму. Уравновесь наказание с невредимостию! Ты остановил меня, возгордившегося; сжался же надо мною, изнемогающим! Еще есть время помилованию, о Правосудный! Изнурен-

ный напастьми, ниспосылаемыми свыше, уважаю свою седину, и самоумерщвленные члены, и жертвы.

Но к чему излишества? Могу ли предписывать законы Божеству? Веди меня, служителя Твоего, Христе, куда Тебе угодно!

О Промысле

Прочь от меня те, которые отрицают Божество, которые этого невыразимого благоустройства во вселенной не приписывают никакой всезидущей и всесодержащей Сущности! Прочь от меня и те, которые признают целый рой богов или владычество добрых и злых духов! Прочь от меня и те, которые отрицают Промысл, как будто боясь получить спасение от Бога; а, напротив того, все в мире или приписывают непостоянному стремлению, или подчиня-

ют движению звезд. Но как и кем приводятся в движение звезды? Если Бог их движет, то почему первоначально то, что вращает Бог? Кто связал что-нибудь, тот может и развязать. А если не Бог движет, как им установиться при безначалии или при борьбе с Совершеннейшим? И как же не быть здесь борьбе? Ибо отрицание Промысла есть мятеж против Бога. Разве скажешь, что и Бог подчинен судьбе и невольно несет на Себе насильственные узы? Так эти умствователи запутываются в собственных своих учениях.

Но у нас единый Бог правит этою вселенной, как Ему угодно; Сам, по собственным Своим манованиям и законам премудро приводит все в движение и взаимное сопряжение, хотя, по видимому, и не все идет благопоспеш-

но. Ибо и в древности и ныне многим из самых мудрых затруднительными казались примеченные в здешней жизни несообразности. И нужно ли перечислять всех? Смотри, что испытывает в себе Давид (Пс. 72)! Видя, что злые действуют, по их мнению, благоуспешно, приходит он в сильное колебание и боится, чтобы иной самого естества вещей не предоставил слепому стремлению и не подумал, что нет над нами начальствующего. Впрочем, Давиду известно и решение затруднения. Он говорит: посмотри на конец всякого человека, как он ответствен жизни. Ты посеял — увидишь и колос своего посева. А если ты не знаешь законов, это не значит, чтобы не знало их и Слово. Ибо если ты не знаешь живописи, не следует, чтобы не знал ее и живописец. Или если тебе неизвест-

ны свойства линий, не следует, чтобы они были так же неизвестны геометру, как и тебе. Иное сам ты постиг, а с иным согласишься благоразумно. И то уже признак разума, чтобы покоряться разуму. Ежели все ясно, то скажи: где место вере? Ибо вера есть непытливое согласие.

А я (и, может быть, разумно) рассуждаю так: тебе при вступлении твоём обещал я не это: не богатство, не беззаботность, не телесное здоровье или благочадие, но блаженную жизнь и ожидаемые блага, чтобы ты, в замене настоящего, ожидал себе большего. Справедливо ли же будет, например, при покупке чего-нибудь требовать купленную вещь и удерживать у себя ее цену? Разве тебе одному нужно такое предпочтение пред всеми? Но это означало бы чрезмерную ненасытность и нео-

быкновенную притязательность. Или отдай назад купленное, любезнейший, или заплати цену, если должно тебе устоять в своем слове и ты не отступаешь от прекрасных условий.

Скажешь: почему же у древних были и эти блага? Тогда не укоренилась еще вера; настоящее служило удостоверением в умопредставляемом; так и младенцев, пока не возрастут, питают молоком. А доказательством этому служит то, что тогда весьма важные преступления были некоторым образом извиняемы и не очень высокие доблести уважались, так что достоинство с обеих сторон уравнивалось; наказания же, налагаемые мудрыми, превосходили меру. В этом убедят тебя Давид, Моисей и Елисей, которого имя произношу с трепетом. Один легко был наказан за свои грехопадения; другой

за небольшие заслуги удостоен Божия лицезрения, принял от Бога закон и спас великое воинство; третий же за малое оскорбление, и притом детям, сверх ожидания, воздан тяжким наказанием — так прикровен был тогда закон! Так очищение совершилось кровию жертв, и очищение оскверненной плоти — неважным кроплением! Так почиталось совершенством — избегать худого, хотя бы не присовокуплялось ничего больше! И все это потому, что благочестие для живших тогда заключено было в тесные пределы.

А сказать ли тебе нечто поважнее доселе сказанного? И это скажу. У них не было такого дара, какой имеем мы в страданиях Бога, в Агнце, закланном за мои грехи. Поэтому труд их был больше; а если больше, то согласись, что им следовало и большее воздая-

ние за труды, а нам следует меньшее, потому что имеем больше средств.

Но вместо всего и прежде всего надобно еще сказать: не очень хвали благополучие здешней жизни, как наученный помышляет о том, что важнее видимого. Смотри: не ведет ли меня трудный путь на высоту, а тебя — удобный путь к стремнине? По мне лучше — изможденная плоть, нежели твоя утучненная. Видал ли ты иногда в загоне волов? Один великоросл, свиреп, лоснится от жира, высоко держит голову; другой поник головою к земле, морщиноват, некрасив, носит на себе знаки земледелия; и первый сберегается на заколение, а второй кормит и себя, и господина. Который же из них, по твоему мнению, имеет лучший жребий: не изможденный ли, не сокрушенный ли? Это само собою явно. Но ты любишь

уширенное, хотя бы это и само по себе было худо и вело к худому. Ужели же станешь хвалить толщину страждущего водяною болезнью? Ужели помешанный в уме покажется тебе человеком крепким? Ужели сладкое непременно должно быть спасительным врачевством? Многих нередко спасало горькое, а от сладкого всего чаще бывает хуже. Для умного сына не достоин ли уважения родительский жезл? А снисходительность для него не зло ли? Тот не сын, кто не знает и ударов жезла. А что, если ты, как Иов, подвизаешься ради венцов? Повторяй это чаще сам себе, и тебе не трудно будет найти для себя утешение в трудах, а благодарностию своею приобрести надежду. Худому только рабу свойственно оказывать уважение господину, когда он улыбается, и почитать его злым, когда наносит удары. Надобно без ропота прини-

мать, куда ни будет повернуто кормило, которым Бог изводит меня из борьбы и жизни, пока не взойду в тихую пристань, если только не напрасно построил Он этот корабль, но для доброго и благоуспешного конца.

О вочеловечении

Неразумен тот, кто Царю — приносящему Божию Слову — не воздаст равно Божеской чести с пренебесным Отцом; неразумен и тот, кто Царю-Слову, на земле явившемуся в образе человеческом, не воздает равно Божеской чести с небесным Словом, не отделяет или Слово от великого Отца или от Слова — человеческий образ и нашу дебелость. Отчего Слово было Бог, но стало нашим человеком, чтобы, соединившись с земными, соединить с нами Бога? Оно обоюду — единый

Бог; постольку человек, поскольку меня делает из человека богом. Будь милостив ко мне, язвленный за меня Всевышний!

Только и могу сказать тебе. А просишь еще у меня об уме, о неизреченном единении? Но, рассуждая о Боге, смертные, любите меру в слове! Если убедил я тебя — хорошо! А если продолжаешь чернить бумагу многими тысячами стихов, то вот в немногих стихах начертаю эти письмена на твоих скрижалях моим писалом, на котором нет ничего черного.

Против Аполлинария

Знаем, что высочайший Ум все человеческое естество сложил из трех составных частей: из души, ума и дебелого тела. И сперва создал Он целого Адама, кроме греха. А когда человек

не стал Богом, сам Бог, в честь мою, соделался совершенным человеком, чтобы, посредством воспринятого воссоздав дарованное, уничтожить осуждение всецелого греха и чрез Умершего умертвить умертвившего. Бог от начала прост; потом сопряжен с человечеством, а потом пригвожден богоубийственными руками; таково тебе учение о Боге, вступившем в единение с нами! Божие Слово, равно как и Отец, от начала было Бог, Творец всяческих, превысший времени, и страданий, и тела. Тогда же человек поражен древом познания и зависть напала на все наше естество, как удобоуловимое и подвергшееся осуждению тогда, чтобы низложить превозношение зависти и воссоздать поврежденный образ. Божие Слово рождается для нас, ибо зачинается в чистой Деве, и происходит на свет

Бог, всецелый Бог и человек, спасающий всецелого меня, Сын, и умосозерцаемый, и видимый.

По твоему мнению, я человекопоклонник, потому что чту всецелое, таинственно соединившееся со мною Слово, единого Бого-человека Спасителя. А ты (кстати, обращаю против тебя твое же острословие), ты — поклонник плоти, потому что вводишь человека, не имеющего ума. Или согласишься в этом, любезный, или снизойди ко мне, если только желаешь быть справедливым судиею в слове!

Если худшее в человеке (потому что плоть гораздо хуже созданного по образу Божию) для тебя есть от Бога бог; то я признаю этим лучшее; потому что ум ближе к Богу. Сверх того, у тебя подвергается опасности одна половина человека; потому что не восприня-

тое Словом и не спасается. Что ты говоришь, премудрый защитник Слова, вооружающийся на рассекающих Божество? И ты сам не рассекаешь ли сложенное Богом? Одну из составных частей моих даешь Ему, а другую нет; сводишь в единение с Ним плоть, а отсекаешь ум, как будто боишься того, чтоб не составился целый человек. Рассуждаешь: как одному вместить в себе двух совершенных? Ужели есть опасность, что проторгнется мех? Какое неразумие! Одна душа вмещает в себе и ум, и слово.

Опять спрашиваешь: почему так необходим и важен для тебя ум там, где сам Бог? Но если в Нем плоть без ума, то я обнута. Кожа моя, но чья же душа? Что значит рождение Бога от Девы? Как сошлись воедино естества, между собою далекие? Это тайна; но как

представляется мне, малым умом измеряющему превысшее ума, очистительный Дух снисшел на Деву, а Слово Само Себе создало в ней человека, всецелый замен целого умершего человека. Поскольку же Бог несоединим с плотию, а душа и ум суть нечто посредующее, потому что сожительствуют плоти и потому что образ Божий, то Божие естество, соединяясь со сродным Себе, чрез это сродное вступило в общение и с дебелистью плоти. Таким образом и Обожившее и Обоженное — единый Бог. Поэтому что же претерпело то и другое? Как я рассуждаю, Одно вступило в общение с дебелим, а другое, как дебелие, приобщилось моих немощей, кроме немощи греха.

Спрашиваю: кому пролита кровь Божия? Если лукавому, то увы! Хрис-

това кровь отдана виновнику зол. А если Богу, то для чего это было нужно, когда овладел нами другой, выкуп же всегда дается владеющему? Конечно, несомненно то, что Христос Сам Себя приносит Богу, чтобы Ему Самому исхитить нас у обладавшего нами и чтобы в замене падшего принят был помазанный, потому что Помазующий неуловим. Так рассуждаем об этом. Но уважаем и образы. Я сказал свою мысль. Поклоняйся Троице!

О подлинных книгах Богодухновенного Писания

А язык и ум непрестанно упражняй в Божиих словах! А Бог в награду за труды дает или видеть сколько-нибудь сокровенный в них смысл, или, что еще лучше, приходить в сокрушение при чтении великих заповедей чистого Бога; или, в-третьих, таковыми

занятиями отводит Он мысль твою от
земного.

Но чтобы ум твой не был обольщен
чуждыми книгами (потому что много
книг подложных, причисленных к Пи-
санию несправедливо), прими от меня,
любезный, следующее верное перечисле-
ние!

Всех исторических книг древней-
шей еврейской мудрости — двенад-
цать: самая первая книга — Бытие,
потом Исход и Левит, потом Числа, по-
том Второзаконие, потом Иисус и Су-
дии. Осьмая книга — Руфь; а девятая
и десятая книги — Деяния Царей,
Паралипоменон, а последняя книга бу-
дет у тебя Ездра.

Книг, писанных стихами, пять; из
них первая Иов, потом Давид, потом
три Соломоновы книги: Екклесиаст,
Песнь и Притчи.

Подобным образом пять книг и пророческого Духа. В одном составе заключается двенадцать пророков: Осия, Амос и третий Михей, потом Иоиль, потом Иона, Авдий, Наум, Аввакум, Софония, Аггей, потом Захария и Малахия — и это одна книга; а вторая — Исаия, потом с младенчества призванный Иеремия, потом Иезекииль и благодать Даниилова.

Предложил я тебе двадцать две ветхозаветные книги, они равночисленны еврейским буквам. А теперь перечислю книги и нового таинства.

Матфей описывал чудеса Христовы для евреев, Марк — для Италии, Лука — для Ахаии, а великий и небожественный проповедник Иоанн — для всех. Потом следуют Деяния мудрых Апостолов; четырнадцать посланий Павловых, и семь Соборных, в числе

которых одно Иаковлево, два Петровы, три опять Иоанновы, а седьмое Иудино.

Теперь все имеешь книги; а какие есть кроме них, те не в числе подлинных.

НА ЛЮБОМУДРУЮ НИЩЕТУ

Ты и в болезни весел, роскошествуешь, если только богат; чувствуешь, правда, зло, однако же есть у тебя и врачество от болезни. А другой беден, но воздержан. И он втрое блажен, потому что нет у него ни зла, ни врачевства от зла. И я богатого, но раболепствующего страстям тогда разве предпочту нищему и мудрому, когда человека, крепкого силами, но помешанного в уме, соглашусь предпочесть здоровому умом, хотя и худосильному.

Пусть один, имея у себя много врачевства против страданий, тяжело бо-

лен; а другой, не имея ни одного врачевства, весьма здоров: которого из них станешь ты ублажать? Очевидно, здорового; а знаю, что то же скажет и всякий. Так и человека, который имеет нужду в немногом, хотя он и очень беден, предпочти богатому и деньгами, и страстями.

На терпение

Поскольку ты нападаешь на меня, страждущего болезнию, то выслушай несколько слов и прими от меня урок. Мне лучше изнемогать, нежели тебе быть в силе. Я, который поставлен очищать злонравных, знаю, что болезнь для меня очистительный огонь, хотя есть и высшая тайна страданий. Лучше так думать, нежели, оставаясь оскверненным, в суетной надменности сделать себе какой-нибудь вред. Но ты весьма худ и не сознаёшь болезни. Чтоб истреби-

лась в тебе эта болезнь, пока ты не умер, она должна извлечь у тебя много слез пред Богом. Ибо если свет таков, то какова будет тьма?

Счастье и благоразумие

Один златолюбец где-то сказал: «Желаю тебе лучше каплю счастья, нежели бочку ума». Но мудрец возразил ему: «Для меня лучше капля ума, нежели море счастья».

Пристрастие

Всякое пристрастие опасно. Пристрастие к любимому — двойная опасность. Пристрастие к молодой девице — тройное жало. Если же она прекрасна, то это еще большее зло. И если представляется возможность супружества, то самая внутренность сердца стала пищею огня.

Смерть любезных

Всякий гроб возбуждает горестъ. Гроб сына — двойное горе; сына с добрыми качествами — такое бедствие, которое палит, как огонь. А если сын едва лишь сочетался браком, то сердце родителей рвется на части.

Недобрые друзья

1

Тяжело страдать, а еще тяжелее страдать от друзей. Если же друзья угрызают тайно, то это нестерпимо; и если они верующие — еще нестерпимее; а если Божии служители, то куда обратиться тогда, как избежать стремления зол?

2

Тяжело сносить огорчение. А если оскорбляет друг — это низко. Если

он угрызает тайно — это зверско. И если это болтливая жена, то живешь в одном доме с бесом. И если это судия, то нужны гром и молния. А ежели священнослужитель, тогда Ты, о Христе, выслушай и *разсуди прю* (Пс. 42, 1).

К душе своей

Чего тебе хочется? — спрашиваю душу свою. Что для тебя важно и что маловажно из высоко ценимого смертными? Проси только чего-либо славного, и охотно дам тебе. Хочешь ли иметь, что было у Лидийца Гигеса, и царствовать с помощью перстня, обращающая его в печать? Делаться невидимой, как скоро печать закрыта, и видимой, как скоро она открыта? Хочешь ли участи богато умершего Мидаса, у которого все обращалось в золото и

который, в наказание за неумеренное желание, терпел золотой голод? Хочешь ли прозрачных камней, тучных полей, множества стад, волов и верблюдов? Этого не дам тебе: и тебе получить это не полезно, и мне дать не легко, потому что я оставил об этом попечение с тех пор, как притек к Богу. Или ты хочешь престолов и начальства — этого кратковременного кичения, чтобы завтра же быть низринутой и смиренно смотреть в землю, между тем как поднимет вверх голову другой, который был у тебя служителем, и даже, может быть, одним из негодных служителей? Не хочешь ли связать себя браком, предаться нецеломудренным и кратковременным восторгам? Не желаешь ли этой сладостной болезни — заботы о благочадии? Но если твое благочадие назову злочадием, что тогда

скажешь? Не хочешь ли греметь словом и собирать вокруг себя зрителей? Или есть у тебя желание торговать законами, толковать их вопреки справедливости, влечь других и самой быть влачимой в незаконные судилища? Или хочешь потрясать копьем, дышать браннолюбием, домогаться венца за подвиги, испытывать свое мужество в борьбе со зверями? Или желательно тебе заслужить рукоплескания в городе и изваяния из меди? Хочешь ли уловить тень сновидений, мимолетный ветерок, шум стрелы, не оставляющей после себя следа, звука плещущей реки? Для человека умного важно ли то, что ныне есть и чего завтра не будет, чем пользуются и злые, что не сопровождает отходящих из этой жизни? Итак, что же? Если не этого желаешь, то чего тебе хочется? Не хочешь ли стать

богом — то есть светоносно предстоять Всевышнему Богу и ликовать с Ангелами? Расширь же свои крыла, взвивайся в бысролетном парении, несись в высоту; я очищу тебе крыла, дам тебе такое учение, которое поднимет тебя вверх, вознесу тебя в эфир, как легкокрылую птицу.

Скажи и ты, негодная, зловонная плоть! Поскольку я — владычица, сопряжена с тобою пищеваром, то скажи: чего ты хочешь себе, чтобы удержать в себе дыхание? Я должна тебе немногим, хотя стараешься вынудить у меня многое. Хочешь ли иметь стол, благоухающий от мира и излишних поварских ухищрений, слышать восторгающие звуки музыкальных орудий и рукоплесканий, видеть пляски юных отроков, не свойственные мужам, и круженье дев, неблагочинно обнаженных, так

как все это учреждают на пиршествах любители стыдодеяния, чтобы еще более разгорячить вино, омрачающее ум? Если этого хочешь ты от меня, то скорее получишь удавку. Я ненасытным друзьям предлагаю следующее! Пусть сокроет тебя какой-нибудь приют, или сам собою образовавшийся в каменной горе, или если надобно тебе и потрудиться дело нескольких часов. Одеждою пусть будет у тебя или верблужий волос, по уставу праведников, или даже кожа — покров древней наготы. Для ложа бери, что случилось; а трава и древесные ветви да будут у тебя пурпуровой скатертью, не опасною для сопиршественников. И приятно благоухающая трапеза да предлагается у тебя без дальних приготовлений из тех безыскусных даров, какие дружелюбная земля расточает всякому. А устроив твое

помещение, и напитаем тебя охотно. Хочешь ты есть? Бери себе хлеб, если случится, даже и житный. А для варенья без меры даем тебе соль и дикий лук — не купленный овощ; другою лучшею приравой пусть будет голод. Хочешь ли ты пить? Пред тобой струится вода — всегда через край льющаяся чаша, питье, не производящее опьянения, наслаждение, заимствуемое не у виноградной лозы. А если хочешь и пороскошничать, то не пожалеем укуса. Но тебе и этого будет недостаточно. Ты неутомимо и ненасытно хочешь черпать удовольствие дырявою бочкой. Ищи же себе другого попечителя; а у меня нет досужего времени лелеять своего домашнего врага, который бы уязвил меня, как окостеневшая от стужи и потом в недре моем отогретая змея. Ты хочешь огромных до-

мов, позолоченных потолков, искусных произведений живописи и мозаики, едва не живых изображений, стен, блестящих разными и искусно подобранными цветами? Хочешь пышной одежды, к которой нельзя и притронуться, хочешь богатых перстней и этого убранства, смешного для тех, которые учатся целомудрию, а еще более смешного для меня, который знает одну внутреннюю красоту?

Так говорю вам, смертным, которые пресмыкаетесь долу, ищите одного скоропреходящего и ни на что больше не обращаете внимания! А живущим благородно и достойно этой доли, которая во мне от Бога и срастворена с брэнною моею дебелостию (заметь величавость нищего), предложу вот какую пищу: «Богомудрый! Пройди мимо пламенеющего меча, будь делателем Божествен-

ных растений, цветущих разумом, которых лишил меня враг, уловив сластолюбием. Приступи опять к дереву вечно пребывающей жизни, а она, как нашел я, есть ведение Всевышнего Бога, Единого Трисиянного Света, к Которому стремится все». Так скажет сам себе всякий, если он мудр. А кто не захочет сказать, тот напрасно провел жизнь. И если бы еще только напрасно, а не в величайшем зле!

Мысли, писанные четверостишиями

Я — труд Григориев и в духовных изречениях сохраняю четверостишный памятник мудрости.

1. Чему отдашь предпочтение — деятельной или созерцательной жизни? В созерцании могут упражняться совершенные, а в деятельности — многие. Правда, что то и другое и хорошо,

и вожделенно; но ты к чему способен, к тому и простирайся особенно.

2. Некто просил у меня решения на вопрос о чем-то духовном. Готов, отвечал я, если ты смыл с себя скверну. Но ты уже имеешь целомудренный ум. Если смыл с себя прежнюю скверну, нужно и теперь очищение. В смрадный сосуд не кладут на сбережение благовонной масти.

3. Не всякому слову противься, не всякому и следуй; но знай: какому и когда противиться или следовать. Более будь привязан к Богу, чем стой за учение о Боге. Всякое слово можно оспаривать словом, но жизнь чем оспоришь?

4. Или вовсе не учи, или учи доброю жизнью. Иначе будешь одною рукою притягивать, а другою отталкивать. Меньше потребуется слов, если

делаешь, что должно. Живописец больше учит своими картинами.

5. Особенно вам, служителям алтаря, советую не быть оком, исполненным тьмы, чтобы не оказаться первыми в порочной жизни. Ибо если свет темен, чем будет самая тьма?

6. Безгласное дело лучше неисполнимого слова. Никто никогда не стал высоким без добрых дел, а многие прославились без красного слова. Благодарь дается не тому, кто говорит, но тому, кто хорошо живет.

7. Наилучший дар Богу — добрые нравы. Хотя бы ты все принес Ему, однако не принесешь ничего достойного. Приноси то, что дает и бедный. Чистый не берет себе доли из цены блудницы.

8. Ничего не обещай Богу (см.: Еккл. 5, 4), даже и малости; потому что все

Божие, прежде нежели принято от тебя. И что еще скажу? Не отдав обещанного, ты крадешь это сам у себя. Какой же необычайный примешь на себя долг? Да уверят тебя в этом Анания и Сапфира.

9. Настоящую жизнь почитай торжищем. Если пустишься в торговлю, то останешься с прибылью, потому что за малое получишь в обмен великое, и за скоропреходящее — вечное. А если пропустишь случай, другого времени для такого обмена уже не будет.

10. Тебе предлежит длинный путь, но еще бóльшая награда. Представляя себе вдруг весь труд, не откажись от всего. И море переплывешь не всё вдруг. А и это нередко бывает искушением неприятного.

11. Не слишком себя обнадеживай и не вовсе теряй надежду. Одно ослабляет, другое низлагает. В чем-ни-

будь преуспевай, другого держись сколько ни есть, а к иному не будь завистлив; недовершенное не сделает бесполезным труд совершенного тобою пути.

12. Не берись за все горячо, но держись того, что избрал. Лучше прибавлять доброго, нежели убавлять у него что-нибудь. Не тех называем худыми, которые стоят низко, но тех, которые, поднявшись высоко, низко падают.

13. И от малой искры возгорается великий пламень; и семя ехидны бывало нередко пагубным. Видя это, уклоняйся и того, что производит малый вред. Теперь вред невелик, но со временем сделается он большим.

14. Разбирай больше сам себя, нежели дела ближних: одно доставляет пользу тебе, другое — ближним. Лучше вести счет делам своим, нежели деньгам; последние текут, а первые постоянны.

15. Пусть непрестанно трудится твой ум, напечатлевая в себе Божественные мысли и глаголы жизни. А на язык будь скуп, потому что он весьма способен делать вред, и чем скорее движется, тем меньше приносит пользы.

16. Меня обольщало зрение, однако же я удержался, не поставил в себе кумира греху. И кумир был поставлен но мы избежали искушения. Все это степени борения с неприязненным врагом.

17. Залепляй воском уши от гнилого слова и от неблагоприличных извятий усладительного пения. Но отвержай слух для всего доброго и прекрасного. Между словом, слышанием и делом расстояния невелики.

18. Не обольщайся чрез меру приятностями запахов, мягкостию осязания и вкусом. Уступив им над собою

верх, произведешь ли что мужественное? Различны между собою услаждения, приличные женам и мужам.

19. Чрево говорит: дай. Охотно дам, если, получив просимое, сохранишь целомудрие. А если жертвуешь этим должному, то получи от меня грязь, да и ту не в избытке. Когда же сделаешься воздержным, тогда дам и в избытке.

20. Для людей здравомыслящих достоин смеха как вообще всякий смех, так еще более смех блуднический. Непристойный смех бывает и до слез. Лучше быть угрюмым, нежели рассеянным.

21. Красотою почитай благолепие души — не то, что могут написать руки, а время разрушить, но то, что усматривается взором целомудренного ума. А подобно этому и безобразием признавай душевную гнусность.

22. Тебе предстоят скорби, удовольствия, надежды, опасения, богатство, нищета, слава, бесславие, престолы; пусть течет все это, как хочет. До человека, утвердившегося на добром основании, не касается ничто непостоянное.

23. Возвышайся более жизнью, нежели мыслию. Жизнь может сделать тебя богоподобным, а мысль доведет до великого падения. И жизнь устрой не по малой мерке. Как бы ни высоко взошел ты, все будешь еще стоять ниже заповеди.

24. Не за всякою славою гонись, и гонись не слишком; лучше быть, нежели считаться добрым. А если не можешь себя умерить, лови славу, но не суетную и не новую. Что пользы обезьяне, если примут ее за льва?

25. Хвали другого, но не думай высоко о себе, когда тебя хвалят; ибо

опасно, чтобы не оказаться тебе ниже похвал. И другого хвали не торопясь, но прежде дознай опытно, чтобы не понести тебе стыда, когда окажется он худым.

26. Лучше о себе слышать худое, нежели говорить худо о другом. Ежели кто, желая позабавить тебя, выставляет ближнего на посмешище, то воображай себе, что предметом смеха служишь ты сам; в таком случае слова его всего более огорчат тебя.

27. Не хвались добрым плаванием, пока корабль твой не привязан к берегу. У многих счастливо плывшая ладья разбивалась у пристани. Многих уносил девятый вал. Одно безопасно — не слагать вины на счастье.

28. Тому лучше возыметь некоторое дерзновение пред Владыкою, кто живет хорошо и потрудился, нежели тому вызывать Его на суд, кто не отличает-

ся добрыми делами, хотя и все у него идет с рассуждением.

29. Откажись от всего и стяжи Единого Бога, потому что ты раздаятель чужого имущества. А если не хочешь оставить все, то отдай бóльшую часть. Если же и того не хочешь, по крайней мере излишки употребляй благочестно.

30. Хорошо уберечь что-нибудь от моли и от зависти. Лучше иметь должником Христа, нежели всем обладать. Христос за один кусок хлеба дарует царство; а питая нищего, ты питаешь и одеваешь Христа.

31. Приходил нищий и ушел, ничего не получив. Боюсь, Христе, чтобы и мне, который имею нужду в Твоей помощи, по моим же законам, не отойти от Тебя ничего не получившим. Ибо кто не дал, тот и получить не надейся.

32. Всего безопаснее человек немущий. Он обращен к Богу и на Него одного взирает. Укрой же его в своих объятиях. И мощный орел, как говорят, согревает в гнезде своем мелкую птицу.

33. Нищета лучше несправедливого приобретения, равно как и болезнь лучше худого здоровья. Человек не вдруг умирает с голода; но для порочных худая жизнь есть смерть.

34. Что значат слова: господин и слуга? Какое дурное деление! У всех один Творец, для всех один закон, один суд. Принимая услугу, смотри на служащего как на сослуживца и сподобишься большей чести, когда разрешишься от тела.

35. Что же должны делать рабы, особливо рабы Божии? Да не отказываются они угождать господам. И в свободные, и в рабы вписывает жизнь.

Христос пришел в образе раба, но Он освободил нас.

36. Стыдись наименования порочным, а не низким по происхождению. Знатность рода есть давнишняя гнилость. Лучше начать, нежели заключить собою род, равно как лучше самому быть пригожим, нежели родиться от пригожих.

37. В рассуждении одного Бога и божественного не знай меры в насыщении. Бог в еще большей мере дарует Себя тем, которые приемлют Его. Он Сам жаждет жаждущих Его, непрестанно и преизобильно источая Себя им. А если кто богаче тебя в другом чем, терпи это равнодушно.

38. Не заботься во всем и всегда одерживать верх. Лучше уступить над собою победу с пользою, нежели победить со вредом. И у борцов почитается

побежденным не всегда тот, кто лежит внизу, но часто и тот, кто остается сверху.

39. В ином понеси и ущерб: это часто бывает выгодно; как и растение подрезывают, чтобы больше принесло плодов. А если к тому, что имеешь теперь, присовокупишь что-нибудь недобрым способом, будет значить, что подкладываешь огонь под дрова или здоровому телу сообщаемь болезнь.

40. Если ты ни в чем не виновен пред Богом и ничем не заслужил наказания, то не имей сострадания и к тем, которые виновны пред тобою. А если сознаешь себя виновным пред Богом, то оказывай снисходительность и сам, потому что у Бога милость взвешивается милостию.

41. Как скоро обида разжигает твое сердце, вспомни о Христе и о Его яз-

вах, рассуди, что претерпеваемое тобою
вах, рассуди, что претерпеваемое тобою
весьма маловажно в сравнении со стра-
даниями Владыки, — и тогда, как во-
дою, угасишь свою скорбь.

42. Плотская любовь, пьянство, рев-
ность и бес равны между собою. К
кому пришли они, у того погублен ум.
Умерщвление плоти, молитва, слезы —
вот целебные пособия! Это составляет
врачевство и для моих недугов.

43. Избегай всякой клятвы. Но чем
же утвердить других? — Словом и
жизнию, удостоверяющею в слове.
Ложная клятва есть отречение от Бога.
К чему призывать в посредники Бога?
Сделай, чтобы посредником твоим были
твои добрые нравы.

44. Что короче этого повеления о
милости? Таков будь к друзьям и ближ-
ним, каким желаешь иметь их к себе.

Но есть другое и этого короче — это Христовы страдания.

45. Ничего не жале́й для верного друга, который показал себя не за чашей, но в бурное время, который ничего не делает тебе в угождение, кроме полезного. Зна́й пределы вражде, а не благорасположению.

46. Глаз другое видит, а себя не видит; даже и другого не видит, если очень слеп. Поэтому надобно во всяком деле иметь советника. И руке нужна рука, и ноге — нога.

47. Ежели следуешь советам добродетельных, то не стыдись, когда станут осмеивать тебя порочные. И как скоро приходит тебе на мысль что-нибудь гнусное, представь, что многие на тебя смотрят, и устыдись сам себя.

48. Доброго всегда предпочитай недоброму. Обща́ясь с порочными, и

сам непременно сделаешься порочным. От худого человека никогда не принимай милости, потому что он старается чрез это найти у тебя извинение своим делам.

49. Хочу, чтобы попользовались чем-нибудь и от неприятного. Ибо тому, кто избежал его нападений, советую вперед быть осторожнее. И горького лекарства боюсь, и сладкого не одобряю.

50. Награждай добрых, презирай злых. Но и последним оказывай одну милость, нимало не оскорбляйся их поступками, чтобы великодушием и их со временем сделать добрыми. Прекрасный дар — милость.

51. Будь милостив ко всем, если это возможно; а еще милостивее к ближним. Для чего говорю это? Кто поверит, что ты добр к чужим, если несправедлив к тем, кому должен?

52. Для чего слагаем во всем вину на бедного врага, когда сами своею жизнью даем ему над собою власть? Укоряй себя самого во всем или в большей части проступков. Огонь зажигаем мы сами, а злой дух раздувает пламень.

53. Не слишком поддавайся игровым снам. Они не должны как и пугать твой ум, так и окрылять его неприятными мечтами. Все это бывает часто сетью неприязненного врага.

54. Всякому правому -намерению пусть предшествует надежда. Она помогает иногда и в худом; и потому не справедливо ли, чтобы еще более содействовала в добре? Несносно для меня, что преодолеваюсь злым.

55. Верь, что благоразумие надежнее счастья. Одно есть быстрое течение обстоятельств, а другое — корми-

ло. Ничего не предпочитай учености; она одна составляет собственность приобретших ее.

56. Если хочешь быть богом, показывай свою деятельность не в том, чтобы делать зло, но в том, чтобы делать добро. Последнее свойственно человеку, который знает, что ему сродно. А убить без труда могут и тригон¹, и скорпион.

57. Стыдно юноше быть немоощнее старца, а старцу — безрассуднее юноши. Впрочем, будь мудр хотя по летам; а совершеннейшие бывают целомудренны и не по летам.

58. Непрестанно устрояй свое спасение, особливо же когда приближается конец жизни. Наступила старость — это провозвестница, которая извещает об исходе. Всякий готовься: потому что близок суд.

¹ Морская рыба, род раи.

59. Конец слова. Отречение от Бога бывает двоякое: одно словом, другое делом. Смотри, чтобы не уловил тебя враг; он непрестанно угрожает тебе тайными падениями. Бойся, чтобы не сделалось для тебя нужным конечное очищение.

Мысли, писанные одностишиями¹

Бога имей началом и концом всякого дела.

Самая лучшая польза от жизни — умирать ежедневно.

Старайся узнавать все поступки добродетельных.

Тяжело жить в бедности, но еще хуже разбогатеть неправедно.

Деляя благотворения, думай, что подражаешь Богу.

¹ В греческом каждая мысль составляет стих, и первые буквы стихов следуют порядку греческого алфавита.

Милости Божией ищи себе милостями к ближним.

Владей плотию и смирай ее как можно лучше.

Обуздывай гнев, чтобы не выступать из ума.

Удерживай око, и язык пусть знает меру.

Уши пусть будут замкнуты ключом, и да не любодействует смех.

Светильником всей своей жизни признавай разум.

Смотри, чтобы из-за видимости не ускользнула у тебя действительность.

Все разумей, но делай, что позволено делать.

Знай, что сам ты странник, и уважай странников.

Во время благополучного плавания наипаче помни о буре.

Что дается от Бога, все то должно принимать с благодарением.

Лучше наказание от праведника, нежели честь от порочного.

При дверях у мудрых стой неотступно, а у богатых не стой никогда.

Маловажное не маловажно, когда производит великое.

Обуздывай наглость и будешь великий мудрец.

Береги сам себя, а над падением другого не смейся.

Приятно возбуждать к себе зависть, но весьма постыдно самому завидовать.

В жертву Богу преимущественно пред всем прочим приноси душу.

О если бы кто соблюл это! Он спасется.

На женщин, которые любят наряды

Не стройте, женщины, на головах у себя башен из накладных волос, не вы-

ставляйте напоказ нежной шеи; не покрывайте Божия лика гнусными красками и вместо лица не носите личины. Женщине неприлично показывать мужчинам открытую голову, хотя бы золото вплетено было в кудри, или несвязанные волосы, как у скачущей менады, развевались туда и сюда нескромными ветерками. Ей неприлично носить наверху гребень наподобие шлема или видную издали мужчинам и блестящую башню. Неприлично и то, чтобы сквозь тонкий лен просвечивали твои волосы, вместе и покрытые, и открытые, и, сияя, как золото, где сбежало покрывало, выказывали мастерство твоей трудившейся руки, когда, поставив перед собою слепого наставника — бездушное изображение своего лица, с его помощью писала ты свою красоту.

Если природа дала вам красоту, не закрывайте ее притираниями, но чистую храните для одних своих супругов и не обращайтесь на постороннего жадных очей, потому что вслед за очами неблагочинно ходит и сердце. А если при рождении не получили вы в дар красоты, то избегайте второго безобразия, то есть не заимствуйте красоты у рук, — красоты, которую доставляет земля, которую распутные женщины покупают, и покупают за несколько олов, красоты, которая стирается и стекает на землю, не может удержаться на тебе во время смеха, когда веселие приводит в трепет ланиту; красоты, которую изобличают в подлоге ручьи слез, увлажняющий ланиты страх и уничтожает капля росы. Теперь блещут и полны прелестей твои ланиты; но вдруг (к великому смеху) являются они двух-

цветными — где темными, а где бело-мраморными. Ибо тебе, подсурмившаяся и подрумянившаяся, возможно ли удержать на себе обличаемую в подлоге красоту? Она была бы прилична на неподвижных статуях; но у тебя накладная личина разрушается от многих причин. Одно тело дано тебе Богом, а другое есть произведение твоей руки; одно ветхо, другое ново. Это луг, на котором растут попеременно цветы двух родов — и приятные, и неприятные. Это двухцветная одежда, по которой идут многие полосы. Поэтому или не расписывай своего тела, или, расписав, постарайся сберечь; не прибегай к постыдным пособиям прикрашивать свой вид. Не трудись над Пенелопиной тканью, в которой надобно ночью распускать, что соткано днем: будучи внутри Гекубой, не будь снаружи Еленой.

Если и достанет у тебя хитрости
сокрыть что-нибудь от супруга, хотя и
неудобно Божий образ закрыть смерт-
ной личиной, то смотри, чтобы прогне-
ванный Бог не сказал тебе так: «От-
вечай, чуждая Мне тварь! Кто и отку-
да этот творец? Я не пса живописал,
но создал собственный Мой образ. Как
же вместо любезного Мне образа вижу
кумир?»

Но уступим нечто твоей болезни.
Впрочем, если явно, что ты живопис-
ная картина, в которой один лик нало-
жен на другой, то знай, что ты ставишь
позорный столп, издали видный людям,
когда пишешь одушевленный образ
Алкиноя. Твои прелести — бесплод-
ный Адонисов сад, цвет полипа, пись-
мена на песке. Но, походя на галку,
описанную в басне, и зная, что эта пти-
ца, гордившаяся чужими перьями, вскоре

была ошипана и предана осмеянию, как и ты не подумаешь о последнем позоре, о пагубной красоте? Или надеешься, что твоя блистательная наружность не изменится? Но в скором времени увидишь, сколько приносит горестей чужая красота.

Спрашиваю, что пользы в накладной красоте, когда старость покрывает морщинами лицо, дотоле цветущее, когда дряхлых членов нельзя закрыть никакими прикрасами и остаток плоти походит на что-то обожженное огнем и вынутое из пепла? Тогда уже поздно оплакивать обманчивую красоту, когда оставшееся, по множеству морщин, не дает места обезьяне. Такова прелесть подкрашенных членов! Но поставьте теперь, превосходная, изображение своего лица, каким было оно прежде. Я не почту его верным, да и тебе прежде

всего надобно пожелать, чтоб не было глаз ни у одного из тех мужчин, которые прославляли тебя некогда и не могли отвести от тебя очей, когда ты гордою поступью расхаживала перед ними.

Смеха достойно и то, что, стараясь утаиться от мужчин, мужчин же вводишь в тайны своей красоты. Ибо те составы, которыми ты восхищаешься, приготовляли мужчины — грабители собственных своих домов, строители безумной своей страсти. Это изобретения не целомудрия, но распутства; и распутство видно во всем том, на что ты ухищряешься для мужчин. Рассказывают о гордом павлине, что, когда изогнув шею в виде круга, поднимает свои золотистые и звездами усеянные перья, тогда начинает приветливо скликать своих жен: удивительно будет для

меня, если и ты подкрашиваешь свое лицо не для похотливых очей.

Если ты к супругу своему питаешь такую же любовь, какую и он к тебе с тех пор, как цветущею девою ввел тебя в брачный чертог, то это приятно ему. Но если стараешься понравиться взорам других, то это ненавистно твоему супругу. Лучше тебе внутри дома своего скрывать прелести, данные природой, нежели неблагочинно выставлать напоказ прелести поддельные. Ибо супругу довольно и природной твоей красоты. А если красота выставлена для многих, как сеть для стада пернатых, то сперва станешь любоваться тем, кто тобою любит, и меняться взорами; потом начнутся усмешки и обмен словами, сначала украдкой, впоследствии же с большею смелостию. Но остановись, говорливый язык, и не

произноси того, что последует за этим. Впрочем, скажу за несомненное, что всякая шутка женщины с молодым мужчиною уязвляет, как острое жало. Здесь все неразрывно идет одно за другим, подобно тому как железо, притянутое магнитом, само притягивает другое железо.

О как бы хорошо натирать белилами и румянами (и еще в избытке) не женщин, но тех безрассудных мужчин, которые, ежедневно имея пред собою этот срам, сами себе застилают глаза туманом и услаждаются грехом! Они поражают злословием прекрасных женщин, сами же своими срамными делами уподобляются свиньям: а может быть, и действительно попали бы в темные свиные хлевы, если бы Цирцея помазала их тем составом, которым она людей превращала в зверей; ибо они

не гнушаются прикрасами и сами подкладывают в огонь сухие дрова, когда надлежало бы их убавлять, а не прибавлять. И есть мужья, которые стараются превзойти друг друга в нарядах жен, чтобы одному перед другим иметь преимущество в неразумии. Часто и при недостаточном состоянии употребляют они все усилия, чтобы возбудить наглость своих жен. Но ты, верно, никогда не давал меча своего врагу и горному потоку не открывал пути на свои нивы.

Говорят, что по похищении небесного огня пришла к людям Пандора наказать за один огонь другим, за благодетельный — губительным. А чтобы она как можно более воспламенила людей, демоны украсили ее разнообразными красотами, и каждый из них приложил что-нибудь от себя; все же

это совокупив воедино, пустили они к людям это многосложное обольщение, это любящее пиры, увлекательное, бесстыдное, сладкоречивое услаждение, эту никогда не потухающую головню. Не верю я басням, однако же скажу, с твоего позволения: не будь и ты многоличной Пандорой. Пандорин род — бесстыдные женщины. Но ты — Христов образ и сияй целомудрием и благоразумием.

Но вот уже не баснь; послушай моих советов, какие изреку тебе из Пребожественного слова. Или не знаешь, как и древле твоего праотца обольстило своею доброцветностию человекоубийственное древо и как хитрость врага и убеждение супруги и обольстили, и немедленно изринули его из зеленеющего рая? С этого-то времени, дочь моя, такой отеческий закон: никогда не по-

лагаться на доброзрачность. Ибо всякая красота — для меня кратковременная прелесть; ее приносит весна, и тотчас губит холодная зима, или преждевременно истощает болезнь, или истребляет немилосердное время, ведя за собою круг всепосядающих лет.

Очень смешно, когда женщина, имея некрасивую наружность, знает это и, гордясь своим безобразием, презирает Данаю. Но еще гнуснее (так говорят знающие, я неспособен к такому злоречию), когда все имеют общий недостаток, однако же желают скрывать его одна от другой. Что опаснее такой болезни? Плотник понимает работу плотника; искусный певец узнает искусного в пении, и вор видит вора. А женщины не хотят, чтобы другие понимали в них то, что сами понимают в других. Так справедливо то, что порок ослепляет глаза.

Но смешны мужчины, когда, любуясь доброцветностию движущихся картин, оказывают уважение лицам, над которыми сами смеются. Думаю же, что они любят не столько картинами, сколько прихотливостию мужчин; чему доказательством служат краски.

Рассказывают, что один скитался по утесам, влюбившись в пустой и не имеющий вида отголосок, называемый эхом. А другой воспылал любовью к собственному своему изображению и бросился в источник, чтобы обнять подобие гибельной своей красоты. И еще одна уязвилась любовью к прекрасным струям реки, в безумной страсти не могла отойти от милых берегов, лобзала воду, черпала ее руками и ловила пену; но и водами не могла угасить в себе пламенеющей любви. Так слепа и непреклонна любовь!

Нимало не удивительно, если и ты, расцвеченная, розоперстая, одетая в роскошные ткани и носящая высоко голову, сведешь с ума молодого человека, и даже не одного, но всякого, для кого расписываешь себе лицо. Верю, что один мудрый муж своим искусством ввел в обман тельца, изобразив красками на доске телицу. Необычайна такая любовь — живые звери стремятся к бездушным изображениям! Но и ты иногда ухищряешься возбудить то же в молодых людях. Орфей увлекал за собою зверей, а ты влечешь мужчин, у которых зверонравен ум и жено-неистова жизнь.

Если ты и не покоряешься плотской похоти, а служишь только похоти очей, то и эта воздушная любовь есть уже болезнь. Но совершенно ли ты неуязвима? Готов я этому верить; но и

то уже нехорошо, если молва приписывает мне и не сделанный мною грех. В таком случае, хотя сама ты и благо-разумна, но многим другим дашь урок неблагочиния. Порок течет быстро. Другие употребляют искусство, чтобы прикрыть и скверную свою жизнь, а у тебя и на целомудрии лежит какая-то чернота. Если и целомудренные станут любить наружную блистательность, то других женщин не убедишь иметь целомудренное сердце.

По учению нашего закона, не должно с похотливым желанием и очей устремлять на чужую жену, потому что бесстыдный взор — начало бесстыдной любви, и только избегающий такого взора избежит и греха. Как же ты, открывающая пред мужчинами пояс любви, сохранишь себя вдалеке от греха прелюбодеяния?

Но (старость говорлива) расскажу тебе баснь, которая очень идет к вашему позору. По одному древнему преданию, в роде человеческом не различалось прежде, кто хорош и кто худ; но многие, хотя были добродетельны, почитались беззаконниками, и, наоборот, многие, хотя были безрассудны, слыли добрыми; самых бесчестных людей сопровождала слава, и совершенных преследовало бесславие, но ни тем, ни другим не было правосудия. Но не сокрылся от Царя-Бога царствующий в мире грех, и, восскорбев об этом, провещал Он наконец такое слово: «Несправедливо, чтобы слава Моя была и на добрых, и на злых; от этого грех еще более усилится. Поэтому дам им верный отличительный признак, по которому легко узнать, кто порочен». Сказав это, ланиты у добрых покрыл

он румянцем так, что при виде чего-либо постыдного тотчас разливается под кожей кровь; особливо женщин наделил Он румянцем в большей мере; потому что и кожа у них прозрачней, и сердце нежнее. Но у злых Бог сгустил кровь и сделал неподвижною во внутренности, так что и от стыда нима-ло не приходит она в обращение.

Куда же причислю тебя, изукрасившая свои ланиты? Для меня неважен твой румянец, хотя и до чрезмерности покрывает он твою наружность; ибо это румянец бесстыдства, отрождение того румянца, который в древности потоплен содомским огнем. Не расписывай себе лица, распутная женщина, не подделывай своего цвета; я признаю ту одну красоту, которую дала природа; потому что богатство, оставленное мне отцом, лучше того, которое

собрала рука моя незаконно; пусть оно мало, но обильнее последнего. Так и законную жену предпочитаю любодейце. Родные дети, хотя и некрасивы лицом, милее красивых, но усыновленных. Помня это, сохраняй тело свое таким, каково оно по природе, и не желай, чтобы тебя почитали инаковою, нежели какова ты в действительности.

Кельты испытывают в струях Рейна, законно рождены ли их дети. И часто золото пробуетеся на углях. Так о целомудрии твоего сердца заключаю по неукрашенной красоте твоего лица. Да не кладет на тебя своей печати темный велиар! Он или совершенно обратит тебя в пепел, или очернит своим дымом и за краткое наслаждение покроет позором. Не для благородных дорого золото, перемешанное с

драгоценными камнями и сквозящим своим блеском поражающее взоры, в виде цепи разложенное по персям, жемчужным бременем отягчающее и обезображивающее уши или увенчивающее голову. Не для благородных дороги эти золотые одежды, эти хитрые произведения из тонких нитей, то багряные, то золотистые, то прозрачные, то блестящие. Не губительные для ланит составы, не подрумяненные уста украшают женщину. Ее красота не в том, чтобы поверх расписанных веждей носить черную бровь, заворачивать внутрь увлажненные зрачки, изнеженным голосом привлекать к себе благосклонный слух, руки и ноги стянув золотыми вожделенными и приятными для тебя узами, представлять из себя что-то рабское, тело и голову умащать роскошными благовониями (на трупы

слетаются вороны)¹, жевать во рту что-нибудь не употребляемое в пищу², держать в непрерывном движении подбородок и как бы из презрения к целомудренным, из зубов и из увлажненных уст точить пену. Не восхищайся блистательностью седалищ, не старайся выказывать себя сквозь искусно сделанные и сквозящие створки, высматривая тех, которые на тебя смотрят. Не гордись ни множеством слуг, ни служанками — этими подобиями твоего сердца. Вестники весны — ласочки, плодов — цветы; по служанкам можно заключать о госпоже. Размысли обо всем этом. Хотя не важно неприличие чего-нибудь одного, однако

¹ Этим святой Григорий, вероятно, делает тот намек, что умащать² благовонием прилично одни трупы.

Здесь указывается на обычай щегольливых женщин жевать дерево или другое что-нибудь твердое, чтобы, непрерывно возбуждая во рту слюну, поддерживать свежесть уст и не давать губам пересыхать.

же все вместе и одно при другом — несомненная пагуба.

Один цвет любезен в женщинах — это добрый румянец стыдливости. Его живописует наш Живописец. Если хочешь, уступлю тебе и другой цвет: придай своей красоте бледность, изнуряя себя подвигами для Христа, молитвами, воздыханиями, бдениями днем и ночью. Вот притиранья, годные и незамужним, и замужним! А красильные вещества побережем для стен и для таких женщин, в которых производит бешенство и помет молодых людей. Они пусть и скачут, и смеются бесстыдно; а нам не позволено даже и смотреть на распутных женщин.

Лучшая драгоценность для женщин — добрые нравы, то есть сидеть больше дома, беседовать о Божием слове, заниматься тканьем и пряжей (это

обязанность женщин), распределять работы служанкам и избегать с ними разговоров, на устах, на глазах и на ланитах носить узы, не часто переступать за порог своего дома, искать себе увеселений только в обществе целомудренных женщин и в одном своем муже, для которого ты, с Божиего благословения, разрешила девственный пояс. Да и вольностям мужа полагай меру, чтобы тем самым уверить его, как далеко ты держишь себя от чужих мужчин.

Да погибнет тот, кто первый начал раскрашивать Божию тварь, потому что он первый примешал к краскам бесстыдство. Как иногда бесстыдные скорморохи, недостойные имени мужей, выставляют наружу изображение сокрытого внутри безобразия, и за этим, естественным образом, следуют у них пляс-

ки, гнусное кривлянье благообразных членов, нравящееся людям безрассудным, — так и эти женщины, надев на себя снаружи чужой образ — этот смехотворный, а не священный покров стыдливости, предаются потом движениям, достойным своего испещренного лица. У них нет покоя ни дверям, ни ключам, ни зеркалам, ни притираньям, ни уборщикам; весь дом приходит в содрогание. И все это от тщеславного желания расписать себе лицо. Но целомудренная красота, которая не знает убранств, не требует и таких беспокойств. Если же ты столько гордишься накладною красотой, то не можешь иметь и здравого понятия о красоте неподдельной. Привлекательна была наружность у Есфири; но что было плодом ее чрезвычайной красоты? Спасение целого народа. Расписывала себе

некогда очи зверонравная блудница Иезавель, и блудническою кровью омыла свои стыдодояния. Но от тебя не требуют утолять гнев царя; тебе нет доли и с блудницами: береги же свое целомудрие.

Как не приходишь ты в трепет, когда преклоняешь пред иереями свою главу — это позорище, на котором появляются разные личины? Как не содрогнутся эти руки, которыми ты расписывала свою достойную слез красоту и которые потом простираешь к таинственной Снеди? Даже и к мученикам, в память которых усердный народ, чтя драгоценную кровь, составляет хвалебные лики, являешься ты с лицом, обольщающим многих, подобно торжищному шуту, который влечет за собою по городу толпу, или подобно укротителю зверей, который из темных нор вытаскивает змей? Послушайся

моих советов, женщина, и не поддавайся мысли накладывать руку на лицо свое. С такими женщинами, дочь моя, не плавай на одном корабле, не ходи на общий совет, не живи под одной кровлей. Другим предоставь излишества; а ты бойся и похвалу выслушать из уст мужчин — в этом слава женщин.

Если жизнь твоя совершенно свободна от уз, живи для одного Христа, отказавшись от всего, будь светлою, мудрою, рассудительною девою и чистым женихом своего сердца имей Слово. А если овладела тобою любовь к тому ребру, от которого ты отделена, то и заботься об этом одном милом ребре, питая к нему добрую, благородную, а не порочную любовь; с другими же страстями не будь знакома и во сне. И ты предстоишь великому Богу и не скро-

ешься, если что-нибудь изнеженное примешаешь к низкому. Много свидетелей на то, что и при грязных одеждах возможна неблагоприличная роскошь, а при пышных — благопристойность. Знай, что для тебя важнее один рубец, нежели самые глубокие раны для миролюбцев. Уважай бисер. Капля не так заметна на замаранной, как на чистой и одноцветной одежде.

Если убедил тебя этим, то доставил тебе пользу. А если ты решилась устоять в своем, то вдвое еще блистай, когда хочешь, и золотом, и янтарем, и серебром, и слоновою костью. Дозволяю это новописанным красотам. А у меня приготовлен столп, и я сделаю на нем надпись; приходи сюда всякий, кому угодно, и любуйся этой красотой.

Советы Олимпиаде

Посылаю тебе, дочь моя, этот добрый подарок; посылаю я, Григорий; а совет отеческий есть самый лучший.

Не золото, перемешанное с драгоценными камнями, служит украшением женщинам, Олимпиада. Царского лика не покрывай румянами — этим нравящимся срамом, на образ свой не наводи другого погибельного образа. Багряные, золотые, блестящие, испещренные одежды предоставь другим, которые не украшены светлою жизнью. А ты заботься о целомудрии, о красоте, достойной удивления для очей внутренних. Добрые нравы — самый лучший цвет в женщине, которая имеет прочную, неизменяемую и достойную прославления красоту.

Во-первых, почитай Бога, а потом супруга — глаз твоей жизни, руково-

дителя твоих намерений. Его одного люби, ему одному весели сердце, и тем больше, чем нежнейшую к тебе питает любовь; под узами единодушия сохраняй неразрывную привязанность. Дозволяй себе не такую вольность, на какую вызывает тебя любовь мужа, но какая прилична; потому что во всем возможно пресыщение. Но хотя и во всем бывает пресыщение, однако же лучше такая любовь, которая не знает оного.

Родившись женщиною, не присвой себе важности, свойственной мужчине, и не величайся родом, не надмевайся ни одеждami, ни мудростию. Твоя мудрость — покоряться законам супружества, потому что узел брака все делает общим у жены с мужем.

Когда муж раздражен, уступи ему, а когда утомлен, помоги нежными сло-

вами и добрыми советами. И укротитель львов не силою усмиряет разъяренного зверя, у которого в бешенстве прерывается дыхание, но укрощает его, гладя рукою и приговаривая ласковые слова.

Сколько бы ни была ты раздражена, никогда не укоряй супруга в понесенном ущербе, потому что сам он — лучшее для тебя приобретение. Не укоряй и за то, что конец дела противен его предприятию. Это было бы несправедливо, потому что, по ухищрению демона, часто и благоразумные предприятия не достигают своей цели. Не укоряй его также в недостатке сил, потому что в мече всегда есть сила.

Кого не любит муж твой, того не хвали с хитрым намерением неприметно уязвить мужа словом. Благородным мужам и женам, а особливо женам, и

во всяком другом случае прилична простота сердца.

Радости и все скорби мужа для себя почитай общими. Пусть и заботы будут у вас общие, потому что через это возрастает дом.

И твой совет может иметь место, но верх должен быть мужнин.

Когда муж скорбит, поскорби с ним и ты несколько (сетование друзей служит приятным врачевством в печали), но вскоре потом, приняв светлое лицо, рассеяй грустные его мысли; потому что сетующему мужу самая надежная пристань — жена.

Твоим занятием пусть будут прялка, шерсть и поучение в Божием слове, попечение же о внешних делах предоставь мужу.

Не выходи часто за двери дома, в места народных увеселений и непри-

личных собраний; там и у стыдливых похищается стыд, там взоры смешиваются со взорами; а потеря стыда — начало всех пороков.

И в добрые собрания приказываю тебе ходить с благоразумными, чтобы в уме твоём напечатлелось какое-нибудь доброе слово, которое бы или искоренило в тебе порок, или крепче привязало тебя к добродетели.

Дом твой — для тебя и город, и рощи. Не позволяй себя видеть посторонним, кроме целомудренных родственников или иерея и седины, которая для тебя лучше юности. Не кажись и женщинам, которые высоко носят голову и ведут себя открыто. Не кажись и благочестивым мужам, даже много уважаемым тобою, как скоро супруг твой не хочет иметь их в своём доме. Ибо кто доставит тебе столько

пользы, как добрый супруг, если ты его одного любишь?

Будь высокоумдренна, но не высокоумна.

Хвалю женщин, которых даже не знают мужчины.

Не спеши на брачный или именинный пир, где пьянство, пляски, смех и необаятельное обаяние. Это приводит в расслабление и целомудренных, как солнечный луч топит воск.

И у себя, в присутствии ли благосклонного супруга или в отсутствие его, не делай домашних попоек. Если чреву положена мера, то, может быть, возобладаешь над страстями. Невоздержного же чрева и я боюсь, боится и супруг твой.

На щеках твоих не должно быть ни похотливых движений, ни гневных трепетаний. Это постыдно для всякого

человека, особенно же для женщины, и делает лицо безобразным.

Уши свои укрась не жемчугом, но привычкой внимать добрым речам, а для худых речей замыкать их ключом ума. И отверстые и замкнутые уши твои да будут целомудренными слушателями.

Пусть девственная стыдливость в присутствии супруга разливает у тебя под веждами чистый румянец. Покрывайся румянцем, когда смотрят на тебя другие; а сама старайся ни на кого не смотреть и к земле опускай брови.

Если у тебя не обуздан язык, всегда будешь ненавистна мужу. Продерзливый язык причинял часто зло и невинным. Лучше молчать, когда и самое дело вызывает на слово, нежели говорить, когда и время не дает места нескромному слову. Твое слово да остается предметом желаний.

Ноги, идущие борзо, — ненадежные свидетели целомудрия; и в самой походке бывает нечто наглое.

Выслушай и это: не предавайся неукротимой плотской любви, не во всякое время ищи удовольствий супружеского ложа; убеди супруга оказывать уважение к святым дням; потому что образу великого Бога свойственно покорствовать законам, хотя сам бесплотный Сын дал нашему роду брачный закон, созданию руки Своей оказав ту помощь, что, когда одни отходят, а другие приходят, длится поколение и изменяющийся человеческий род уподобляется реке, которая и не стоит на месте, по причине господствующей смерти, и всегда полна вследствие новых рождений.

Но для чего мне говорить подробно обо всем? Могу дать тебе, дорогая моя,

совет, но и его гораздо лучше есть у тебя Феодосия — этот Хирон между замужними женщинами. Она для тебя — живой образец всякого слова и дела; она приняла тебя от отца и образовала в тебе добрые нравы. Это единокровная сестра неукоризненного архиерея Амфилохия, громозвучного вестника истины, моего украшения, которого вместе с непорочною Феклою препроводил я к Богу.

А если от моей седины приняла ты какое-нибудь высокомудрое слово, то повелеваю соблюдать его в сокровенностях сердца. Этим приобретешь благоволение у супруга, доброго градоправителя; и если бы стал он превозноситься, превзойдешь его славою.

Вот мой тебе дар! А если нужен дар лучший, то желаю тебе стать многоплодною нивою чадам чад, чтоб боль-

шим числом людей песнословим был великий Бог, для Которого родимся на свет и к Которому шествовать отселе положен нам закон.

Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою

Цель этого слова — изобразить ход моих несчастий, а может быть, и счастливых обстоятельств жизни, потому что один назовет их так, другой иначе, в каком сам, думаю, будет расположении духа. А наш произвол — ненадежное мерило в суде. Мерная же речь, забавляя, врачует от скорби, а молодым людям служит и уроком, и утешением — одним словом, приятным наставлением.

И слово мое к вам, некогда моим, а теперь для меня чужим, — к вам, и единовѣрные со мною, и неправомыс-

лящие, ежели есть они, потому что всякий стал ко мне благорасположенным, как скоро сомкнул я уста. Вы, именитое око вселенной, обитатели, сколько вижу, нового мира, облеченные лепотами суши и моря, ты, новосозданный Рим, отечество новых знаменитостей, град Константинов и столп державы! Выслушайте человека самого нелживого, который во многих переворотах жизни, где и узнаётся многое, немало понес трудов.

Все ветшает, ветшает даже прекрасное со временем; в остатке — или ничего, или самая малость. Где смыло землю стремительным потоком проливных дождей, там остаются одни мелкие камни; поэтому нимало не удивительно, если скажу то же о людях обыкновенных, которые и прежде не бывали в числе добрых, но походили на

бессловесных, поникших к земле. Страшный же, изрытый пропастями овраг — это мы, то есть наше забывшее чин свой сословие (говорю это со слезами); это мы, не на добро восседшие на высоких престолах; мы, председатели народа, учителя прекрасного; мы, которым дано в удел питать души Божественною пищею, но которые сами истаиваем голодом; мы, врачи немощей и в то же время мертвецы, заражающие непрестанно новыми и новыми недугами; мы, путеводители по стезям, может быть, стремнистым, по стезям, по которым никого еще не водили, даже не ходили и сами мы, не последовать которым — правило самое короткое и вместе урок, всего прямее ведущий ко спасению; мы, которых эта возвышенность обличает в худых нравах, а эта решетка отделяет от прочих не жизнь, а

но высокомерием. Но почему решился я передать это слову, тогда как не люблю разглашать многое без уважительной причины; пусть слышит это всякий и теперь, и в последующие времена.

А рассказ об обстоятельствах моей жизни, хотя потребуется и длинное слово, необходимо начать несколько выше, чтоб не дать укрепиться лживым обо мне речам; потому что злые люди любят на пострадавших слагать вину в том, что сами сделали им худого, чтоб этою ложью еще более причинить им зла, а себя избавить от обвинений. И это пусть будет введением в слово.

* * *

Отец мой был прекрасный и весьма добрый старец, простой нравом, образец для жизни, истинный патриарх, второй Авраам. Добродетели его были

действительные, а не мнимые, какие видим ныне. Прежде жил он в заблуждении, а потом стал другом Христовым, потом сделался пастырем и даже какою-то мощию пастырей. Мать же моя, выражусь кратко, ни в чем не уступавшая такому супругу, — ему равновесный талант, происходя от благочестивых родителей, сначала превосходила его благочестием и по телу только была женщина, а по нравам превышала мужчин. Оба по жизни составляли для всех общий предмет разговоров.

Чем подтверждаю слово, объявляя о следующем? В свидетели рассказываемого мною представляю ее же — мою родительницу, эти уста истины. У ней было в обычае — лучше скрывать и явное, нежели из славолюбия хвалиться сокровенным. И в этом руководил

ею великий наставник — страх. Она, желая видеть в доме своем рождение дитяти мужеского пола, что, конечно, вожделенно для многих, открыла желание свое Богу и просила исполнить оное. И как сердце было неудержимо, предваря дарование усердием, отдает она Богу дар, который желала получить. А потому и дорогой обет не остался без исполнения; благоприятным же началом этого послужило ей видение, показавшее тень желаемого: ей ясно представились и мой образ, и мое имя.

И этот дар ночи стал действительностью, потому что родился у них я. И если достоин я обета, это дар даровавшего меня Бога. А если не соответствую обету, мой это грех. Так вступил я в жизнь эту; так я, несчастный, стал сопряжен с брением и с этим составом, которые владеют мною и кото-

рыми с трудом владею сам! По крайней мере нельзя не благодарить за то, что в залог всего прекрасного получил я такое рождение. А как скоро вступил в мир, тотчас делаюсь ему чуждым и отчужден прекрасно, потому что посвящен в дар Богу как агнец или любимый телец, жертва благородная и разумная, помедлю говорить, как новый Самуил, разве и это скажу из уважения к ревности принесших меня в дар.

От пелен воспитанный во всем прекрасном, потому что имел совершеннейшие образцы для себя дома, тогда еще приобрел я какую-то старческую степенность; и как облако к облаку, мало-помалу скоплялось во мне усердие к усовершенению. Я возрастал, а вместе преуспевал во мне и разум. С радостью читал я книги, в которых проповедуется о Боге, и имел обращение с

мужами, которые совершенны по нравам.

Таково было начало. Но не знаю, какую стезю избрать мне для слова при описании последующего. Скрыть ли мне те чудеса, какими возбуждал меня Бог, приняв ревность мою за доброе начало (ибо так влечет Он обыкновенно людей ко спасению), или со всем усердием изречь их перед всеми? Одно — неблагоприятно, а другое — без кичливости. Лучше молчать. С меня довольно и того, что знаю это сам. Иначе будет противоречить слову видимое теперь как недостаточное в сравнении с тогдашнею ревностию. Но что необходимо, то сделаю известным для многих.

Еще не опушились мои ланиты, но мною овладела какая-то пламенная любовь к наукам. И не совсем чистые

учения старался я придать в помощь учениям истинным, чтоб не превозносились ничему не обучившиеся, кроме суетного и пустого краснословия, которое состоит в громкости и благозвучии, и чтоб сам я мог не запутываться в хитросплетениях лжеумствований. Но мне никогда не приходило на мысль предпочесть что-либо нашим урокам.

Однако же, чему всегда подвергается пламенность молодых людей, которая легко предается беспорядочным стремлениям, тому подвергся и я, пустившись в путь, как полный отваги молодой конь. Совершенно не благовременно, когда еще не утихло море, когда, по словам знающих дело, грозил опасностию какой-то хвост Тельца¹ и плыть было делом дерзости, а не бла-

¹ В ноябре месяце, когда при заходе солнца восходит созвездие Тельца.

горазумия, оставил я Александрию, где пожал уже несколько познаний, и рас-секал море, несясь прямо в Элладу. Когда огибали мы Кипр, бунтующие ветры всколебали корабль. Земля, море, эфир, омраченное небо — все слилось в одну ночь. На удары молний отзывались громы, плескались канаты и надутых ветрил, мачта гнулась, кормило потеряло всю силу, и ручку руля насильно вырывало из рук, вода стеною стояла над кораблем и наполняла собою подводную его часть. Смешались плачевные крики корабельных служителей, начальников, хозяев корабля, путешественников, которые все, даже и не знавшие прежде Бога, единогласно призывали Христа, потому что страх — самый вразумительный урок. Но ужаснейшим из всех бедствий было безводие на корабле, который от сильных

потрясений расселся, и сквозь дно пролились в глубину все, какие были на нем, сокровища сладкой влаги. Надобно было умереть, борясь с голодом, бурей и ветрами. Правда, Бог посылает скорое от этого избавление. Вдруг появились финикийские купцы, и хотя сами в страхе, но по нашим мольбам, узнав о крайности бедствия, с помощью багров и при могучих ударах руками, как люди сильные, вскочили они на корабль и спасают нас, почти уже мертвых пловцов, походивших на рыб, которые оставлены морем на суше, или на умирающий светильник, которому недостает питания. Но между тем ревущее море в продолжение многих дней непрестанно больше против нас свирепело. После многих поворотов не знали мы, куда плывем, и не видели себе никакого спасения от Бога.

Когда же все боялись смерти обыкновенной, для меня еще ужаснее была смерть внутренняя. Негостеприимно убийственные воды лишали меня вод очистительных, которые соединили бы меня с Богом. Об этом проливал я слезы; в этом состояло мое несчастье; об этом я, несчастный, простирая руки, возносил вопли, которые заглушали сильный шум волн, терзал свою одежду и, ниц распростершись, лежал, подавленный горестию. Но вот что хотя маловероятно, однако же совершенно несложно: все плившие на корабле, забыв о собственном бедствии и в общем несчастье став благочестивыми, со мной соединяли молитвенные вопли. Столь были они сострадательны к моим мучениям!

Ты, Христе, и тогда был моим великим Спасителем, и теперь избавляешь

от волнений жизни. Когда не представлялось никакой доброй надежды: ни острова, ни твердой земли, ни вершины гор, ни горящего светильника, ни звезд — путеуказателей мореходцам, ничего — ни большого, ни малого не было в виду, что тогда предпринимаю? Какое окончание моего затруднительного положения? Отчаявшись во всем дольном, обращаю взор к Тебе, моя Жизнь, мое Дыхание, мой Свет, моя Сила, мое Спасение, к Тебе, Который устрашаешь, поражаешь, ослабляешься, врачуешь и к горестному всегда присоединяешь полезное. Напомянув же Тебе о всех прежних чудесах, в которых познаём Твою великую руку, о море разделенном и о путешествующем по оному Израиле, о врагах, побежденных воздеянием рук, об Египтянах, сокрушенных небесными карами, о твари, рабски

повинующейся вождям, о стенах, разрушенных звуком труб и обхождением, а к чудесам, прославленным издревле, присовокупив чудеса, и надо мною совершившиеся, сказал я: «Твой я был прежде, Твой и теперь. Ты двукратно примешь меня как одно из дорогих для Тебя достояний, как дар суши и моря, очищенный и матерним обетом, и чрезмерным страхом. Для Тебя буду я жить, если избегну сугубой опасности. Ты утратишь Своего служителя, если не спасешь меня. И теперь ученик Твой обуревается. Отряси сон или приди по водам и прекрати опасность». Так говорил я, и бушевание ветров прекратилось, море опало, корабль понесся прямо. И вот приобретение моей молитвы: кто ни был на корабле, все сошли с него, благоговея пред великим Христом, получив от Бога сугубое спа-

сение. Между тем, миновав Родос, в скором времени, при попутном ветре, взошли мы в Эгинскую пристань, потому что корабль был эгинский.

Потом Афины и науки. Но пусть другие скажут, что было там, как жил я в Божием страхе, стараясь первенствовать между знавшими то, что есть самое первое; и когда другие молодые люди между своими собратствами в порывах юности и отважной стремительности предавались излишествам, проводил я тихую жизнь. Подобно тому источнику, который, как сказывают, и среди горьких вод моря остается сладким, не увлекался я за теми, которые вели к пагубе, но сам привлекал друзей к совершеннейшему. А мне Бог и в этом оказал благодеяние, соединил меня узами дружбы с человеком самым мудрым, который один и жизнью, и сло-

вом — всех был выше. Кто ж это? Весьма легко узнаете его. Это Василий — великое приобретение для настоящего века. С ним вместе мы учились, и жили, и размышляли. Если должно чем и похвалиться, то я составлял с ним чету, не бесчестную для Эллады. У нас все было общее, и одна душа в обоих связывала то, что разделяли тела. А что преимущественно нас соединяло, так это Бог и стремление к совершенству. Когда приобрели мы столько взаимной доверенности друг к другу, что высказали один другому и глубины сердечные, тогда соединились между собою еще теснейшими узами любви, потому что одинаковость чувствований и взаимную привязанность делает более неразрывною.

Что же потом? Возвращение в отечество и избрание рода жизни. Много

уже времени посвящено было наукам. Мне почти исполнилось тридцать лет. Здесь-то узнал я, сколько любили нас товарищи и какое имели о нас мнение. Время приближалось, приближался и трудный подвиг. Нужны стали объятия и слезные напутственные речи, в которых припоминались сердечные воспламенения друг к другу. Принужденно и с трудом, однако же уступили Василию, когда представил многие причины своего отъезда. А у меня и теперь еще текут слезы при воспоминании о тогдашнем смущении. С великою поспешностью окружили меня все: чужеземцы, близкие знакомые, сверстники, учителя; к заклинаниям и слезам присоединили даже и насилие, дружба внушила им отважиться и на это. Меня крепко держали, говоря: «Что ни будет, не выпустим отсюда! Почтенные

Афины не должны лишиться тебя; они по общему приговору отдадут тебе первенство в словесности». Один дуб разве мог бы противиться стольким слезам и убеждениям, и я уступил, впрочем, не совершенно. Меня влекло к себе отечество. Оно одно почти под солнцем было сильно верою. Там посвятить себя любомудрию — казалось мне прекраснейшим делом. Туда привлекали меня и родители, обремененные старостию и временем. Поэтому недолго пробыл я в Афинах, скрылся оттуда почти тайно и пустился в путь.

Показал я образцы своего красноречия, удовлетворил недугу людей, которые требовали от меня этого, как долга. Но в виду у меня были не рукоплескания, не говор удивления, не упоения, не поклонения, которыми в толпе молодых людей восхищаются

софисты. Я выше всего поставил для себя то любомудрие, чтоб и все прочее, и ученые труды свои повергнуть пред Богом, как иные оставляли поместья свои пастухам или, собрав свое золото, кидали в морскую глубину. Однако же, как сказал я, покорился я воле друзей. И это послужило как бы предуготовительным упражнением к будущим подвигам или преддверием важнейших таинств.

Наконец, нужна была мужественная решимость. Во внутреннее судилище собираю друзей, то есть помыслы свои — этих искренних советников. И когда искал я лучшего из лучших, страшный круговорот объял мой ум. Давно было решено мною все плотское вринуть в глубину, и теперь это всего более нравилось. Но когда стал я рассматривать самые пути Боже-

ственные, нелегко было найти путь лучший и гладкий. И тот и другой из них, как это часто бывает с нами, когда решаемся на какое-либо дело, казался почему-нибудь или хорошим, или худым. Если же состояние мое изобразить каким-нибудь сравнением, то я походил на человека, который задумывает отдаленное какое-то странствование, но, избегая плавания по морю и трудов мореходных, отыскивает путь, на котором было бы больше удобств. Приходили мне на мысль Илия Фесвитянин, великий Кармил, необычайная пища, достояние Предтечи — пустыня, нищетолюбивая жизнь сынов Иоанна-давовых. С другой стороны, пересиливали любовь к Божественным книгам и свет Духа, почерпаемый при углублении в Божие слово, а такое занятие — не дело пустыни и безмолвия. Много

раз колебался я туда и сюда и наконец умирил свои желания и скитающийся ум установил на середине, а именно — следующим образом.

Я примечал, что люди, которым нравится деятельная жизнь, полезны в обществе, но бесполезны себе, и их возмущают бедствия, отчего мягкий нрав их приходит в волнение. Видел также, что живущие вне мира почему-то гораздо благоустроеннее и безмолвным умом взирают к Богу; но они полезны только себе, любовь их заключена в тесный круг, а жизнь, какую проводят, необычайна и сурова. Поэтому вступил я на какой-то средний путь между отрешившимися и живущими в обществе, заняв у одних собранность ума, а у других — старание быть полезным для общества.

Присовокупилась и важнейшая причина — признательность людям дос-

топочтенным, разумею родивших меня, у которых был я в долгу. И как всего благочестивее первую честь по Боге воздавать родителям, которым обязаны мы и тем, что познаём Бога, то я лелеял их старость, поддерживал всеми силами, водил их за руку, чтоб самому иметь счастливую старость, угождая их старости. Ибо что сеем, то и пожинаем. И для меня составляло это часть образования в любомудрии — не показывать и вида, что тружусь для жизни превосходнейшей, но в большей мере быть, а не казаться угождающим Богу. Поэтому хотя признавал я, что надобно любить тех, которые ведут жизнь деятельную, в удел от Бога получили честь — посредством Божественных Таинств руководить народ, однако же сам, по-видимому, принадлежа к обществу, больше имел привязанности к

жизни монашеской, потому что она состоит не в телесном местопребывании, но в обуздании нрава. Церковная же кафедра была для меня досточестна, но как стоял я вдали, то казалась она тем же, чем и солнечный свет бывает для слабых глаз. Скорее мог бы надеяться я всего иного, только не того, что среди многих переворотов в жизни получу ее сам.

Но человеку нельзя ни о чем важном говорить решительно. Зависть всегда полагает преграды нашим парениям. Не бери примеров далеко — посмотри на мою жизнь. Я располагал собою так, но меня настигла страшная буря. Отец мой в точности знал мои мысли, но не понимаю почему, может быть, побужденный отеческою любовью (а любовь при власти сильна), чтоб удержать меня духовными узами и

почтить лучшим из того, чем обладал сам, против воли возводит на один из низших престолов¹.

При этом принуждении (и доселе не могу назвать этого иначе; да простит меня Божий Дух за такие чувствования!) так сильно восскорбел я, что забыл все: друзей, родителей, отечество, род — и, как вол, уязвленный слепнем, ушел в Понт, надеясь там в Божественном друге найти себе врачевство от горести. Там, в сожительстве с Богом, трудился он, покрытый облаком, как один из ветхозаветных мудрецов. Это был Василий, который теперь с Ангелами. Он облегчил скорбь моего сердца. Между тем добрый отец, изнемогающий от старости и желая иметь меня при себе, много убеждал сына почтить последние дни

¹ В сан пресвитера.

его жизни. А во мне и самое время ослабило чувство бедствия. И я опять (чего бы никогда не надлежало делать) пускаюсь в глубину, убоявшись слезных отеческих угроз. Опасно было, чтоб нежность не обратилась в клятву, ибо таково бывает прогневанное простодушие.

Не много времени прошло после этого — и новое треволение; не умею сказать, сколько оно было свирепее прежнего. Но не будет излишним все пересказать друзьям. Брат мой занимал в свете высокую должность. Брат мой — о как ты силен, злобный демон! — брат мой, когда ему вверена была государственная казна, умирает на должности. На имущество и останки умершего кинулось множество псов; всё расхищали домашние, сторонние, друзья. Когда дуб упал, кто не запасает

себе дров? Но сколько касалось это собственно до меня, то я не боялся еще стечения дел, потому что был свободная птица, которой нетрудно улететь вверх. Однако же необходимо было вместе с прекрасным родителем нести на себе всё — и доброе, и худое, и разделять с ним если не имение, то заботы. А кто занес первый шаг над пропастью и поскользнулся однажды, тот не в состоянии уже удержаться и падает в стремнистую глубину; так и для меня, как скоро вкусил я зол, из одной беды вырастала другая.

В это время (умолчу о том, что было дотоле, опасаясь подать мысль, что произношу хульное слово на человека, которого теперь только ублажал я с благословениями) пришел ко мне возлюбленнейший из друзей — Василий (со скорбию выговариваю слово, однако ж

скажу). Он стал для меня другим отцом, возложившим на меня бремя еще более тягостное. Но от одного должно было терпеть, хотя поступал со мною и властительски: терпеть же от другого ради дружбы, приносившей мне вред, а не освобождение от бедствий, не было необходимости.

Не знаю, кого винить за случившееся со мною; оно все еще, как недавнее, приводит меня в волнение: винить ли больше себя за свои грехи (а они часто и сильно меня угрызали) или тебя, превосходнейший из людей, упрекнуть в превозношении, до которого довел тебя престол? Если все прочее принять во внимание, то, может быть, и сам ты не пожелал бы (как и не желал дотоле по своей великой доброте) взять надо мною перевес. А если бы и пожелал, то, вероятно, удержал бы тебя какой-

нибудь благомыслящий судия, хорошо знающий обоих нас. Что же с тобою сделалось? За что вдруг бросил ты меня в такую от себя даль? Да погибнет в мире закон дружбы, которая так мало уважает друзей! Вчера мы были львы; но теперь я стал обезьяной, а ты почти что лев. Если бы так смотрел ты на всех своих друзей, то (скажу горделивое слово) не надлежало бы, по крайней мере, тебе смотреть так на меня, которого бывало предпочитал ты прочим друзьям, пока не вознесся за облака и не стало все ниже тебя.

Но к чему волнуешься, сердце мое? Удержи коня силою, и пусть речь опять идет своею тропою. Лжецом для меня стал этот во всем прочем нелживейший друг. Не раз слышал он, как я говорил: «Теперь все надобно перено-

силь, хотя бы случилось что и худшее. Но как скоро не станет родителей на свете, тогда мне будет полная возможность оставить дела и от бездомной жизни приобрести хотя ту выгоду, что легко буду гражданином всякого места». Он слышал это и хвалил мое рассуждение. Но при всем том вместе с отцом моим насильно возводит на епископский престол, в другой раз запнув меня в этом.

Не приходи в беспокойство, пока не узнаешь всего. Если бы враги мои потратили много времени, выискивая, чем довести меня до бесславия, то, думаю, не иной, а этот же самый нашли бы они способ. Хочешь ли узнать, какой? Скажет тебе всякий, кому только поступок этот казался неприличным. Как же вел я себя с другом, об этом знает Понт, знает Кесария, знают все общие

наши друзья. Низко было бы укорять меня в этом. Воспоминать о сделанном добре прилично тому, кто им пользовался, но неприлично тому, кто его сделал. Но каков он был ко мне, пусть уверят в том самые дела!

На большой дороге, пролегающей чрез Каппадокию, есть место обычной остановки проезжих, с которого одна дорога делится на три, — место безводное, не произрастающее и былинки, лишенное всех удобств, селение ужасно скучное и тесное. Там всегда пыль, стук от повозок, слезы, рыдания, собиратели налогов, орудия пытки, цепи; а жители — чужеземцы и бродяги. Такова была церковь в моих Сасимах! Вот какому городу (подлинно это великодушие!) отдал меня тот, кому было мало пятидесяти епископов. И чтобы удержать это за собою, когда другой

отнимал насильно, установил новую кафедру. А я у него (потому что и мы были некогда сильны) стоял в первом ряду воинственных друзей. И конечно, раны за дело святое не страшны: потому что, кроме прочего исчисленного мною, овладеть этим престолом невозможно было без пролития крови. Он служил предметом спора для двоих состязующихся епископов; между ними открылась страшная брань, а причиною тому служило разделение нашего отечества, по которому два города делались начальственными над другими меньшими. В предлог представлялось попечение о душах, а истинным побуждением было любоначалие, не осмелюсь сказать: сборы и поборы, отчего весь мир приходит в жалкое колебание.

Что справедливо было бы сделать мне, скажите пред Богом? Терпеть?

Принять на себя все удары бедствий? Идти, невзирая ни на что? Погрязнуть в тине? Идти туда, где не мог бы я упокоить и этой старости, непрестанно насильственной рукою гонимой из-под крова, где не было бы у меня хлеба, чтоб разломить его с пришельцем, где я, нищий, принял бы в управление народ, также нищенствующий, не видя никакого средства оказать ему услугу и изобилуя только тем, что есть в городах худого, где я должен был обирать терния, а не розы с терний, пожинать одни бедствия, не прикрытые никакими выгодами? Требуй от меня великодушия в другом чем, если хочешь, а это предложи тем, которые меня премудрее! Вот что принесли мне Афины, общие упражнения в науках, жизнь под одной кровлею, питание с одного стола, один ум, а не два, в обоих удивление Эллады

и взаимные обещания как можно дальше отринуть от себя мир, а самим жить общею жизнью для Бога, успехи же в слове принести в дар Единому премудрому Слову! Все рассыпалось! Все брошено наземь! Ветры разносят давние надежды! Куда бежать? Разве вы, дикие звери, примете меня к себе? У них, думаю, более верности. Вот каково, скажу короче, было мое положение!

Но после того как я, хотя не подклонился духом, подклонил, однако же, выю, что сказать мне? С которой бы стороны ни стал я изображать всю свою болезнь, везде для меня жало. Опять я беглец, опять укрываюсь в гору, предаваясь любимому мною образу жизни, услаждаюсь им. Какую же пользу приносит мне это? Оказалось, что был я нерешительный беглец. Во всем ином умея быть терпеливым, не имел я в этом

мужества, не вынес отеческого гнева. Первым покушением отца моего было утвердить меня в Сасимах. Но как не имело оно успеха, пускается он в новое плавание и простирает ко мне руки, касается моей бороды, прося, чтоб я не оставался на низшей степени, но, трудясь вместе с ним (потому что его обременяла уже плоть), облегчал его труды. И каких не употребил он убеждений? «Тебя, любезнейший из сыновей, — говорил он, — умоляет отец, юного молит отец-старец, служителя молит тот, кто и по естеству, и по двоякому закону — твой владыка. Не золота, не серебра, не дорогих камней, не участков возделанной земли, не потребностей роскоши прошу у тебя, чадо, не домогаюсь того, чтоб сделать тебя другим Аароном и Самуилом, досточестным предстателем Богу. Ты, сын, принадлежишь

Даровавшему тебя. Не обесчести меня, чтоб и к тебе был милосерд Единый наш Отец. Прекрасно мое требование, по крайней мере, оно отеческое. Ты не живешь еще столько на свете, сколько прошло времени, как я приношу жертвы Богу. Сделай мне эту милость, сделай, или другой предаст меня гробу. Такое наказание определяю я за непокорность. Подари немногие дни останку моих дней, а прочею своею жизнью располагай, как тебе угодно».

Когда выслушал я это, и душа вывободилась несколько из-под бременившей ее тяготы, как солнце из-за облаков; что тогда происходит, чем оканчиваются мои страдания? Рассудил я сам с собою, что нет еще беды, во избежание кафедры, исполнить желание отца. «Ибо это, — говорил я, — не удержит против воли меня, которого не

связывают ни наречение, ни обещание». Вот до чего довел меня превозмогший страх!

Но когда родители мои преселились из этой жизни, сподобившись жребия, к которому давно поспешали, я не на добро остался свободным. Правда, что вовсе не касался я данной мне церкви, ни однажды не совершал там служения Богу, не молился с народом, не возложил рук ни на одного из клириков; но что касается до Церкви отцово́й (несколько людей благоговейных напали на меня и не преставали заклинять, угрожая успехами множества людей богомерзких), то имел я о ней некоторое попечение в продолжение краткого времени (не отрицаюсь от этого), но имел как человек сторонний о Церкви чужой. Это самое всегда говорил я епископам, от глубины серд-

ца прося у них, как дара, поставить кого-нибудь епископом этого малого града. По всей справедливости утверждал я, во-первых, что не принимал этой Церкви в управление по гласному наречению, а во-вторых, еще, что у меня давняя мысль — бежать и друзей, и дел. Но я не мог их убедить, и одни по великой ко мне привязанности, а другие, может быть, по высокоумию, хотели взять надо мною верх. Поэтому пошел я сперва беглецом в Селевкию, ко храму прославляемой девы Феклы, рассуждая, что, может быть, таким средством, когда утомит их время, убедятся отдать бразды другому. Там провел я немало времени. Но, опять встретив свои бедствия, не нашел ни одной из выгод, каких ожидал. И дела, которых думал я избежать, как к сроку, явились ко мне в великом множестве.

Но здесь, конечно, самое трудное в моем Слове. Впрочем, скажу, хотя буду говорить и очень известное, скажу, чтоб вы, когда нет с вами меня, имели, по крайней мере, это Слово во врачевство от скорби, в укор врагам и в свидетельство друзьям, от которых я, ничем их не обидев, сам потерпел обиду.

Природа не произвела двух солнц; но два Рима — два светила для целой вселенной, древняя и новая держава. Они тем только различаются между собою, что один там, где воссиявает солнце, а другой на западе. Но что до красоты, они в красоте не уступают друг другу; и если спросить о их вере, один с давнего времени шел добрым путем и идет еще доныне, весь Запад связуя спасительным словом, как и должно первопрестольному в целом мире граду, который чтит всецелое согласие

Божества; а другой (говорю это о моем, а потом уже не моем Риме) был прежде правошествен, но теперь не таков, напротив же того, погряз в бездне погибели после того, как легкомысленный и исполненный всех зол город Александрия — эта безумная кипучесть — послал от себя мерзость запустения — Ария, который первый сказал, что не достойна покланяема Троица, неразделимую сущность рассекши на неравные части, в одном естестве разграничил пределы достоинству, отчего и мы разошлись по разным путям.

Однако же, как ни злосчастен был этот город, доведенный до такого состояния и по закону времени (ибо всякий застаревший обычай обращается в закон) от неверия погибший жалкою смертию, в нем было еще малое семя жизненного дыхания, были души со-

вершенные в слове веры, был народ, правда, малочисленный, но многочисленный пред Богом, Который приемлет в счет не множество, но сердца; в нем было надежное насаждение, был самый драгоценный останок.

К ним благодать Духа послала меня: обо мне думали, что значу нечто пред Богом как человек, известный жизнию и словом, хотя всегда вел я сельскую жизнь. Меня приглашали многие и из пастырей, и из овец, приглашали быть помощником народу, защитником слову души безводные, но еще зеленеющие, освежить струями благочестия, с питательностию елея подлить света в светильник, а многооборотливые словосплетения языков борзых, которыми губится простота веры, — эти паутинные ткани, гнилые узы, смешные для крепких, но связывающие легкомыслен-

ных, разрешить и расторгнуть твердым учением, чтоб мог избежать сетей всякий, кто попал в них.

Так, не по доброй воле, но насильно увлеченный другими, пришел я туда быть защитником слова. Ибо носилась молва о каком-то сборище епископов, которые вводят в Церковь новоявившееся еретическое учение. То срастворение с нами Бога-Слова, в какое вступил Он, Сам не изменившись, но приняв на Себя человека, имеющего душу и ум, доступного свойственным телу страданиям целого прежнего Адама, кроме греха, это, говорю, срастворение рассекается в новом учении. И оно вводит какого-то неумного Бога, как бы убоившись, что ум вступит в противоборство с Богом. Но на таком основании убоился бы я и телесной природы, потому что она еще гораздо дальше от

Бога. Или, конечно, когда все имело нужду в спасении, определено было погибнуть совершенно уму, который преимущественно пред всем надлежало спасти моему Богу и который всего более погублен в первосозданном; потому что умом и принял он закон, и изменил закону! Но что было оставлено в небрежении, то и надлежало воспринять, и потому да спасет Слово не половину меня, который весь пострадал! И да не бесчестится Бог тем, что будто бы воспринял не целого меня, но одно брение, душу неразумную, душу какого-то бессловесного животного, которое, конечно, и спасено, по Твоему учению. Да удалит от себя подобные мысли всякий благочестивый! Ибо рассекающие дольнее благосрастворение, хотя противоположным образом, однако ж в некотором отношении равно

погрешают, как и те, которые необдуманно вводят двух сынов — одного от Бога, а другого от Девы.

Одни худо обсекают, а другие худо удвояют. Если два сына, боюсь, что выйдет одно из двух; или будем поклоняться двум богам вместо одного, или, когда из благоговения не захотим потерпеть этого, Совокупленное¹ поставим вне Божества. Хотя Бог не может потерпеть ничего такого, что терпит плоть, однако же естество человеческое приобщилось всецелого Бога, приобщилось не так, как пророк или кто другой из людей Богодухновенных, приобщающийся не Бога, но Божиих Даров, напротив того, приобщилось так, что Бог в естестве человеческом пребывает Своею сущностию, как солнце в

¹ Иисуса Христа, в Котором совокуплены Божество и человечество.

лучах. Поэтому да не будет у нас о них слова, если не хотят поклоняться Бого-человеку как Единому и восприявшему, и вместе восприятому, безлетному и подчинившемуся времени, сущему от единого Отца и от единой Матери — двум естествам, сочетавшимся во единого Христа!

Но в каком положении были мои дела? Пришедши туда, встретил я множество бедствий. Сначала город пришел в волнение, восстал против меня, будто бы вместо Единого Бога ввожу многих богов. И это было неудивительно. Так их учили, что вовсе не знали они благочестивого учения, не знали, как Единица умопредставляется троично и Троица — единично, если в обоих случаях умопредставлять благочестно. А простой народ увлекается в пользу страждущих. Так, ощутив жалость к

тогдашнему своему предстоятелю и пастырю, стоял за бедствующего и этот многочисленный народ, исполненный высокого о себе мнения, почитавший для себя крайним позором — не одержать в чем-нибудь верха. Умолчу о камнях — этом угощении, какое сделали они мне, и укорю разве за то, что были неудачны в выборе цели и метили в тех, в кого попасть было напрасным убийством. А потом меня, как убийцу, представили правителям города, которые смотрели как-то свысока и надменно и у которых один был закон — домогаться народной к себе благосклонности. К ним представили меня, который, как ученик Слова, никогда не сделал и не помыслил ничего зловерного. И защитником мне в слове предстал Христос, вспомоществуя моему защитительному слову. Он спа-

сал и отданных в сожительство львам; Он оросил огонь в прохлаждение юношам; Он из кита соделал молитвенный дом благочестивых; Он и меня прославил на суде чуждом.

Потом обнаружилось ужасное ревнование в моих; они влекут меня к какому-то Павлу и Аполлосу¹, которые никогда за нас не воплощались и не проливали крови в драгоценном страдании, между тем как именуемся их именем, а не именем Спасшего нас. С ними все приводится в движение; все потрясено, как будто Церковь благоденствует в других отношениях. Но как устоит корабль, или город, или воинство, или полнота лика, или дружелюбный дом, когда в них больше разрушающего, нежели скрепляющего? Это самое

¹ Должно думать, что под Павлом и Аполлосом разумеются здесь Мелетий и Павлин.

и было тогда с Христовым народом. Благородное порождение это еще не окрепло, не приобрело смелости, не отрешилось от детских пелен, не оперлось еще нежною стопой на землю, как уже в глазах родителей было посечено, брошено наземь, истерзано волками, жаждавшими моего бесчадия.

Несносно им было, что человек самый бедный, сгорбленный, поникший в землю, одетый худо, обуздавший чрево слезами, страхом будущего и другими злостраданиями, странник, скиталец, не имеющий ничего привлекательного для взоров, сокрытый во тьме земной, берет преимущество пред людьми, отличающимися силою и красотою. От них слышны были такие почти слова: «Мы льстим, а ты нет; мы чтим высокие седалища, а ты чтишь богобоязненность; мы любим дорогие яства, а

ты любишь дешевую пищу, в которой вся приправа — соль, и презираешь соленую горечь высокомерия. Мы рабы времени и народных прихотей, отдаем ладью свою всякому подувшему ветру, у нас учение, наподобие хамелеонов или полипов, принимает непрестанно новый цвет, а ты — неподвижная наковальня. Какая надменность! Как будто всегда одна вера, что так слишком стесняешь догмат истины, ступая все по одной скучной стезе слова. Для чего же тебе, превосходнейший, и народ привлекать говорливым своим языком? Для чего с успехом низлагать предающихся худым мудрованиям в заблуждениях всякого рода? Для чего не одинаким быть для друзей и для сторонних, но для одних камнем магнитом, а для других пращою?»

Но если это не худо (как и действительно не худо), для чего негодуешь, как будто встретив какую необразованность? Если же худо (как это тебе одному кажется), суди правдиво, как Божий предстоятель. Порази меня, который впал в погрешность, но не трогай народ, который не сделал никакой неправды, кроме того, что любит меня и покорился моим наставлениям.

В состоянии еще был я сносить первые нападения. Хотя новость изумила меня ненадолго, подобно грому, внезапно поразившему слух, или быстроте молнии, облиставшей непривычные глаза, но на мне не было еще ран и мог я все перенести. И надежда, что дела примут счастливый оборот и в другой раз не случится со мною того же, убеждала меня легко переносить несчастье. Но из этого самого вскоре

произошли для меня новые беды. Как мне описать труды свои? Как мог привести в исполнение такое злое дело ты, изобретатель всякого зла, завистливый демон? Меня низложили не кровь, не жабы, не тучи скнипов, не песьи мухи, не истребление скотов, не струпы, не град, не пурги, не тьма, не губительство первородных — это последнее из бедствий, какие, что всякому известно, были казнями для свирепых Египтян, наконец, меня сокрушили и не волны Черного моря, потопившие народ. Что же поколебало меня? Легкомыслие Египтян. А как поколебало? Это стоит того, чтобы рассказать об этом, ибо может послужить вечным памятником позора для злых.

У нас в городе был человек женоподобный, какое-то египетское привидение, злое до бешенства, пес, и пес из

мелких, уличный прислужник. Арей, безгласное зло, китовидное чудовище, красный, черноволосый, курчавый, косматый. Курчавым был он издавна, а космы изобретены вновь; потому что искусство — второй творец. Всего чаще это бывает делом жен, а иногда и мужчины золотят и завивают волосы, обстриженные по-философски. Употребите же в дело, мудрецы, и те притирания, которые на лицах у женщин. Ибо для чего одним любомудрым женам пользоваться этим неприличным и худым благообразием, которое служит безмолвно вывескою нравов? Что Максим не принадлежит уже к числу мужчин, это тайлось до времени, а теперь показала его прическа. Для нас удивительно в нынешних мудрецах, что природа и наружность у них двойственны и жалким образом принадлежат они обоим

полам; по волосам походят на женщин, а по жезлу — на мужчин. Этим хвастался и Максим, как человек, значащий что-то в городе; у него плечи всегда осенялись золотыми кудрями; с волос, как из пращей, летали умствования, и всю ученость носил он на теле. Он, как слышно, прошел по многим лукавым путям; но об иных пусть разыскивают другие; у меня нет и времени входить в исследование всего; впрочем, это имеется во многих записях у градоправителей. Наконец утверждается он в этом городе.

Здесь у него недоставало привычной ему пищи; но глаз был его зоркий, и чутье у него было мудрое; потому что нельзя не назвать мудрым и этого горького для меня замысла — низложить с кафедры меня, который не имел ее и вообще не почтен был никаким титулом, а только охранял и примирял

народ. Но еще премудрее то, что всю завязку дела, как опытный изобретатель и слагатель козней, ведет он не чрез посторонних, но чрез меня же самого, человека вовсе к тому не привычного, совершенно не знакомого с хитростями и привыкшего уважать другого рода хитрость, а именно, чтоб сказать нечто мудрое, похвалить, когда скажет это другой, и из Божественных книг извлечь самое их сердце.

При описании такого бедствия хочу сказать одно новое слово. Надлежало бы всем быть одинаковыми по нравам — или неопытными, или преухищенными в зле; потому что меньше вреда терпели бы одни от других, когда бы нравы у всех были уравновешены или согласны. А теперь добрые делаются добычею злых. Что значит такое смешение твари? Как много неравенства

в тех, которых Бог взаимно сопряг между собою. Кто из скромных в состоянии приметить, как человек злонаправный хитрит, завязывает, приводит в исполнение свои козни, всегда умея закрыть себя тысячами уверток? И кто готов на негодный поступок, тот за всем наблюдает и высматривает удобное время. А кто расположен к доброму, тот по природе медлителен и недеятелен в подозрении чего-либо худого, отчего добродушие и уловляется удобно.

Смотрите же, как и с каким искусством этот человек приводит в исполнение свой умысел. В нем увидишь какого-то нового египетского Протея. Он делается человеком благомыслящим и весьма верным. Кто был так расположен ко мне, как этот Максим? Он жил со мною под одною кровлей,

вкушал с одной трапезы, разделял мои мнения и предположения. И это нисколько не удивительно. Как будто большой какой пес, он лаял тогда на людей зломудренных, а мои поучения хвалил усердно.

Но вместе с этим заимствовал он от служителей алтаря какую-то болезнь, останок первоначального недуга. А это было врожденное зло — непрекращающаяся зависть; потому что порок не без труда приводится в изнеможение. Над ними-то не правдивым, но своевольным судиею стал Максим, и, приискав двух споспешников своей злобы, первого и второго человекоубийцу, едва наконец разрешился от своего бремени, породив аспида. Первый из этих споспешников был велиар, некогда ангел, а второй — пресвитер этого народа, по уму еще более, нежели по телу, варвар.

Он не был мною забыт, не видал от меня никакого пренебрежения, всегда пользовался первенством и в почестях, и в сопрестоллии (внемли, Христе, о непогрешительное в судах око, если только прилично призывать здесь Христа!) и вдруг стал чревоболеть лукавою и злонравною ненавистию. Увы! Как оплачу это? Чистое небо покрылось тьмою; нашло на меня вдали скопившееся зло — египетская туча. Сперва появились соглядатаи, каких в избранную Израильскую землю посылал некогда доблественный Моисей. Но это были не Иисус и Халев — мудрецы, а нечто наглое из юношей и старцев, Аммон, Апаммон, Арпократ, Стип, Родон, Анувис, Ерманувис — египетские боги, в виде обезьян и псов представшие демоны, жалкие и буйные моряки, которые не дорого себя про-

дают — за небольшую монету охотно (только бы нашлись) предлагают многих богов. А вскоре потом прибыли и пославшие этих соглядатаев достойные такого полчища вожди, или пастыри, если о псах приличнее сказать последнее. Но больше ничего не произнесу; хотя много у меня в готовности слов, и они приводят в трепетание мою внутренность, как завязанный мех, в котором бродит молодое вино, или как кузнечные мехи, которые наполнены воздухом. Впрочем, уважаю пославшего их, хотя он и легкомыслен, уважаю и их самих как людей, которых, может быть, должно и извинить несколько, потому что увлеклись по грубости, действовали по наущению других, а именно тех, кого злыми на меня соделала здесь зависть.

Решите, мудрые, мою задачу. Для меня это непонятно, и разве растолкует

какой мудрец. Отчего сам Петр¹, этот судия пастырей, сперва писанием своим, которое явным образом не заключает в себе никакого двусмыслия, как в этом уверит самое письмо его ко мне, признал меня возведенным на престол и почтил знаками своего утверждения, а теперь вместо девы оказался для меня ланью? Это — дело темное, которое требует объяснения. Видали ли что более похожим на лицедейство, хотя на свете и много разыграно лукавых дел?

Но увидят и еще нечто более забавное. Один из пирующих (см.: 2 Езд.) говорил, что всеми владеет вино, другой утверждал, что всеми владеют женщины, а мудрый сказал, что владеет истина. Но я присовокупил бы о золоте, что ему принадлежит владычество. Им без труда все приводится в движение;

¹ Архиепископ Александрийский.

и нимало не странно, если одно только мирское превозмогает у нас над духом.

Но спросят: откуда золото у этого пса? Один пресвитер прибыл сюда из Фасса и привез золото тамошней церкви, чтоб купить на него проконнийского мрамора. Обласкав этого бедняка, при содействии других, связав его множеством надежд (ибо худые с худыми сходятся скоро), Максим добыл у него золото; приобрел этого на все пригодного служителя, верного помощника, искреннего товарища. И вот доказательство! Те самые, которые прежде уважали меня, начинают теперь презирать как бесполезного и безнадёжного друга и, подобно стрелке в весах, легко склоняются на худшее.

Была ночь, а я лежал больной. Как хищные волки, явившиеся вдруг в загоне овец, с немалым числом наемных

моряков (которыми легко приводится в воспламенение Александрия, потому что к этим морякам пристают и умные люди) они спешат обстричь этого пса и возвести на кафедру прежде, чем стало то известно народу, вождям Церкви и даже мне, если не более, то, по крайней мере, псу этого стада. Они говорят, что так было им приказано. Вот как Александрия воздает за труды! Пусть судит об этом кто другой, к вам благорасположенный!

Настало утро. Клир (потому что клирики жили близко) приходит в воспламенение, молва быстро переходит от одного к другому, и разгорается самый сильный пожар. Сколько стеклось людей чиновных; сколько — сторонних и даже сомнительной веры! Не было человека, который бы, видя такое вознаграждение трудов, не раздражился

тогдашним поступком. Но к чему продолжать речь? Немедленно с гневом удаляются они из храма, скорбя о том, что не достигли цели. Но чтобы не пропадало понапрасну начатое зло, приводят к концу и остальную часть своего лицедейства. Почтенные и богоугодные эти люди, в сопровождении нескольких мирян из числа самых презренных, входят в бедное жилище свирельщика и там, остригши волосы самому злому из псов, впрочем, не употребив ни уз, ни насилия, потому что этот пес готов был и на большее, назначают его пастырем. Свершилось посечение густых кудрей; без труда уничтожен этот долговременный труд рук, а сам он приобрел из этого то одно, что обнаружена тайна волос, в которых заключалась вся его сила, как повествуется это и о судии Сампсоне, что остриженные волосы предали его

врагам, которым в угодность обрезала их жена и произвела эту безвременную и губительную жатву. Но из псов сделанный пастырем опять из пастырей стал псом, и (какое бесчестие!) псом покинутым. Не носит уже он красивых волос, но не владеет и стадом, а бегают опять по мясным рынкам за костями. Что ж сделаешь с прекрасными своими волосами? Снова ли будешь тщательно их отращивать? Или останешься таким посмешищем, как теперь? То и другое срамно, а между двумя крайностями невозможно найти ничего среднего, кроме одной удавки. Но скажи также, где положишь или куда пошлешь эти остриженные волосы? К лицедеям ли на позорище или к девам, и к каким опять девам? Не к своим ли коринфским? Не к тем ли, с которыми некогда ты, о всемудрый, один на один

упражнялся в богоугодных подвигах! За все это назову тебя лучше псом небесным.

После этого город столько скорбел о тогдашних происшествиях, что все были смущены, всякий рассевал о Максиме ненавистные слухи в осуждение его жизни, и что доселе таилось в мыслях, то гнев вывел наружу. Каждый присовокуплял от себя что-нибудь новое; и из всего этого составлялось стройное изображение одного совершенного негодяя. Как в теле, при больших недугах, появляются и малые немощи, остававшиеся неприметными, пока человек был здоров, так и у Максима все прежние худые дела выставлены на позор последним возмутительным поступком. Но никогда не стану разглашать их я. Пусть знают об этом те, которые говорят. Я, хотя и потерпел обиду,

однако же из уважения к прежнему замыкаю уста.

«Итак, что же? Не вчера ли был он в числе твоих друзей? Не вчера ли удостоивал ты его самых великих похвал?» — так, может быть, возразит мне иной, кто знает это дело и захочет обратить мне в вину тогдашнюю готовность, с какою уважал я даже худших из псов. Точно, я был в неведении, достойном порицания; как Адам, обольщен был зловредным вкушением; горькое дерево прекрасно было на вид; меня обманула личина веры, какую видел я на его лице, обманули и притворные слова. А кто верен, тот всех вероимчивее, легко привлекается благоговением другого, будет ли оно истинное или мнимое. Конечно, это добрая еще немощь. Ибо всякий то и думает, чего желает. И скажите, премудрые,

что надлежало мне делать? Что иное, по вашему мнению, сделал бы кто из вас самих? Церковь находилась тогда в таком еще тесном положении, что немало для меня значило собирать и соломѹ. Стесненные обстоятельства не дают такой свободы, какую можно иметь во времена изобилия. Для меня очень было важно, если и пес ходит на моем дворе и чтит Христа, а не Иракла. Но здесь было нечто и большее. О том изгнании, какому подвергся Максим за срамные дела, уверял он, что потерпел это ради Бога. Он был наказан бичами, а мне казался победоносцем. Если это тяжкая вина, то знаю, что не один раз и во многом погрешал я подобным этому образом. Простите же меня, судии, в этом прекрасном прегрешении. Максим был самый негодный человек, но я уважал его как доброго. Или скажу

нечто и более отважное. Вот отдаю мой говорливый, не умеющий соображаться со временем язык. Кто хочет, отсеки его без милосердия. И что ж? Разве он не отсечен уже? Если угодно, то действительно так. По крайней мере, давно он молчит и долее еще будет молчать, может быть, в наказание за неблаговременность и в научение, что не всем он приятен. Но каково и это? Позвольте присовокупить еще одно. Лукавство, подлинно, идет вопреки здравому рассудку. Кого и доброта не сделала кротким, из того могло ли что сделать всякое другое средство? Вот и самая честь — для него уже укоризна. Каким назовешь ты нрав этого человека? Весьма худым. И если это верно, не доискивайся большего. А если неправда, то не соглашайся и на прежнее. Что может быть неоспоримее этого?

Так бесчестно прогнан отсюда этот злой человек, вернее же сказать, прогнан прекрасно, потому что был зол. Поскольку же царь Востока, готовя гибель варварским племенам, находился в фессалоникийской крепости, то смотри опять, что замышляет этот злейший пес. Взяв с собою подлую толпу Египтян (разумею тех, которые обстригли его так безобразно), направляет он путь в воинский стан, чтобы царским указом утвердить за собою кафедру. Но там еще ничей слух не был расположен ко мне худо и не внимал клевете; поэтому Максим и там с великим гневом и страшными проклятиями отринут, как пес, и вскоре скрывается в Александрию, сделав это одно справедливое и умное дело. Ибо с наемной толпой бездомных людей нападает на Петра, у которого было двойное перо и кото-

рый без труда писал все, хотя бы это и противоречило одно другому. Этого-то старца теснит Максим, требуя себе престола, которого надеялся, а в противном случае грозя, что самого не оставит на престоле. Наконец градоправитель, опасаясь (как и справедливо было), чтобы раздуваемый пламень к старым бедствиям не присовокупил еще новых, выгоняет его вон. И теперь, по видимому, он спокоен. Но боюсь, чтобы эта страшная, чреватая градом туча, надвинутая сильным ветром, не разразилась над теми, которые вовсе того не ожидают, потому что злонравие никогда спокойно быть не может; хотя теперь и связано, но не сделается благоразумнее. Таково-то любомудрие нынешних псов! Это псы лающие, чем единственно и похожи они на псов. Что же такое в сравнении с ним Дио-

ген или Антисфен? Что перед ним и Кратес? Ни во что ставь Платоново любомудрие; ничего не значит портик. Тебе, Сократ, доньше принадлежало первенство. Скажу нечто вернее самой Пифии: всех премудрее Максим.

А я бедствую, как едва ли бедствовал какой смертный; так было со мною с самого начала; так еще более продолжается и теперь. И великое благодарение трудам на суше, опасностям на море и тем страхам, которыми я спасен! Они, поставив меня выше всего коловратного, явным образом обратили к горнему. Однако же не перенес я тогдашнего бесчестия и с радостью ухватился за открывшийся предлог. Как скоро узнал, что этот негоднейший человек обстрижен, хотя окружили меня все друзья, составили около меня не приметную стражу, охраняя мои дви-

жения, выходы и возвращения, однако же, поскольку все враги мои видели эту борьбу и происшедшее разделение почитали низложением самого учения, смотря на все это и не имея терпения перенести (не отрицаюсь в том), испытал я на себе нечто свойственное человеку простому, а не мудрому. Тотчас, как говорят, поворотил я корму назад, и поворотил не слишком искусной рукою. Никто бы, может быть, и не догадался, но у меня вырвалось какое-то прощальное слово, которое изрек я в скорби отеческого сердца. «Блюдите, — сказал я, — всецелую Троицу, как предал вам, возлюбленным чадам, самый щедрый отец; помните, любезнейшие, и мои труды». Едва народ услышал это слово, один нетерпеливый громко вскричал, и как рой пчел, выгнанный дымом из улья, вдруг поднимаются и оглуша-

ют криками и мужчины и женщины, девы, юноши, дети, старики, благородные и неблагородные, начальники, воины, живущие на покое, — все равно кипят гневом и любовью: гневом на врагов, любовь к пастырю.

Но не в моих было правилах принужденно преклонить колена и обрадоваться утверждению на престоле, которое не было вполне законно, когда не могли меня принудить и к принятию законного престола. Чтобы достигнуть желаемого, избирают другой путь, прибегают к сильным заклинаниям и молениям, просят, чтобы, по крайней мере, остался у них, помогал им и не предавал паствы на расхищение волкам. Можно ли было удержаться от слез? Анастасия, досточестнейший из храмов, в котором воздвигнута вера, поверженная на землю, Ноев ковчег,

который один избег всемирного потопления и сохранил в себе семена нового православного мира! К тебе отовсюду стекался многочисленный народ, потому что приближалась самая опасная и решительная минута — одержать верх или мне, или народной любви. А я посреди них, безгласный, в каком-то омрачении, не в состоянии был ни остановить шума, ни обещать того, о чем просили. Одно было невозможно, от другого удерживал страх. Задыхались от жара, все обливались потом. Женщины, особливо ставшие уже матерями, в страхе напрягали свой голос; дети плакали; а день клонился к вечеру. Всякий клялся, что не отступится от своих домогательств, хотя бы храм сделался для него прекрасным гробом, пока не исторгнет у меня одного желанного слова. Некто (для чего ты, слух

мой, не был загражден в то же самое мгновение), как бы вынужденный скорбию, сказал: «Ты вместе с собою изводишь и Троицу». Тогда убоявшись, чтоб не случилось какой беды, не клятвою обязался (похваляюсь в этом несколько о Боге, я никогда не произношу клятв с тех пор, как омыт по дарованию Духа), но дал слово, за которое ручался мой нрав, что останусь у них, пока не явятся некоторые епископы, которых тогда ожидали. Тогда и я надеялся получить избавление от чуждых для меня забот. Так с трудом мы разошлись, для той и другой стороны приобретя тень надежды. Они воображали, что теперь я уже их; а я рассуждал, что остаюсь у них не на долгое теперь время.

Так было дело. И опять воссияло Божие слово; казалось, что разредев-

ший несколько воинский строй снова сгущается от расторопных распоряжений военачальника или разрушенный по местам оплот быстро растет под множеством рук. Еще прежде приявшие на себя узы догматов и потому присоединившиеся ко мне, когда увидели, чему я подвергся, возлюбили меня крепче. Одних приводила ко мне проповедуемая Троица, учение о Которой было изгнано на долгое время, но не скажу, чтоб оно издавна погребено было совершенно; нет, это была отечественная проповедь, и теперь она возвращалась в свое отечество. Она была здесь и прежде, потом прекратилась, но теперь явилась снова, удостоверяя тем в воскресении из мертвых. А в других было уважение и к моим, может быть, словам. Иные же притекали ко мне как к терпеливому подвижнику. Другим при-

ятно было видеть меня как дело собственных рук. И об этом пусть одни спросят у знающих, а другие расскажут незнающим, если найдутся люди, которые были бы так удалены от нас и от преобладающего ныне владычества Римлян, — пусть, говорю, расскажут, чтоб могло быть это пересказано и во времена последующие, пересказано как одно из небывалых еще в свете бедствий, приносимых к нам непостоянным течением времени, которое ко всему доброму примешивает в большей мере худое. Не говоря уже о правоверном народе, об этом благородном плоде моего чревоболения. О них можно сказать только, что, поскольку не было у них единомудренного с ними пастыря, то, как при безводии бегут к первой показавшейся влаге и в совершенной тьме — к малому свету, так и они сте-

кались ко мне, чтобы в моем слове найти себе пособие от глада. Но что сказал бы иной о людях, чуждых веры, припоминая, как и они восхищались словом?

Много путей, которые слишком уклонились от пути законного и непогрешительного. Много путей, которые ведут в бездну гибели. На эти-то пути растлитель увлекает образ Божий, чтоб чрез это найти к нему какой-нибудь доступ, разделяя в нас мысли, а не языки, как древле разделил Бог. Это было причиною нездоровых учений; одни не знают иного Бога, кроме случайного стремления, каковым будто бы составила и управляется эта вселенная; другие вместо Единого Бога вводят множество богов и кланяются собственным своим произведениям; иные все долее лишают Промысла и ставят в зависимость от сопряжений звезд; дру-

гие, быв избранным Божиим народом, распяли на кресте Сына, думая тем почтить Отца; иные поставляют благочестие в исполнении маловажных заповедей; иные отрицают Ангелов, духов и воскресение или отметають пророческие писания, другие в законных сеньях чествуют Христа; иные чтут Глубину, Молчание — довременные природы, и эонов — женомужей; это дети Симона-волхва и их порождения, то слагающие Божество из букв, то ветхий и новый завет приписывающие двум богам — жестокому и всеблагому, то вводящие три неподвижные природы: духовную, перстную и среднюю между обеими, то с восторгом принимающие Манесову первобытную тьму, то нечестиво чествующие Монтанова Духа, или суетное превозношение Новата, наконец, сократители всецелой

Троицы и разделители насекомого естества. А от них, как от одной гидры, расплодилось многоглавое злочестие; от них и тот, кто одного Духа называет тварию, и тот, кто к Духу прилагает и Сына; от них и те, которые вводят современного Кесарю бога, или ни с чем не сообразно приписывают Христу призрачный образ, или допускают другого Сына, дольного, или утверждают, что спасен человек не полный, не имеющий ума. Таковы, скажу кратко, сечения правой веры; таковы родоначальницы всех нелепых учений.

И кто же из них был тогда столько упорен, чтоб не склонить слуха к моим словам? Одних пленяла сила учений, других делал кроткими образ выражения. Без вражды, не столько с укором, сколько с сердоболием вел я речь; сетовал, а не поражал, и не превозносил-

ся, как другие, скоротечным и непостоянным временем. Ибо какое общение у Слова с земною властью? Не делал я щита своему неразумию из дерзости. Слишком ухищренно, и разве карака-тице только свойственно изрыгать черноту из своей внутренности, чтоб в темноте избежать обличений. Напротив того, в словах своих соблюдал я кротость и благоприличие, как защитник слова кроткого, сострадательного, не наносящего никому ударов. Потому и побежденным оставаться славно, но еще гораздо досточестнее одерживать верх над приобретаемым Богом невольным убеждением. Так было начертано на моих скрижалях!

Но был у меня и другой, так же ясно и прекрасно начертанный закон обучения, именно же следующий: не признавать единственным путем к бла-

гочестию этого легко приобретаемого и зловредного языковолія, не метать таинственных учений без всякой пощадѣ на зрелищах, на пирах, во время упоения, среди смеха, когда сердце разнежено песнями, не метать языком, который не очищен предварительно от мерзких речей, не метать слуху, который осквернен и чужд Христа, и не обращать в шутку того, что с трудом уловляется; но доказывать благочестіе всего более исполнением заповедей, тем, чтобы питать нищих, принимать странных, ходить за больными, постоянно проводить время в псалмопениях, молитвах, воздыханіях, слезах, возлежаніях на голой землѣ, в обузданіи чрева, в умерщвленіи чувств, в подчиненіи доброму порядку раздражительности, смеха и уст, наконец, умирять плоть силою Духа. Ибо много путей ко спа-

сению, много путей, ведущих к общению с Богом. Ими надобно идти, а не одним путем слова. Достаточно учения и простой веры, какою без мудрований по большей части спасает Бог. А если бы вера доступна была одним мудрым, то крайне беден был бы наш Бог.

Но ты любослов; ты исполнен ревности; для тебя несносно, если не польется у тебя слово! И в этом случае желаю тебе не больше как свойственного человеку. Говори, но со страхом; говори, но не всегда, не обо всем, не всякому и не везде; знай, кому, сколько, где и как говорить. Всякой вещи, как слышишь, есть свое время, а всего лучше всему мера, по слову одного из мудрых. Не сходятся между собою пределы Мидян и Фригиян; не сходятся между собою учения внешних и мои слова. У тех говорятся речи напоказ, в

собрании молодых людей и для образца им; в них не важны и успех, и неудача. Ничто так не бессильно, как тень тени. Но у нас одна цель — говорить истину. Поэтому нельзя без страха, так или нет, вымолвить слово. Путь с обеих сторон окружен стремнинами; едва соступишь с него, тотчас упадешь, а упадешь прямо во врата адовы. Поэтому нужна особенная осторожность в словах, чтоб умно говорить и умно слушать. Иногда же, равно избегая того и другого, должно пользоваться правдивым мерилom — страхом. Слух меньше подвергает опасности, нежели язык. Но еще меньше будет опасности, если ничего не примешь и слухом, но побежишь прочь. Для чего тебе прикасаться к гнусу и умертвить свой ум? Для чего тебе приближаться к дыханию бешеной собаки?

Этому научился я из законоположений Писания, которыми был налитан еще прежде, нежели собрался с собственным своим умом. Так действовал я на граждан и на сторонних и стал уже одним из богатых земледельцев, хотя жатва моя не вся вдруг готова была к сбору. И некоторые из терний только что перестали быть дикими, а иные выравнивались, в другие влагалось только семя, иные были еще в молоке, у иных едва показывался из земли росток, другие дали зелень, у других обвязался стебель, другие ботели, а иные побелели к жатве, иные были на гумне, другие лежали в кучах, одни выевались, другие стали чистой пшеницею, а иные и хлебом, что составляет конец земледелия. Но этот хлеб питает теперь не трудившегося земледельца, а тех, которые не пролили и капли пота.

Здесь желал бы я заключить свое слово и ничего не говорить о том, что недостойно слова. Но теперь не дозволяет мне этого дальнейший ход дел, из которых иные текли для меня успешно, а о других не знаю, что и сказать, к какому причислить их разряду и кого похвалить.

Таково было мое положение, как внезапно прибывает из Македонии самодержец, после того как он остановил тучу варваров, которых воодушевляли и надежда на свою многочисленность, и дерзость. Государь, что касалось до веры в Бога, не был зломыслен, мог удерживать в должных пределах души более простые, сам усердно чтил Троицу (говорю это от искреннего сердца, а то же подтверждают и все, безопасно утвердившиеся на прочном основании); но у него не было такой горячности

духа, чтобы настоящее уравнивать с прошедшим, самому времени предоставив отразить удары времени. Или, может быть, имел он и горячность духа, но ей не равнялась (как это назвать — научите сами) отважность или дерзость. А может быть, лучше наименовать это предусмотрительностью; потому что и сам признаю законным не принуждать, но убеждать, и нахожу это более полезным как для нас самих, так и для тех, кого приводим к Богу.

Невольное, сдерживаемое силой, как стрела, остановленная тетивою и могучею рукою, или ручей, отовсюду прегражденный в своем течении, при первом удобном случае презирает сдерживающую силу. А добровольное навсегда твердо, потому что связано неразрешимыми узами любви. С такою мыслию, как полагаю, и царь не давал

пока места страху, всех привлекал кротостию, желая лучше, чтоб действовали свободно, а не из повиновения только писаному закону.

Как же скоро обрадованный государь прибыл к нам, которые втрое более обрадовались его приезду, тогда сколько почтил он меня при первом свидании, как благосклонно и сам говорил со мною и меня выслушал! Но нужно ли говорить об этом мне? Слишком было бы стыдно, если б подумали, что такие вещи дорого ценю и я, для которого дорого только одно — Бог. Но вот чем заключил он разговор со мною: «Чрез меня, — сказал он, — Бог дает тебе и твоим трудам этот храм».

Слова эти казались невероятными, пока не приведены были в исполнение, потому что в городе готовились противиться этому всеми мерами; кипение

страстей было сильно и ужасно, решались не уступать, но удерживать за собою все, чем владели, хотя бы случилось что и неприятное. А если бы к уступке принудили их силою, то стоило им обратить несколько гнева на меня, над которым не трудно было взять верх. Но так сказал государь, и я ощутил в себе некоторое трепетание удовольствия, смешанное с содроганием ужаса. Христе мой, призывающий нас к страданиям теми страданиями, какие Сам претерпел! Ты и тогда был мздовоздаятелем моих трудов, будь и теперь моим утешителем в злостраданиях!

Наступило назначенное время. Храм окружен был воинами, которые в вооружении, в великом числе, стояли рядами. Туда же, как морской песок, или туча, или ряд катящихся волн, стре-

мился, непрестанно прибывая, весь народ, с гневом и мольбами — с гневом на меня, с мольбами к державному. Улицы, ристалища, площади, всякое даже место, дома с двумя, с тремя жильями наполнены были снизу доверху зрителями — мужчинами, женщинами, детьми, старцами. Везде суеты, рыдания, слезы, вопли — точное подобие города, взятого приступом. А я, доблестный воин-тель и воевода, с этим немощным и расслабленным телом, едва переводя дыхание, шел среди войска и императора, возводя взор горé и ища себе помощи в одних надеждах; наконец, не знаю как, вступил в храм.

Стоит примечания и следующее обстоятельство. Тогда многим казалось оно даже выше всякого слова, именно же тем, для которых не просто и все, что они видят, особливо в важнейшие

мгновения времени. А я, который не меньше всякого другого не склонен верить чрезвычайному, не имею причины не верить утверждающим это; потому что оспаривать все без разбора хуже, нежели иметь готовность всему беспрекословно верить. Одно показывает легковерие, а другое — дерзость. Какое же это чудо? Пусть провозгласит о нем миру моя книга, и да не скроется от потомства такой дар благодати.

Было утро, но над целым городом лежала еще ночь, потому что тучи закрывали собою солнечный круг. Это всего менее прилично было тогдашнему времени, потому что при торжествах всего приятнее ясная погода. В этом и враги находили для себя удовольствие; они толковали, что совершаемое не угодно Богу. И мне причиняло это

тайную в сердце печаль. Но как скоро я и порфироносец были уже внутри священной решетки, вознеслась от всех общая хвала призываемому Богу, раздались восклицания, простерлись вверх руки; вдруг, по Божью велению, сквозь расторгшие тучи воссияло солнце, так что все здание, дотоле омраченное, мгновенно сделалось молниевидным и в храме все приняло вид древней скинии, которую покрывала Божия светлость. У всех прояснились и лица, и сердца.

Такое зрелище внушило смелость. В громких восклицаниях, как чего-то единственно недостававшего к настоящей радости, требуют меня; говорят, что для города от державной власти будет первою, самою важною, лучшею самого престола наградой, если Константинопольскому престолу дан буду я. Таково было требование и чинов-

ных, и простолюдинов; все в равной мере желали этого. Об этом вопияли вверху женщины, почти забыв, чего требует от них благоприличие. Все оглашалось как бы какими-то невероятными раскатами грома. Наконец, велев встать одному из восседавших со мною, чужими устами (а у меня не было тогда силы в голосе от смущений и от страха) проговорил я следующие слова: «Удержите, удержите ваши крики; теперь, конечно, время благодарению; после займемся и делами». Народ с рукоплесканиями принял слова мои. Такой конец имело это собрание, которое так много меня устрашало; и весь страх кончился тем, что обнажен один меч, но опять сокрыт в ножны, и дерзость пламенного народа пресечена.

Но что было после, не знаю, как продолжать о том слово; потому что и самый

предмет приводит меня в затруднение. Лучше бы другой кто кончил начатое мною повествование; потому что стыжусь слышать себе похвалы, когда и другой говорит обо мне хорошо. Такой у меня закон! Впрочем, буду говорить, соблюдая умеренность, сколько могу.

Я оставался дома. Город, после того как стал принадлежать нам, прекратил свои грозные на меня рыкания, но издавал еще глухие стоны, подобно исполину, который, как сказывают, пораженный перуном близ горы Этны, изрыгал из глубины и дым, и огонь. Как же надлежало мне поступить в этом случае? Научите меня ради Бога, скажите вы, властвующие ныне, вы — собрание жалких юношей, у которых кротость почитается слабостью, а упорство и злонравие — мужеством? Должен ли я был, без меры воспользовав-

шись обстоятельствами и властью, толкать, гнать, свирепствовать, воспламенять? Или надлежало мне врачевать врачевствами спасительными? В последнем случае можно было извлечь две выгоды: и их сделать умеренными своею умеренностью, и себе приобрести славу и благорасположение. Это было справедливо; так и всегда буду действовать, а всего более так прилично было действовать тогда. Во-первых, надобно было показать, что приписываю это не столько счастливому стечению обстоятельств, сколько Божию могуществу. Имея самого надежного светодателя — Слово, какой совет получаю от этого доброго советника? Все тогда кланялись гордыне чинопачествующих, особливо тех, которые имели силу при дворе и не способны были ни к чему другому, как только собирать деньги;

трудно и сказать, с каким усердием и с какими происками припадали тогда к самым вратам царевым; друг друга обвиняли, перетолковывали, употребляли во зло даже благочестие — одним словом, отваживались на всякие постыдные дела. Один я признавал для себя лучшим, чтоб меня любили, а не преследовали ненавистию. Я хотел снискать уважение тем, что меня редко видели; бóльшую часть времени посвящал Богу и очищению, а двери сильных земли предоставлял другим.

Сверх того, я видел, что одни, причинив мне обиду, как сами себе сознавались в том, беспокоились о последствиях, а другие, что естественно, имели нужду в новых моих благодеяниях. Поэтому одних избавил я от страха, а другим помог по мере нужды каждого и сколько сам был в силах. Для

примера скажу об одном из многих случаев.

Однажды оставался я дома, не занимаясь делами по болезни, которая посещала, не раз посещала меня вместе с трудами; и вот та нега, какой предавался я, по мнению моих завистников! В таком был я положении; вдруг входят ко мне несколько простолюдинов, и с ними молодой человек, бледный, с всклокоченными волосами, в печальной одежде. Я свесил немного ноги со своего одра, как бы испугавшись такого явления. Прочие, наговорив, как умели, много благодарений и Богу, и царю за то, что даровали нам настоящий день, сказав немало слов и мне в похвалу, удалились. А молодой человек припал вдруг к моим ногам и оставался у них каким-то безмолвным и неподвижным от ужаса просителем. Я спраши-

вал: кто он, откуда, в чем имеет нужду? Но не было другого ответа, кроме усиленных восклицаний. Он плакал, рыдал, ломал себе руки. И у меня полились слезы. Когда же оттащили его насильно, потому что не внимал словам, один из бывших при этом сказал мне: «Это убийца твой; если видишь еще Божий свет, то потому, что ты под Божиим покровом. Добровольно приходит к тебе этот мучитель своей совести, не благомысленный убийца, но благородный обвинитель себя самого, и приносит слезы в цену за кровь». Так говорил он; меня тронули слова эти, и я произнес такое разрешение несчастному: «Да спасет тебя Бог! А мне, спасенному, не важно уже показать себя милостивым к убийце. Тебя дерзость сделала моим. Смотри же, не посрами меня и Бога». Так сказал я ему. И как ничто прекрас-

ное не остается тайным, город вдруг умягчается, как железо в огне.

А в рассуждении прославляемых богатств, какими повелители целой вселенной обогащали храмы во все времена, и тех драгоценностей и отовсюду собираемых доходов, в которых не нашел я никакого отчета ни по записям прежних предстоятелей, ни у сокровищехранителей, у которых все это было на руках; если не стал я входить в разыскания и для поверки, как советовали мне иные, и к чему даже принуждали, не принял никого стороннего, что послужило бы к оскорблению таинства, то как думаешь об этом? Пусть отчет дают в том, что у кого было, а не в том, что следовало кому получить. Кто пристрастен к богатству, тот порицает и этот мой поступок; а кто выше этой страсти, тот весьма его одобрит. Если

во всяком случае худа ненасытность, то еще хуже — быть ненасытным духовному. Если бы все так рассуждали о деньгах, то никогда бы не было такого беспорядка в церквях. Но входить в такие разыскания не имею намерения, говорю же единственно о том, что относится к священнослужению и приближает к Богу.

Противниками распускаем был и тот слух, что не достанет у меня народа для наполнения и одних притворов; так прежде разделен был народ, когда мы были скудны; так презирал всякий меня, у которого теперь полный храм, даже полные храмы! И это было предметом моих попечений; не говорю уже о том, что я заботился о нищих, о монахах, о девах, служащих при храме, о странных, о прохожих, об узниках, о псалмопениях, о всеночных слезах, о мужах и же-

нах, упражняющихся в делах честных, и обо всем, что веселит Самого Бога, когда совершается благочинно.

Но не успокаивается губительная зависть, которую все уязвляет или явно, или тайно. Моя победа делается для меня началом бедствий. Для утверждения благочестивого престола собрались все предстоятели народные, сколько их ни было на Востоке, кроме Египта, до самого нового Рима, не знаю какими-то Божиими вещаниями подвигнутые из внутренних глубин суши и моря. Первоседателем у них был муж весьма благочестивый, простой и нехитрый нравом; он весь был в Боге; светлый взор его, внушая уважение, обуздывал дерзость, и взирающим открывал в нем возделанную Духом ниву. В этом изображении кто не узнает предстоятеля Церкви Антиохийской, который действительно

был таков, как именовался, и чье имя вполне соответствовало его качествам: потому что и имя, и нравы его медоносны¹! Он много пострадал за Духа Божия, светлыми подвигами воздвывая в себе духовные дарования, хотя и был недолго водим чуждою рукою.

Эти-то предстоятели утверждают меня на досточестном престоле, сколько ни вопиял я, ни жаловался на это. По крайней мере, утверждают не совершенно против воли, чему одна только была причина, — будь в этом моим свидетелем, Слово! Какая же это причина? Скрывать истину было бы непозволительно. Кто чего желает, тот слепо на это надеется. Когда же дух кипит, тогда все кажется удобным. В таких случаях и я, подобно всякому

¹ MelitoV gar cai tropoV cai toinoma. Этою игрою слов обозначается имя Антиохийского архиепископа Мелетия.

другому, бываю высокоумен. Поэтому в мечтаниях суетного сердца предполагал я, что как скоро приобрету могущество этого престола, поскольку видимость придаст много веса, тотчас приведу в согласие, к несчастью, отдалившихся друг от друга, подобно уставщику певчих, который, став в середине двух ликов и одному предписывая закон тою, а другому — другою рукой, делает из них один лик.

И не верх ли это бедствия? Не достойно ли это обильных слез, сильных рыданий и терзаний, каким не предавался никто ни из древних, ни из новейших ни в одном горестном событии, как ни много со многими встречалось несчастий, не исключая и то известное всякому рассеяние Израиля, развеянного христубийственной ненавистью? Эти председатели и учителя

народов, податели Духа, с высоты престолов осиявающие спасительным учением и непрестанно среди Церквей широковещательным гласом проповедающие всем мир, с таким огорчением восставали друг на друга, что, с грозными восклицаниями собирая себе сподобников, обвиняя других, сами подвергаясь обвинениям, предаваясь сильным движениям, перебегая с места на место, расхищая, что только удавалось захватить прежде других, в страсти к любовначалию и единоначалию (как и какими словами опишу это?) расторгли уже (как сказал я вначале этого слова) целую вселенную. Их споры, по-видимому, больше отделяют Запад от Востока, нежели разность местности и климатов. Последние, если не в крайних, то в средних своих состояниях имеют некоторое единение. Но нет уже ниче-

го связующего этих разделившихся между собою, не из благочестия, выставляемого в предлог ненавистию, готовую ко лжи, но из-за спора о престолах. О ком говорю это? Ужели об епископах? Не столько об епископах, потому что достаточно знаю обоих¹, сколько о тех, которые некстати стоят за того и другого, раздувают пламень, и без того разгоревшийся, из дела друзей прекрасно извлекают собственные выгоды, если только действительно это прекрасно, а не крайне худо!

Из этих бедствий и я приобрел нечто на свою долю. Когда предстоятель Антиохийской Церкви, которого восхвалял я недавно, исполненный и измеряемых, и неизмеряемых лет, после многих (как слышно) увещаний о примирении, какие и прежде, по рассказам,

¹ Мелетия и Павлина.

делал он друзьям своим, отшел отселе в ангельский лик, а потом при чудесном сопровождении и стечении города, особенно тогда, как сказывали, опечаленного, перенесен в собственную свою церковь, как прекрасное сокровище для знавших его; тогда у нас предлагается на совещание вопрос, не требовавший совещаний. Его сложили люди мятежные и злонамеренные, имевшие в виду какого-нибудь первостоятеля противопоставить тому, который теперь один¹ оставался на престоле. Много было наговорено и с той и с другой стороны, многое предложено с целью примирения, а многое послужило к увеличению зла. Тогда и я, со своей стороны, сделал предложения, какие признавал лучшими и более споспешествующими к прекращению бедствий.

¹ То есть Павлин.

Мне кажется, друзья, говорил я, что не все вы равно постигаете дело и хотите, чтобы слово мое касалось не того именно, о чем надлежит теперь рассуждать, но как можно далее уклонилось от необходимого вопроса. У вас идет рассуждение об одном городе¹, и это для того, чтобы произвести теперь еще больше споров. Вот цель, которой стараетесь достигнуть и для которой требуете вспоможения и моей руки. А у меня слово о деле гораздо более важном и общем. Видите великий круг земли, запечатленной потоками драгоценной крови Бога, Который пострадал в образе человека и Себя Самого предал в искупительную цену; видите круг земли, освященной и другими многими вторичными жертвами? Он то приводится в колебание двумя (ска-

¹ То есть Антиохии.

жу так) Ангелами, но и они (выговорю это со скорбию) недостойны такой чести, а, напротив того, поскольку они Ангелы, тем паче достойны не того, чтобы из-за них ссориться и поступать еще хуже, если только лучшее и достойно лучшего. Пока находился еще в живых Божественный епископ¹ и оставалось неизвестным, примут ли его когда-нибудь епископы западные, до толе раздраженные против него; извинительно еще было несколько и оскорбить в меру этих (как говорят) защитников законов; потому что, как кротость этого мужа служила некоторым врачевством против гнева, так неведение весьма много придавало дерзновения. Теперь же, когда бури уже нет и Бог даровал тишину Своей Церкви, теперь что, по словам моим, нужно?

¹ Мелетий.

Примите мое предложение благоразумное, превышающее мудрость юных; потому что нам, старикам, не убедить их кипучести, которая всегда уступает верх желанию суетной славы. Престол пусть будет предоставлен во власть тому, кто владеет им доселе. Что худого, если этого мужа¹ оплакивать будем долее, нежели сколько времени назначает на это ветхий закон? Потом дело решит старость и общий для всего нашего рода необходимый и прекрасный предел. Он² преселится куда давно желает, предав дух свой даровавшему его Богу; а мы, по единодушному согласию всего народа и мудрых епископов, при содействии Духа дадим тогда престолу кого-нибудь другого. И это пусть будет единственным прекращением не-

¹ Мелетия.

² Павлин.

устройств! Тогда или, что всего важнее, приобретем себе и чуждое, — ибо теперь, как вижу, чужд для нас Запад — или, что составляет вторую выгоду, многочисленные жители города¹, утомившись продолжительностию времени, [все] согласятся во мнениях. Да утихнет наконец, да утихнет, говорю, эта буря, волнующая мир! Сжались над теми, которые впали теперь в раскол², или близки к нему, или могут впасть впоследствии. Никто из нас да не пожелает изведать на опыте, чем это кончится, если превозможет надолго. Настала решительная минута: или сохраниться на будущее время нашему досточтимому и священному догмату, или от раздоров пасть невозвратно. Как непроч-

¹ Антиохии.

² Расколом называется разделение в Церкви, происшедшее оттого, что в Антиохии были вдруг два епископа — Мелетий и Павлин.

ность красок, хотя и не совсем справедливо, ставят в вину живописцу или нравы учеников — в вину учителям, так тайноводствуемый, а тем паче тайноводитель, если он худ, — не поругание ли Таинству? Пусть победят¹ нас в малом, чтоб самим нам одержать важнейшую победу, быть спасенными для Бога и спасти мир, ко вреду нашему погубленный. Не всякая победа приносит славу. Доброе лишение лучше худого обладания. Это известно Троице; это доказывает и светлая проповедь моего дерзновения, встреченная камнями и соделавшая меня предметом зависти людей злонравных. Я говорю сего дня просто и по правоте, говорю, сколько знаю, сообразное с целию. Если же кто из злонамеренных

¹ Епископы западные, которые поставили Павлина епископом Антиохии.

думает, что или говорю это из человекоугодия (потому что сам он намерен продать себя, а ныне действительно есть люди, которые, имея у себя много золота и столько же ревности, покупают голоса в пользу избираемых), или, по обычаю многих, не теряю при этом из виду собственной выгоды (потому что сам он ухищрялся, как бы укрыться в произведенном им беспорядке, или замышляет ухватить из этого нечто и себе), то да будет предоставлено решить это конечному огню! А мне дозвольте остаться без престола и вести жизнь хотя не славную, однако же безбедную. Я пойду и успокоюсь там, где нет этих зол, потому что это гораздо лучше, чем жить с ближними, но не иметь силы и другого склонить на свое мнение, и самому согласиться с другими вопреки разуму. Пусть выступит на среду, кто имеет виды на этот престол.

А он заступит место многих, и достойных, и худых, пастырей. Вот о чем надлежит вам рассуждать! Мое слово сказано».

Так сказал я; а они кричали каждый свое; это было то же, что стадо галок, собравшееся в одну кучу, буйная толпа молодых людей, общая рабочая, вихрь, клубом поднимающий пыль, бушевание ветров. Вступать в совещание с такими людьми не пожелал бы никто из имеющих страх Божий и уважение к епископскому престолу. Они походили на ос, которые мечутся туда и сюда и вдруг всякому бросаются прямо в лицо. Но и степенное собрание старцев, вместо того чтоб уцеломудрить юных, им же последовало. И смотри, какое похвальное рассуждение! Надобно, говорят, чтобы наши дела текли вместе с солнцем, там воспринимая начало, откуда воссиял нам Бог под

плотскою завесою. Что же? Мы научены не круговращения чувствовать, но признавать, что Христова плоть есть начаток всего нашего рода. А если здесь положено начало¹, то потому, может быть, как скажет иной, что здесь более дерзости и, следовательно, здесь удобнее было Христу умереть, следствием же смерти было воскресение, а следствием воскресения — спасение. Державшиеся таких мыслей не должны ли были, как сказал я, уступить хорошо знавшим дело? А из этого видно, как высокоумны они и во всем прочем. Но каково и то, что прекрасный и сладкий источник древней веры, которая досточтимое естество Троицы сочетала воедино и была некогда преподана в Никее, этот, говорю, источник веры, как видел я, жалким образом возмущен был

¹ На Востоке положено начало Церкви Христовой.

солеными потоками учений, какие распространяли люди сомнительной веры, которые, держась середины, принимают всякое мнение, какое только угодно властителю? И это было бы всего утешительнее, если бы действительно держались середины, а не явно передавались к противной стороне, эти епископы, ныне только научившиеся знать Бога, вчера учителя, а ныне ученики, сперва тайноводители, а потом тайноводствуемые, ведущие к совершенству людей и вместе, не знаю почему, оглашающие собственные свои пороки, и оглашающие без слез. Не странное ли дело — без слез исповедовать свои немощи? Таковы эти люди, потому что все, говорят они, раболепствует времени. Не всего ли же приятнее шутя приобретать, чего во многих случаях нельзя приобрести трудом, что не снис-

кивается и другими средствами, даже не покупается? А мы как-то чрез меру человеколюбивы. Поставили пред алтарями проповедническую кафедру и всем вопием: «Входи сюда, кто хочет, хотя бы два и три раза переменял веру! Настало время торжища. Никто не уходи без прибыли. Время всего изменчивее; может быть, кость ляжет другой стороною; тебе не удалось, мечи снова. Не благоразумное дело — привязаться к одной вере, когда знаем, что путей жизни много». Что ж выходит из этого? Тот многосоставный кумир, который древле являлся во сне, — золото, потом серебро, медь, железо, потом попираемый ногами черепок? Боюсь, чтоб всего этого не сокрушил камень. И Моавитянам, и Аммонитянам, которым в древности не позволялось входить в церковь, ныне открыт в нее вход.

Но скажи: не сам ли ты хвалил это прежде? Да и кто имел некогда силу на Соборах? Правда, что были Соборы, под чьим бы председательством они тогда ни были (повременю выговорить то, что приводит меня в стыд); но на них имели силу все, или, что то же, никто не имел силы, потому что многоначалие — то же безначалие. А надомною, к счастью, одерживала верх болезнь, которая нередко и подолгу держала меня безвыходно дома. У меня перед глазами было одно: преселение из этой жизни, которое освобождало меня от всех бед. Поэтому, что представилось, то пусть и будет законом. Правда, что были на Соборе люди, которые насильно и с трудом, потому что было у них столько дерзновения, вошли в собрание; но им извинением служит неведение зла; они уловлены были

двусмысленностью учений, проповедуемое им открыто казалось благочестивым, как порождение, вовсе не походившее на своих родителей. Но этот многочисленный сброд хриstopродавцев тогда разве допущу на Соборе, когда и грязь станут примешивать к благоуханию чистого мира? Потому что худое сообщается легче, нежели доброе. Им не понравился вводителъ новых учений (так дерзкие называют благоразумных); но и они не понравились благоразумному. И вот Лот и патриарх Авраам идут один в ту, а другой в противную сторону, чтоб не стесняться множеством своих имуществ. Нужно ли говорить, сколько раз и какими словами искушали вы, любезнейшие, эту седину, то предлагая мне первенство, то, как искренние друзья, у искреннего друга Григория (увы! точно искренние,

но в единодушии на худое) прося чего-нибудь, а именно: содействия вам во всем? Как же во всем? Кому же пришла такая мысль, что склонит меня к чему-нибудь народная толпа, а не Божие Слово? Скорее реки потекут вверх и огонь примет направление, противоположное обычному своему стремлению, нежели я изменю чему-либо в моем спасении.

С этого времени нога моя избегала ваших собраний; и это делалось явно; потому что переменял я дом, спасаясь из глубин церкви, устраниаясь от худых бесед и собраний. Впрочем, сколько сожалели об этом приверженные ко мне, особливо народ, не говорю уже о всех! В громких восклицаниях умоляли они, воздевая руки к Богу, заклиная, оплакивая меня, как уже умершего. Сколько терзаний! Сколько слез! Как и чьему сердцу можно было вынести это?

«И ты оставляешь нас — твой, как называл ты, колос, некогда тощий, а теперь уже... готовый к жатве. Оставляешь народ, недавно присоединенный к Церкви, оставляешь тех, из которых одни стоят при дверях твоих и ждут, когда они будут отверсты, другие введены уже тобою внутрь дома, а иные сами уловляют посторонних. И кому оставляешь? Кто воспитает твое рождение? Уважь труды свои, какими изнурял себя, и останок дыхания своего отдай нам и Богу. Пусть этот храм препроводит тебя из этой жизни!»

Таковы были удары, однако же я укрепился. Еще немного, и Бог подает избавление. Ибо вдруг прибыли приглашенные содействовать к утверждению мира; прибыли египетские и македонские делатели Божиих законов и Таинств. Но они повеяли на меня чем-то западным и суровым. Им противо-

стал сонм высокомудрствующих с Востока. Те и другие сошлись между собою (скажу нечто в подражание трагикам), как вепри, остря друг на друга свирепые зубы и искошая огненные очи. Коснувшись же многих вопросов, причем водились более раздражением, нежели разумом, и в моем деле усмотрели они нечто весьма горькое, когда стали перебирать законы, давно уже не действующие, от которых всего более и явным образом свободен был я, и делали это не по вражде ко мне, не по желанию скорее увидеть престол праздным для других, нет! Но, как, не скрываясь, уверяли меня в тайных со мною беседах, чтобы привести в затруднение возводивших меня на престол, находя для себя несносною их наглость, какую оказывали и прежде, и в новых делах. А я, сокрушенный бедствиями и болезнию, как связанный конь, не

переставал между тем прядать мысленно ногами, жаловался на порабощение и стеснительность уз, изъявлял желание увидеть свои пажити и эту мою пустыню. Как же скоро коснулись того, о чем сказал я, тотчас разорвал я узы и (хотя никогда, как очевидно, не уверяю в этом людей, зараженных любоначалием, однако ж это справедливо) с радостью ухватился за такой предлог.

Когда уловил я время, вышел на средину и сказал следующее: «Вы, которых собрал Бог для совещания о делах богоугодных, вопрос обо мне почитайте второстепенным. Чем ни кончится мое дело, хотя осуждают меня напрасно, это не заслуживает внимания такого Собора. Устремите мысли свои к тому, что важнее, соединитесь, скрепите наконец взаимные узы любви. Долго ли будут смеяться над нами как над людьми неукротимыми, которые

научились одному только — дышать ссорами? Подайте с усердием друг другу десницу общения. А я буду пророком Ионою и, хотя не виновен в буре, жертвую собою для спасения корабля. Возьмите и бросьте меня по жребию. Какой-нибудь гостеприимный кит в морских глубинах даст мне убежище. А вы с этой минуты положите начало своему единомыслию, потом простирайтесь и к прочему. Пусть место это назовется местом пространства (см.: Быт. 26, 22). Это и для меня обратится в славу. А если на мне остановитесь, то это будет для меня бесчестьем. Даю закон стоять за законы. Если держитесь такого образа мыслей, ничто для вас не будет трудно. Я не радовался, когда восходил на престол, и теперь схожу с него добровольно. К тому убеждает меня и телесное мое состояние. Один за мною долг — смерть;

все отдано Богу. Но забота моя о Тебе единственно, моя Троица! О если бы иметь Тебе защитником какой-нибудь язык благообученный, по крайней мере, исполненный свободы и ревности! Прощайте и вспоминайте о трудах моих!»

Так сказал я; они уклонялись от решительного слова, а я оставил собрание и с радостью, и с каким-то унынием — с радостью, что прекратятся несколько труды для меня, со скорбию, потому что не знал, что будет с народом; да и кто не сокрушается о сиротеющих детях? Таковы были мои чувствования; известно же только им самим и Богу, не скрывали ли в себе чего-либо большего, кроме выказываемого наружу, эти подводные утесы, эти засады в морских глубинах, эта гибель кораблей. Иные говорят и так, но я смолчу. У меня нет времени распознавать хитросплетения злобы. Я упражняюсь в приобретении простоты сердечной,

от которой зависит спасение. А спастись — единственное мое попечение. Впрочем, знаю, и знаю более, чем было бы нужно, что Собор тотчас почтил меня беспрекословным согласием. Так отечество вознаграждает друзей!

Так было у меня с ними; а что же с государем? Кланялся ли я, изгибался ли, припадал ли к его деснице? Вымолвил ли пред ним какое просительное слово? Засылал ли ходатаем кого другого из друзей, наиболее сильных при дворе и особенно ко мне расположенных? Сыпал ли золото, прибегал ли к помощи этого сильного властелина, домогаясь того, чтоб не пасть с престола? Такие меры предоставляю другим людям, слишком гибким. А я, как только мог, пришел к порфиноносцу и в присутствии многих, наблюдавших, что буду говорить, сказал: «И я, щедродаровитый царь, прошу у твоего всемогущия некоторой

милости; прошу у тебя не золота, не разноцветных мраморов, не покровов для таинственной трапезы, прошу не о том, чтоб родные мои получили высокие чины или удостоились служить при твоей особе; просить об этом свойственно тем, которые домогаются немногого; а я почитаю себя стоящим и более важного. Даруй мне одно: дозволь уступить несколько зависти. Желаю чтить престолы, но только издали. Я изнемог, видя, что меня ненавидят все, даже и друзья; потому что не могу обращать взоров ни на что, кроме Бога. У них требуй вожделенного согласия; если не из страха Божия и не из страха наказания, то, по крайней мере, из угождения тебе пусть положат они оружие. Воздвигни себе победный памятник в этой бескровной брани, как воздвиг уже, сокрушив необузданную дерзость варваров. Требуй и этой (указал я на седину и вместе на следы пота, проли-

того мною для Бога); она не отказывается терпеть для пользы мира. Тебе известно, что ты возвел меня на престол против моей воли». Самодержец рукоплескал, когда я говорил это; рукоплескали и другие. И я получаю просимое, правда, как говорят, с трудом, однако же получаю.

Что еще после этого озабочивает меня? Стараюсь убедить всех, чтоб приняли это равнодушно; и из любви ко мне, и по раздражению на дурной поступок нимало не задумывали каких-либо сопротивлений. Я употреблял ласки, похвалы, рукоплескал людям злонамеренным; так действовал на служителей алтаря, на посторонних, на вождей стада, на тех, которые издавна принадлежали к Церкви и которые присоединились к ней недавно и не могли перенести, что лишают их пастыря; так действовал на епископов, которых крайне это поразило, ибо мно-

гие, как скоро узнали о решении Собора, поспешно потекли вон, как стрелы молнии, затыкали себе уши, всплескивали руками, не хотели даже и видеть, чтобы другой возведен был на мой престол.

Конец слову. Вот я, дышащий мертвец, вот я, побежденный и вместе (не чудо ли?) увенчанный, взамен престола и пустой пышности стяжавший себе Бога и Божественных друзей! Оскорбляйте меня, благодумствуйте, скачите, мудрецы, сложите песнь о моих несчастиях, пойте ее в собраниях, на пирах и в храмах, возглашайте свою победу, как петухи, вытянувшись и высоко подняв голову, ударяйте локтями себе в бока среди безумцев! Один захотел — и все вы одержали победу. А если сам я хотел этого, то какая зависть — лишать меня и этой славы, хвастаясь, что свели с престола силою! Если же я не хотел, устыдитесь сделанного худо, вы, которые вчера возвели на престол и ныне изгнали.

Что ж буду делать, избежав этого? Стану с Ангелами. Какова ни будет моя жизнь, никто не причинит ей вреда, но никто не принесет и пользы. Сосредоточусь в Боге. А речи обо мне других пусть разносятся, как легкие ветерки. Я пресытился ими; меня часто осыпали и злоречием, и чрезмерными похвалами. Одного ищу себе: обитать вдали от злых, где мог бы единым умом искать Бога, где питала бы мою старость утешительная надежда горних благ.

Что ж принесу в дар Церквам? Слезы. К этому привел меня Бог, подвергнув жизнь мою многим превратностям. А куда приведет она меня, поведай мне, Божие Слово. Молю Тебя, чтобы привело в неколебимую обитель, где моя Троица и Ее сочетанное сияние, Троица, Которой и неясные тени приводят меня в восторг.

Определения, слегка начертанные

Бог есть сущность и первая доброта.

Мир — сопряжение скоропреходящего и умопредставляемого. А то, что каждую вещь делает такою или инакою, есть *природа*.

Природа невещественная — *Ангел*, первая тварь.

Но что такое Ангелы, уклонившиеся от доброго? Это *демоны*. Первый из них, бывший некогда денницею, есть изобретатель и начальник безобразной тьмы.

Вещество же — основа для образов, вторая тварь.

А красота в веществе — вид вещества, облеченного в образ.

Взаимный предел скоропреходящего и умопредставляемого есть *небо*.

Природа звезд — круговращающийся огонь.

А свет есть воспламененное озарение
и в душе разум. *Тьма* бывает двоякая,
как отсутствие двоякого озарения.

Век есть протяжение, непрестанно
протекающее не во времени.

А время — мера солнечного дви-
жения.

Земля есть отвердение вещества,
окружаемого небом.

Огонь есть естество, горящее и стре-
мящееся вверх.

Вода — естество, текучее и падаю-
щее книзу.

Воздух — наполнение пустоты и
вдыхаемый поток.

Я человек — Божие создание и
Божий образ.

Тело — вещество и протяженная
дебелость.

Стихия есть первоначальная часть
тела.

Душа — природа, оживляющая и движущая; с моей же душою страствованы разум и ум.

Жизнь есть сопряжение души и тела; равно как *смерть* — разлучение души с телом.

Ум — это внутреннее и безграничное зрение; а дело ума — мышление и впечатление в себе мыслимого. *Разум* — разыскание впечатлений ума; его ты выговариваешь посредством органов голоса.

Ощущение есть какое-то принятие в себя внешнего.

Память есть удержание в себе впечатлений ума, отложение памяти — забвение; а отложение забвения есть опять какая-то память, которую называю *воспоминанием*.

Под *хотением* разумею наклонение ума и встречу чего-то такого, что в на-

шей власти; но иного и хотеть не должно.

Движение, куда я хочу, — это свобода.

Усиленное таковое движение называю *рвением*; а непроизвольность есть насилие воли.

Под *суждением* разумею различение предметов.

Вожделение есть пожелание или прекрасного, или непрекрасного; а вожделение воспаленное и неудержимое — это *любовь*.

Раздражение есть внезапное воскипение в сердце; раздражение продолжительное — это *гнев*; а раздражение, в котором человек помнит зло и замышляет сам сделать зло, есть *памятозлобие*.

Терпеливостию называю переваривание в себе скорби; а спокойно встре-

чать обиду означает *негневливость*; древние обыкновенно называли это *кротостию*.

Навык к доброму почитай *добродетелию* и, обратно, навык к худому — *болезнию*, противоположною добродетели. И первую признавай даром Божиим, а последнюю — своим изобретением.

Красота есть соразмерность во всем; а *гнусность*, по моему рассуждению, есть поругание красоты.

Мужество есть твердость в опасностях; *дерзость* есть смелость, где не надлежало бы отваживаться; а какое-то сжатие сердца, когда надлежало бы на что отважиться, есть *робость*.

Не поддаваться удовольствиям — это есть *целомудрие*; а поддаваться удовольствиям — это называю *распутством*.

Не домогаться того, чтобы иметь у себя больше других, — это *справед-*

ливість; а виступати из пределов равенства — это несправедливість.

Благоразумие есть опытность в делах.

Под мудростію разумеі созерцание сущего.

Простота есть какой-то навык быть недеятельным ко злу. А *двоедушіе* есть коварство нрава.

Удовольствие есть какая-то разнеженность души.

Скорбь есть грызение сердца и смущение; а *забота* — это кружение; высшая же ее степень — *беспокойство*.

Рассуждение есть противоположение суждений о том, что делать.

Решение есть установление определений ума в одном.

Отринутіе же определений ума почитаю *беспечностью*.

Зависть есть сокрушение о благоуспешности ближних; а *злоречіе* сверх

того и вредит из зависти. Но упрекать людей порочных есть похвальная страсть.

Стыд есть какое-то сжатие сердца от страха подвергнуться позору; а презрение стыда есть *бесстыдство*.

Прилежание есть какая-то стойкость в предположенном; ослабление этой стойкости называю *нерадением*. *Леность* же есть неподвижность к чему бы то ни было.

Ревность есть то подражание, то какая-то скорбь о том, что нежность тайно питают к постоянно любимому предмету; древние называют это *ревнивостью*.

Хвастливостью называю надмение сердца, а *кичливостью* — воспламенение сердца, производимое легкомыслием. *Горделивый*, по моему мнению, любит выказывать себя перед другими. А *спесью* называю самоуслаждение.

Иметь *смирennemудрие* — значит не думать о себе и того, чего бы заслуживал; притворно выказывать свое смирennemудрие есть *насмешка*.

Щедрость — когда просто дает кто другому деньги; а *расточительностию* называю пожирание денег; *скупость* же есть бережливость на деньги.

Пышность есть блистательность в делах; а *щепетильность* — и о маловажном думать много.

Великодушен, кто все переносит с благодушием; а не переносить и малости — знак *малодушия*.

Любочестие есть умеренное желание чести; а *суетность* простирается далее меры; желание же пустых отличий есть *тщеславие*.

Казаться таким или таким есть *слава*; а иное дело — *мнение*, то есть наши представления о вещах.

Обида есть неблагородный поступок или неблагородное слово человека неприязненного. Злоречивый старается остыдить. Порицание друга, не подвергающее наказанию, есть *упрек*. Обвинение же в чем-нибудь заслуживающем наказания есть *жалоба*. Если жалоба несправедлива, то делается *клеветою*. А если принесена еще тайно, то назову ее *ябедою*. Какой-нибудь безотчетный упрек есть *хула*. А злоязычен, кто против всех вооружает свои уста.

Обходительность есть развязность в беседе; а *ловкость обращения* — развязность, кроме слова, в движениях; *глупость* же есть неумение сказать кстати слово.

Смех есть судорожное движение щек и трепетание сердца.

Неумеренное употребление вина назову *пьянством*; непристойное со-

стояние упившегося есть *опьянение*; а *похмелье* — неприятное следствие вчерашнего упоения.

Убийство бывает двоякое: или тела, или образа Божия; а в том и в другом случае разрушается возжеленная гармония.

Блуд и *прелюбодеяние* также бывают двоякого рода: это или какое-то похищение чужим телом, или демоном, когда любовь, какою обязаны мы к Богу, питаем к врагам Божиим. Но кто и золото чтит, есть также *идолопоклонник*.

Если приобрести что-нибудь для души есть польза, лишить ее чего-нибудь есть *вред*.

Жалость есть сострадание к несчастью; а *милосердие* — когда оказываем какое-нибудь благодеяние страждущему.

Известный навык в делах есть *нрав*; а *поведение* — такой образ действия, в котором выказывается нрав.

Обучение есть образование делом и словом.

Совершенное слово врачует злых; а *несовершенное* губит и добрых.

Под созерцанием разумей размышление об умопредставляемом; а *деятельность* есть некоторое действование, относящееся к тому, что обязаны мы делать.

Навык есть какое-то постоянное качество, а произведение навыка называю *действованием*.

Искусство есть заведенный порядок действования по опыту; а такой навык, от которого и отступить невозможно, называется *знанием*.

Что само не ради чего-нибудь, тогда как другое ради этого, то называю *концом*; а *цель* есть то, чего домогаемся при конце.

Под прошением разумей испрашивание необходимого; *под молитвою* —

испрашивание лучшего; под обетом — обещание умиловительной жертвы; а *умиловительная жертва* есть дар, приносимый в честь.

Похвала есть доброе слово о чем-нибудь моем. *Хвала* есть благоговейная похвала Богу. *Песнь*, как думаю, есть мерно сложенная хвала. Псалом в соединении с пением делается *псалмопением*.

Говорить о чем-нибудь действительном, как оно есть, — это *нелживость*; а говорить не так, как оно есть, — это *ложь*; говорить же вопреки есть *словопрение*, и что хуже этого в жизни?

Клятва есть уверение при посреднике Боге. И соблюдение того, в чем клялся, есть *верность клятве*.

Под словом *набожность* разумею и почитание демонов. А *благочестие* есть поклонение Троице. *Отречением* от Бога будет как унижать Одно

из Трех Лиц, так и не чтить соестества в Боге.

Вера бывает двоякая: одна по убедительности слова, а другая по какому-то на все готовому согласию. И первая есть *правильная*, потому что начальником слова — само Слово.

Надежда есть общение с отсутствующим предметом; а прекращение такого общения называю *отчаянием*.

Любовь, по моему определению, есть единомушие; а *любовь к Богу* — вместе и путь к обожению.

Ненависть есть какое-то отвращение, порождающее вражду.

Лицемерие есть скрытая горечь.

Любить человека — значит воздавать честь Создателю; *служить* нищим — значит воздавать честь Обнищавшему ради нас.

Тот *страннолюбив*, кто себя самого признаёт странником.

Безмятежность жизни есть вожденный мир, особливо же мир душевный, то есть утишение страстей.

Вражда, по моему мнению, есть разномыслие и раздор. А вражда и война — изобретатели зол.

Чистота есть общение с Богом.

Скверным и *скверною* почитай грех.

Очищение есть омовение нечистот; а нечистотою почитаю и отпечатление в себе худого.

Бракосочетание есть законный плотский союз.

Девство есть исшествие из тела.

Тот монах, кто живет для Бога, и притом для Него Единого; а *монастырь*, по моему мнению, есть учреждение, которое имеет целию спасение.

Грех есть уклонение от доброго, не допускаемое ни законом, ни природою.

Закон есть судебное определение того, что мне делать, а *заповедь* есть Владычнее повеление.

Преступление есть худой поступок при существующем законе. Под беззаконием разумею неподчинение законам.

Первый закон есть иудейство; а *второй* — Таинство страдания. Один прикровен и истребляет служение демонам; а другой — ясен и разрушает гадания.

Вочеловечение Христово есть новое создание меня, человека; потому что Бог во плоти пострадал моим страданием. Он вполне воздал за все мои долги; по милости к Еве родился от жены, но от Девы; ибо и первое Его рождение есть от единого Отца; и Бессупружный произошел от бессупружных. А *перепись* была во образ следовавшего Божия вписания. *Повитие пеленами* — взамен Адамовой наготы. *Избиение младенцев* — это от-

менение младенческих прообразований. *Идущая звезда* — это поклонение твари. *Приходящие волхвы* — это вступление язычников в Церковь. *Крещение Христово* было очищением вод для меня. *Дух* — это засвидетельствованное родство. *Пост* — умащение на борьбу с врагом. *Искушение* было изведанием хитрости Божией. *Терновый венец* и *облечение в порфиру* — это отнятие державы у врага в открытой борьбе. *Крест* — это победное знамение; и деревянный — в знамение древа. *Гвозди* — это пригвождение моего греха. *Распростертыми руками* Христос все объемлет. А *вкушение желчи* противоположно Адамову вкушению. Один из *разбойников* спасся — это уверовавший Адам; а другой был худ, хотя и пригвожден ко кресту. *Тьма* от шестого часа — это плач о Страждущем. А *распадение камней*

поборает камни. *Воскресение мертвых и восшествие во град* — это преставление умерших в горняя. *Кровь и вода*, вместе истекшие из ребра, — это двоякое крещение купели и страдания, когда принесет опасности время гонений. *Мертвость Иисусова* есть истребление мертвости во мне. *Воскресение Христово* из мертвых — мое освобождение из ада. *Восшествие Христово в горняя* и меня возводит горé.

Рассмотрим теперь и то, что за этим следует.

Народ — это собрание богочтителей.

Храм — это освященное место очищения для народа.

Дар Богу — это очистительные жертвы.

Богоприимная трапеза — это чистое хранилище Даров.

Священство — это освящение мыслей, приближающее человека к Богу и Бога к человеку.

Таинство есть неизглаголанное Божество.

Под благодатным дарованием разумею Божественное даяние Духа.

Пророчеством называю проповедь о сокровенном.

А Евангелие — это проповедь о новом спасении.

Апостольство же есть содействие проповеди.

Оглашение, преподаваемое юным, есть ведение слова.

Покаяние — обращение к лучшему.

Заклинание — изгнание демонов.

Купель есть печать второй жизни.

Просфоры — общение Божия воплощения и Божиих страданий.

Знамение есть чуждое событие, выходящее из ряда обыкновенных.

Огненные языки — присутствие Духа.

Человек душевный далеко не совершен; человек плотский крайне предан страстям; а человек духовный недалек от Духа.

Кто антихрист? Зверь, исполненный яда, человек многомогущий.

А что такое отступление (см.: 2 Сол. 2, 3)? Это недавний всех злейший отступник или господствующее ныне учение, рассекающее Бога.

После него Христос опять придет во славе Отца и с телом, чтобы видели Его богоубийцы. После него воскресение, или сопряжение сложного. После него окончание — разрушение существующего, а может быть, и некое изменение в лучшее. После него суд и страх.

Что же такое суд? Собственная и внутренняя тягота или легкость совести и приравнение жизни к закону.

А бодрость жизни, по моему мнению, есть блаженство.

**По благословению
Преосвященного Симона,
епископа Мурманского
и Мончегорского**

Святитель Григорий Богослов

*Духовные творения, поучающие основам
христианской жизни.* — М.: Трифонов Печенгский
монастырь; «Новая книга»; «Ковчег», 2000. — 544 с.

ISBN 5-7850-0065-2

© Оформление, набор, верстка,
«Новая книга»; «Ковчег», 2000 г.

ЛР № 063930 от 09.03.95.
Подписано в печать 14.12.99.
Формат 70х90 1/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18,35.
Тираж 10 000 экз.

Издательский дом «Новая книга».
125047, Москва, 1-я Тверская-Ямская, 18.
Тел: (095) 362-43-43;
(095) 972-49-14

Отпечатано с готовых диапозитивов
АО «Молодая гвардия».
Москва, Сушевская ул., 21
Заказ № 29057